

**ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

9—10

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

1992

9—10

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
1992

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акад. АН Узбекистана И. И. ИСКАНДЕРОВ (*главный редактор*), чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ, акад. АН Узбекистана А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН Узбекистана С. К. КАМАЛОВ, акад. АН Узбекистана Ш. З. УРАЗАЕВ, акад. АН Узбекистана М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана А. А. АГЗАМХОДЖАЕВ, чл.-кор. АН Узбекистана Б. А. АХМЕДОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Х. П. ПУЛАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН Узбекистана А. Х. ХИКМАТОВ, чл.-кор. АН Узбекистана М. Ш. ШАРИФХОДЖАЕВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук С. Ш. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, Б. И. КНОПОВ (*ответственный секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 32-73-29, 4-83.

© Издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 1992 г.

Редакторы И. Маркман, М. Шамсутдинова
Технический редактор Л. Тюрина

Регистр. № 000055. Сдано в набор. 6.11.92. Подписано к печати 3.12.92. Формат 70×108^{1/16}. Бумага газетная. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7.00. Усл. кр. отт. л. 7,21. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 675. Заказ 211. Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Фан» АН РУз: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» АН РУз: 700170, Ташкент, проспект акад. Х. Абдуллаева, 79.

К. А. ХАСАНДЖАНОВ, А. М. КАДЫРОВ, Г. С. ШАМИРЗАЕВА

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ И МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Переход республики на принципы государственной независимости требует изменения приоритетов и подходов к формированию экономической политики, когда отправной посылкой становятся прежде всего мотивации и интересы обеспечения эффективности межрегионального воспроизводственного процесса.

Высокая эффективность производства делает выгодным экспорт продукции глубокой переработки в обмен на сырье и материалы, а низкая, напротив, толкает на экспорт сырья и материалов в обмен на готовую продукцию высокого технического уровня, поскольку в цене сырьевых продуктов и полуфабрикатов значительную часть составляет рента — природный дар. Такую ренту можно вывозить вообще «без приложения» собственного труда, передавая право эксплуатации месторождений иностранным пользователям и получая на правах собственника ресурсов определенные суммы на свой пай.

Республика Узбекистан нуждается, однако, в максимальном увеличении переработки собственного сырья на месте, чтобы занять быстрорастущее население, увеличить общий объем производства чистой продукции. Так что при установлении системы межгосударственного обмена по мировым ценам развитие народного хозяйства Узбекистана будет находиться под сильным воздействием прямо противоположных факторов — с позиций сегодняшнего дня наиболее легко заработать валюту на экспорте сырья и материалов, но с позиций долгосрочной перспективы, напротив, надо делать ставку на развитие отраслей глубокой переработки. Иначе говоря, тенденции изменения структуры внешнеэкономических связей могут быть довольно неустойчивы при отсутствии «большой внешней помощи», используемой на совершенствование республиканской структуры производства.

Ускоренная интеграция экономики Узбекистана в мировое хозяйство на основе полной либерализации внешнеэкономической деятельности связана с рядом трудностей:

— технологическая несовместимость. Основная часть технологий и продукция наших отраслей (особенно в производстве товаров народного потребления) далеки от мирового уровня;

— несовместимость инфраструктурной системы (связи, информации, коммуникации и др.);

— структурно-отраслевая несовместимость. Отраслевая структура народного хозяйства республики в общем повторяет структуру экономики страны, у нас нет своей «ниши» в какой-либо группе товаров (мы имеем в развитых странах ограниченный рынок сбыта хлопка-волокна, шелковичных коконов и каракуля, а также некоторых цветных металлов);

— уровень экономической эффективности. Большинство пред-

приятий не способны выдержать ценовую конкуренцию на мировом рынке;

— несовместимость экономико-правовой системы управления, неопределенность в стратегии и тактике реформ;

— сложная социально-психологическая адаптация населения к изменяющимся условиям и др.

Опыт ускоренной интеграции в бывшей ГДР показывает, что даже в рамках одной государственной системы (имевшей гораздо более сильную по конкурентоспособности экономику, по сравнению с нашей) она сопровождается значительными трудностями.

Стратегия вхождения Республики Узбекистан в мировое экономическое пространство с целью прогрессивных структурных преобразований в экономике должна исходить из следующих принципов:

«технологического капитала» — создание режима наибольшего благоприятствования для прямых капиталовложений (в основном частного капитала);

«ведущего звена» — привлечение иностранных инвесторов для технических и технологических преобразований ключевых производственных звеньев, в наибольшей степени повышающих эффективность народного хозяйства;

«конечного цикла» — совместные предприятия, выпускающие готовую продукцию;

«территориального размещения» — оптимальное размещение СП по территории республики.

Принципиальное значение приобретает вопрос, по каким каналам пойдет иностранная экономическая помощь, кто станет конкретным ее получателем. Возможны два направления использования иностранных инвестиций:

«традиционный» — получение кредитов и использование валютных ресурсов на приобретение потребительских и продуктовых товаров, технологического оборудования и централизованное их распределение для обрабатывающей промышленности (за счет расхода имеющихся сырьевых ресурсов, включая золото). Опыт бывшего СССР и большинства развивающихся стран, имеющих единую экономико-правовую систему с развитыми странами, свидетельствует, что это направление нерационально. Но складывающаяся социально-экономическая обстановка в республике может подтолкнуть развитие ситуации в этом направлении;

«прагматический» — привлечение прямых частных капиталовложений (на базе ТНК) с созданием экономико-правовых условий, более высокой нормы прибыли, механизма защиты всех вложений и гарантий вывоза прибыли в твердой валюте (в условиях неконвертируемости национальной валюты, преодоление которой потребует длительного времени). Решение этих проблем требует создания специального валютного фонда (в одной из западных стран, имеющей лучшие финансовые условия), управляемого консорциумом ведущих банков стран-кредиторов, известных страховых компаний и внешнеэкономического банка республики.

Концентрация части помощи, получаемой по межправительственным соглашениям и от международных экономических организаций, в специальном фонде содействия частным иностранным инвесторам обеспечит им свободный перевод прибылей в конвертируемую валюту и страховку за коммерческий риск.

Основными источниками формирования фонда являются:

— часть «свободных кредитов» иностранных государств (вероятнее всего, Ближнего Востока) и международных финансовых организаций;

— часть валютной выручки от реализации золота;

— независимо от форм собственности выкупается 10—15% валютной выручки (по рыночному или специальному курсу);

— налог на перевоз за рубеж распределенной части прибыли зарубежного партнера, установленный дифференцированно, от 10—20%, в зависимости от приоритетности сфер (в материальном производстве — минимальный, в непродуцированной сфере — максимальный);

— проценты за хранение валютных ресурсов фонда в одном из банков.

Отработав механизм привлечения прямых иностранных инвестиций в приоритетные области экономики и превратив поступления внешних ресурсов в самокупаемый процесс, можно избежать «ловушки» большой внешней задолженности.

Новая внешнеэкономическая политика предполагает ее реализацию с поэтапным достижением конкретных целей.

I этап (1992—1997 гг.). Сохранение традиционных рынков сбыта как основного источника накопления с преимущественной реализацией «импортозамещающей политики», что предполагает решение следующих задач:

«запуск» экономической реформы с созданием основных инструментов рыночной инфраструктуры;

создание законодательной базы и нормативных актов, а также инфраструктурное обеспечение развития внешнеэкономической деятельности (с максимальным приближением к международным нормам);

определение статуса импортозамещающего производства (иностраным и местным предпринимателям): в законодательном порядке должен быть введен ряд финансовых и налоговых льгот (льготный кредит в размере 50% от планируемого объема инвестиций, использование государственных субсидий, местного научно-технического потенциала, частичная конвертируемость прибыли в твердой валюте и др.);

разграничение функций МВЭС, отраслевых министерств, Внешэкономбанка (демонополизация) и территориальных органов;

проведение единой валютной (поддержка курса национальной валюты), налоговой и таможенно-тарифной политики;

приоритетное стимулирование самообеспечения продовольствием по основным товарным группам (зерно — как основа политической независимости);

стимулирование перехода от вывоза сырьевых ресурсов к полуфабрикатам и готовой продукции (например, вместо хлопка-волокна — пряжа);

освоение лизинговых операций, быстрая организация сборочных производств на базе импортных комплектующих материалов, с разработкой механизма стимулирования их размещения на территории республики;

сохранение бартерных сделок с разработкой системы «фискального» контроля, заключение межгосударственных соглашений со странами Восточной Европы с отработкой механизма децентрализации торговли между предприятиями и введение в нее рыночных элементов;

создание единой международной хлопковой биржи, клирингового банка, торговых домов и др.;

стимулирование вывоза рублевого капитала в страны СНГ, участие в процессе приватизации земли, промышленных предприятий, создание совместных предприятий в строительстве и обслуживающих отраслях, смешанных посреднических компаний и др. (особенно в Сибири, на Дальнем Востоке, Урале, в Казахстане и др., т. е. в зонах, приоритетных для экспорта продукции республики);

вывоз рабочей силы в традиционные сферы, где мы располагаем кадрами (сельскохозяйственное производство, сфера обслуживания и торговля и др.);

отработка механизма «экспортоориентированной модели» экономического роста на локальных территориях на основе создания экспортнопроизводственных зон (ТЭО, капитальные вложения на инфраструктуру и др.).

II этап (1997—2005 гг.). Формирование инфраструктурной базы «экспортоориентированной модели» с созданием эффективной структуры экономики, основными направлениями которой являются:

создание инфраструктурной базы, информационных и коммуникационных систем, которые позволяют включить их в международные каналы;

развертывание государственных и региональных программ развития внешнеэкономической политики с механизмом привлечения иностранного капитала;

экспортируемые товары должны освобождаться от внутренних налогов, взятых с национальных производителей, возвращаются производителям экспортируемых товаров;

развитие посредническо-инновационных фирм технологического направления на базе исследований, имеющихся в СНГ, для переориентации их на рынок зарубежного Востока (создание льгот в лицензировании, низкие налоги на доходы, открытые валютные счета, не облагаемые налогом, и свобода их передвижения);

создание совместных корпораций по технологическому циклу (текстильно-швейные и др.);

изменение структуры экспорта и освоение специализированных «ниш» по группе промышленных товаров и услуг (текстиль, швейные, кожаные изделия, бытовая электроника, сельскохозяйственное машиностроение, особенно малогабаритное, плодоовощная отрасль и продукция ее переработки, сухофрукты и кишмиш, инжиниринговые и строительные услуги и др.);

макроэкономическая государственная политика, ограничивающая потребление и стимулирующая накопление;

преимущественная ориентация на рынки сбыта стран СНГ (Россия) и развивающиеся страны.

III этап (за пределами 2005—2015 гг.). Создание достаточных экономических и инфраструктурных условий для крупномасштабного прорыва промышленной и наукоемкой продукции в мировой рынок, с решением следующих проблем:

— создание национальной конвертируемой валюты;

— достижение положительного сальдо платежного баланса с основными партнерами;

— создание национальных отраслей экономики, ориентированных на производство технологического оборудования для приоритетных отраслей в соответствии с мировыми стандартами;

— приоритетная социальная политика и качественное преобразование жизни народа;

— функционирование экономики на основе полноценных рыночных отношений с механизмом государственного регулирования;

— диверсификация рынков сбыта.

Таким образом, реализация новой внешнеэкономической политики потребует немало времени и усилий. Поэтому в республике необходимо разработать и осуществить такую концепцию внешнеэкономической политики, которая могла бы создать благоприятные условия для быстрого включения потенциала Узбекистана в международное разделение труда.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО РЫНКА

Формирование рыночных отношений в Республике Узбекистан предполагает радикальные изменения на микро- и макроуровнях ее народного хозяйства с целью разрешения накопившихся за десятки лет существования командно-административной системы последствий длительных структурных диспропорций, скрытых инфляционных процессов, монопольного государственного хозяйствования в производственной, банковской и других сферах, централизованного управления национальными экономикими. Но рынок не есть абстракция без определенных его состояний, подобно материи без конкретных форм ее существования, и экономисты понимают под переходом к рынку действительный переход от командно-административной организации рынка к организации рынка с большей степенью свободы от прямых методов участия государства в совокупной хозяйственной деятельности.

В этой связи мы попытаемся здесь дать свое определение рынка и исследовать содержание данного определения с позиций институционализма¹, возникшего в американской политической экономии в конце XIX — начале XX в. (в качестве теоретической парадигмы либерально-демократических реформ, рассматривающей государство как позитивное дополнение к рыночному механизму в целях социального контроля его функционирования) и имеющего методологические и идейные истоки в исторической школе немецкой политической экономии и марксизме (принцип историзма, концепция идеологического выражения экономических интересов), в английском социал-реформизме (концепция солидаризма в разрешении конфликтов различных социальных сил). Однако мы рассматриваем государство как эндогенного, а не экзогенного (что является обычным в традиции институционализма) участника рыночного механизма.

Рынок. Рынок как историческая категория товарной эпохи представляет собой отношения взаимодействия между непрерывно развивающимися хозяйственными институтами: индивидами, фирмами, корпорациями, ассоциациями и государством — как факторами формирования целостного механизма спроса и предложения или воспроизводственного цикла — производство, распределение, обмен и потребление. Итак, соответствующим образом организованный рынок есть соотношение функций различных хозяйственных институтов как выражение их участия в формировании качественно и количественно определенных свойств спроса и предложения.

Но, как известно, одну группу институтов (поведение отдельных индивидов, фирм, корпораций, ассоциаций) относят к микроуровню народного хозяйства, другую (экономическая политика государства, нацеленная на решение проблем национального характера: инфляция, безработица, стабильные темпы экономического роста, внешнеэкономическая сбалансированность и др.) — к макроуровню. Следовательно, соотношение функций институтов совокупного предпринимательства есть соотношение микро- и макрофункций (мМ-функций) целостного хозяйственного механизма. Взаимодействие между институтами является по сути тождественной трактовкой хорошо известных советской политической экономии производственных отношений (точнее — их социально-экономического уровня): «В противовес марк-

¹ Методология институционализма предполагает подход к исследованию хозяйства как к совокупности хозяйственных институтов, характеризующихся автономными интересами, образами мышления и поведения.

системской теории о противоречии между производительными силами... и капиталистическими производственными отношениями институционалисты выдвигают в качестве исходной причины всех противоречий капитализма отставание перестройки институциональной сферы в соответствии с уровнем и потребностями развития технологий².

Исследовать содержание такого рынка, на наш взгляд, надо посредством четырех посылок (о которых речь пойдет ниже), обеспечивающих в сумме более целостное рассмотрение методологических основ перехода к эффективному организованному рынку.

Микро- и макроэкономические процессы и функции. Предполагая конкретные исторические этапы, периоды в истории развития нашего общества, с точки зрения непрерывности можно заключить (это исходная посылка), что социальными материальными носителями общественных явлений выступают такие частные и последовательно усложняющиеся институты, как: человек (индивид), объединение людей (семья, коллектив, группа...); территориально обособленная форма жизни племен и родов, наций и народностей — государство; человечество. Рассуждая о каких-либо микро-и макросоциальных (мМ-социальных) причинно-следственных связях, мы безусловно понимаем «простейшие» институты мМ-социальной модели (человек, коллектив, группа...) как микросоциальные институты, а государство — как макросоциальный институт.

Однако, рассуждая о мМ-социальных процессах, мы обнаруживаем непротиворечивую технологическую сторону их единства, ибо акцент делается на объективную обусловленность макропроцесса микропроцессом постольку, поскольку исторически действительны взаимосвязь и взаимообусловленность упомянутых мМ-институтов. В то же время, рассуждая о мМ-социальных функциях, мы обнаруживаем противоречивую сторону единства, ибо акцент делается на объективную автономность функций этих мМ-институтов постольку, поскольку качественно автономны интересы (как источники этих функций) институтов.

Первый институт (развивается вторая посылка — об адекватных хозяйственных институтах) участвует в хозяйственном процессе своими доходами, расходами и сбережениями, вкусами и предпочтениями и т. д. Второй социальный институт выступает как коллективный институт предпринимательства — предприятие. Особый период в его развитии — процесс первоначального накопления капитала с классической формой его протекания в Англии с последней трети XV до конца XVIII в. — знаменует, как известно, качественно новый этап товарного хозяйства, когда преимущественно внешнеэкономическое взаимодействие производительных сил (средств производства и человека) сменяется преимущественно экономическим на основе наемного труда. Такой период отмечается в экономической теории как начало капиталистического производства или хозяйства вообще. Например, К. Маркс в «Капитале» пишет: «Одновременное употребление многих наемных рабочих в одном и том же процессе труда... образует исходный пункт капиталистического производства»³.

Становление коллективного института в общественном производстве Маркс исследует от докапиталистических форм корпорации труда у древних азиатов, египтян, этрусков, земледельческих общин Индии, в античном мире и в средние века до современных ему капиталистических (основанных на наемном труде) форм: 1) простая (объединение ранее разделенного труда, преимущественно не в од-

² Козлова К. Б. Институционализм в американской политэкономии. М., 1986. С. 65.

³ Маркс К. Капитал. М., 1983. С. 346.

ном помещении, т. е. наличествует пространственность) капиталистическая кооперация, возникающая посредством первоначального накопления капитала; 2) коллективное предприятие в форме мануфактуры, возникающей посредством концентрации кооперационных процессов в «единый производственный механизм, органами которого являются люди»⁴, в одном помещении, в одной мастерской; 3) коллективное предприятие в форме фабрики. Третий социальный институт, как свидетельствует история, осуществляет экономические функции со времен возникновения государств Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима и является базовой единицей в организации прочих межгосударственных и надгосударственных институтов.

Современные экономические формы совокупного предпринимательства: личное или индивидуальное; коллективное (частное предприятие, полное товарищество, общество или товарищество с ограниченной ответственностью вплоть до акционерного общества, коммандитное и акционерно-коммандитное общества...); ассоциированное (трест, картель, синдикат, концерн, консорциум...); государственное (осуществляет деятельность через равноправные с другими формами предпринимательства институты на основе собственности, в основном на материальные активы, т. е. через предприятия и через институты, присущие только государству, — бюджет и, следовательно, прямое участие в перераспределении национального дохода; центральный банк, и следовательно, косвенное перераспределение национального дохода посредством регулирования кредита и денежного обращения; таможня; органы административного регулирования и др.); смешанное (чаще между второй и третьей формами, с одной стороны, и четвертой, — с другой); «буферное» (например, предпринимательские союзы) — являются экономическими производными, т. е. вторичными, от первичных социальных институтов, как: человек: объединение людей; государство (самодостаточный совокупный социальный институт)⁵. В итоге совокупная экономическая форма есть производное от совокупной социальной формы, т. е. принципиально первый прообраз современного совокупного предпринимательства появляется с появлением первой принципиально целостной социальной мМ-формы.

Таким образом, мМ-процессы в экономической трактовке выражаются в технологическом формировании качественно и количественно определенных макровеличин; например, совокупный спрос складывается из микроструктур производственного и личного потребительского спроса. «В конечном счете большее складывается из малого. Миллиарды долларов сами по себе были бы пустым звуком, если бы им не соответствовало великое множество полезных товаров и услуг, в которых люди по-настоящему нуждаются»⁶. А мМ-функции институтов совокупного предпринимательства выражают социальную активность в формировании микровеличин (а следовательно, и макровеличин).

Гипотетические границы изменений соотношений мМ-функций. Различные отмеченные стороны совокупных мМ-отношений определяют разные подходы к исследованию их. Так, если мы применяем технологический подход (т. е. исследуем мМ-процессы), то наблюдаем, например, что: НД складывается по распределительному методу (методу доходов) из сумм зарплат, доходов некорпорированных предприятий (фермеров, индивидуальных предпринимателей...), рентных доходов, прибылей предприятий, процентных доходов, а по конечному использованию (методу потока товаров) — из множества элементов

⁴ Там же.

⁵ См.: Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.: Л., 1974. С. 67.

⁶ Самуэльсон П. Экономика. М., 1964. С. 404.

ФН и ФП; такую же стоимостную и натурально-вещественную характеристику можно дать по другим макроэкономическим агрегатам.

Если дополнительно сделаем допущение о разделении труда, а значит, об обмене между различными отраслями производства, то в этом случае экономическая теория представляет нам «экономическую таблицу» физиократа Ф. Кенэ, схему расширенного воспроизводства К. Маркса, экономическую модель межотраслевых связей В. Леонтьева, различные типы производственных функций... Понятию соотношения между мМ-функциями (т. е. не чисто технологического или социально-пассивного, а социально-активного) здесь нет места. Здесь действительно индуктивная технологическая связь. Соотношение предполагает удельные веса набора описанных выше экономических институтов в формировании качественно и количественно определенных величин на микроуровнях хозяйства (т. е. в формировании зарплат, процента, прибылей и т. д.). Чем больше доля определенного института на микроуровне, в формировании, например, зарплат, тем она больше в совокупности, на макроуровне.

Кто же должен претендовать на большее влияние: свободный предприниматель и предприятия? Ассорцированные монополии? Государство...? В экономической теории на такой основе существует определенное противопоставление направлений консерватизма (неоклассические теории, монетаризм, теория предложения, концепция рациональных ожиданий и др.) и кейнсианства (ортодоксальное кейнсианство, некейнсианство, посткейнсианство) по вопросу меры, степени соблюдения принципа свободного предпринимательства «Laissez faire», действующего через механизм «невидимой руки» А. Смита и обеспечивающего «закон Сея».

Началом этого противопоставления послужили теоретическая констатация и обоснование реальных процессов монополизации экономики, когда преимущественно вторая форма предпринимательства дополнялась ассоциированным и государственным в конце XIX — начале XX в. В этот период вклад в основы теории смешанной экономики сделали представители исторической школы — немецкие экономисты А. Вагнер, Л. Брентано, В. Зомбарт, институционалисты — американские экономисты Т. Веблен, Дж. Коммоне, У. Митчел. Переломным моментом в данном аспекте стало возникновение кейнсианства с публикацией «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. М. Кейнса в 1936 г., где он обосновал необходимость государственного предпринимательства во избежание и предупреждение кризисов, подобных экономическому кризису 1929—1933 гг. в капиталистических странах. Экономическая теория до Кейнса не допускала мысли о роли серьезного государственного предпринимательства в разрешении кризисов. По данному поводу И. М. Осадчая пишет: «Большинство экономистов, писавших до Кейнса, исходили из закона Сея, предполагая, что в капиталистической экономике нарушение равенства спроса и предложения может быть лишь случайным, временным. Механизм цен в условиях свободной конкуренции и отсутствия вмешательства государства должен восстанавливать нарушенное равновесие»⁷.

В этой связи уместно выделить два ретроспективных момента, утверждающих не что иное как соотношение мМ-функций, т. е. естественность соотношения в более или менее развитых рамках совокупного предпринимательства вообще.

1. Как «буржуазная», так и советская экономическая мысль в первой половине XX в. встала перед проблемой исследования экономики в масштабах государства. «В отличие от господствующей в конце XIX — первой четверти XX в. неоклассической школы кейнси-

⁷ Осадчая И. М. Современное кейнсианство. М., 1971. С. 55.

анство предметом своего анализа сделало народное хозяйство в целом. Такой подход получил название макроэкономического, а сама теория — макроэкономии. Центральная проблема макроэкономии — факторы, определяющие уровень и динамику национального дохода»⁸.

Возникновение советского государства обусловило разработку первого в мире баланса народного хозяйства СССР за 1923/24 г., включившего наряду со свободными показателями воспроизводства и таблицу межотраслевого распределения продукции. Математическая модель экономического роста советского экономиста Г. А. Фельдмана «выражала взаимосвязи темпа роста национального дохода, изменения фондоотдачи и производительности труда, структуры использования национального дохода... Статьи Г. А. Фельдмана намного опередили работы Д. Кейнса, Р. Харрода, Е. Домара и других западных экономистов по макроэкономическим динамическим моделям...»⁹ Следует отметить также экономико-математические исследования 30—40-х годов Л. В. Канторовича, В. В. Новожилова по оптимальному планированию.

Под влиянием учения Кейнса в первой половине XX в. получили развитие две взаимосвязанные линии экономических исследований: «теории кратковременных изменений (теории циклов) и теории долговременных изменений (теории экономического роста)»¹⁰. Развитие их связано с именами таких американских экономистов, как Р. Хансен, Е. Домар, Л. Самуэльсон, Д. Хикс, английских экономистов Р. Харрода и Дж. Робинсон и предполагает технологические принципы мультипликации и акселерации.

Со второй половины XX в. получает развитие несклассическая теория роста, уходящая корнями через теорию предельной производительности факторов (труд, капитал, земля...) немецкого экономиста И. Г. фон Тюнена, американского экономиста Дж. Б. Кларка вплоть до теории факторов производства английских экономистов-классиков (Дж. Ст. Милль, Сениор, Мак-Куллох, Джеймс Милль, Мальтус) и французских классиков (Сей, Бастиа). Они предполагают предельные производительности (или предельные продукты) различных факторов в росте национального дохода или продукции на основе технологического участия этих факторов в процессе труда. Здесь следует отметить таких представителей неоклассической теории роста, как американский экономист П. Дуглас с математиком Коббом, американский экономист Р. Содоу, голландский — Я. Тинберген, английский — Мид. Экономико-математические модели типа функции Кобба—Дугласа позволяют учитывать не только экстенсивные, но и интенсивные факторы производства, представляющие достижения научно-технического прогресса. По настоящему время идет процесс «неоклассического синтеза» кейнсианских и неоклассических теорий роста в единое направление макроанализа, что обусловлено функциональным подходом в исследовании зависимостей хозяйства, а значит, совместимостью — в том числе идеологического характера.

2. В первом положении мы сделали акцент на мМ-процессах, которые вместе с мМ-функциями представляют две стороны целостной мМ-экономической системы. Первая определяет технологическую последовательность между микро- и макровеличинами. Вторая определяет долю участия индивидов, фирм, корпораций, государства в формировании макровеличин, а следовательно, технологически и макровеличин. Таким образом, во втором случае появляется проблема со-

⁸ Политическая экономия: Словарь. М., 1990. С. 195.

⁹ Грайберг А. Г. Моделирование социалистической экономики. М., 1988. С. 11.

¹⁰ Никитин С. М. Теории стоимости и их эволюция. М., 1970. С. 12.

отношения функциональных интересов описанных выше экономических институтов.

Обе стороны (это уже третья посылка) существуют в однородной меновой или денежной среде. «Деньги — это прежде всего то, что выражает отношение равенства всех меновых стоимостей: в деньгах они одноименны»¹¹; «Сущность денег как экономической категории проявляется в единстве всеобщей непосредственной обмениваемости, самостоятельной формы меновой стоимости, внешней вещной меры труда»¹². Денежная среда, выполняющая независимо от конкретных форм проявления (ценообразование, финансы, кредит, денежное обращение...) общую функцию измерения; с позиции первой стороны, или мМ-процессов, выполняет простую технологическую функцию измерения (в однородной денежной мере вычисляется макровеличина из микровеличины), а с позиции второй стороны, или мМ-функций, — сложную технологическую или активную функцию измерения (имеется в виду функциональное воздействие во времени денежных отношений на интенсивное и экстенсивное формирование микровеличины посредством передаточного механизма, функциональными компонентами которого являются предложение денег или денежная масса, ставка, процент, кредит, цены, доходы и расходы различных институтов, инвестиции...). Именно денежные отношения раскрывают объективное взаимодействие между мМ-функциями и мМ-процессами на основе передаточного механизма от денежного к реальному сектору.

Государственное участие в общем объеме участия в этом передаточном механизме получило название бюджетной и денежно-кредитной политики. Здесь необходимо отметить, что независимо от конкретных степеней соотношений долей участия мМ-институтов национальной экономике свойственна целенаправленность как условие процветания нации в целом. Если провести параллели в реальных процессах участия государственного предпринимательства в капиталистическом мире и в нашей стране, то можно обнаружить различия лишь в масштабе огосударствления хозяйства, или поля совокупного предпринимательства, тогда как огосударствление как процесс естественно постольку, поскольку естественна защита интересов такого социального общежития, как государство (интересов = общеэкономических условий производства), подобно тому, как естественна защита интересов индивида, группы... (интересов = микроусловий жизнедеятельности отдельных фирм). Наша экономика значительно преуспела в политике формирования эффективного спроса, ибо государство наше на протяжении десятилетий жестко монополизировало все компоненты передаточного механизма: процент, цены, денежную массу, расходы и доходы и т. д.

Если же дополнительно судить об огосударствлении материальных активов как средства производства, то опять же советская экономика выделялась в эти годы системностью, масштабностью, тогда как «западные страны успешно применяли государственную собственность для восстановления хозяйства в послевоенный период, применяют ее для структурной перестройки экономики, стимулирования экспортных отраслей и т. д.»¹³ Таким образом, есть все основания для в известной мере взаимного противопоставления функций различных хозяйственных институтов совокупного предпринимательства. Но вопрос в том — насколько истинно такое противопоставление. Вероятно, настолько, насколько реально отвлечение их друг от друга.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 35.

¹² Денежное обращение и кредит при капитализме. М., 1989. С. 10.

¹³ Государственная власть и предприятие. М., 1991. С. 241.

С исторического возникновения государственной формы общежития, а следовательно, как мы отмечали выше, возникновения зачатков современного государственного предпринимательства подобное отвлечение носит относительный характер, а абсолютизация такового есть голая абстракция, ибо в силу здравого смысла, в силу естественных свойств любой институт до конца не способен дублировать только свойственные любому другому институту функции. Аристотель, в частности, пишет: «Тот, кто стоит вне государства, — или зверь, или бог. Оставаясь вне закона и справедливости..., человек становится худшим из всех живых существ. Это существо безродное, бесправное, ничем не связанное. Или может быть другое: это — существо, не имеющее ни в чем нужды вследствие самодостаточности, т. е. Бог. Итак, вне государства стоят звери, либо боги»¹⁴.

Тем не менее мы можем допустить две гипотетические полярные позиции разрешения проблем соотношения мМ-функций хозяйства (с одной стороны, — абсолютно свободное предпринимательство, с другой, — абсолютное огосударствление экономики), а те или иные промежуточные состояния рассматривать как определенные и действительные соотношения мМ-функций хозяйства. Здесь сразу же встает вопрос о переходах от одних уровней соотношения к другим, вопрос о критериях установления масштабов переходов и другие вопросы — рекурсивты переходных процессов. В данном контексте уместно отметить, что «замечательная способность переходить от микрохозяйствования к макрохозяйствованию и обратно позволяет конкурентно-рыночному механизму так или иначе разрешить имманентные противоречия и, разрешая их, обеспечивать хозяйственную организацию общества. Только разрешение это всегда остается неокончательным*. Полного разрешения быть не может: система организации не может своим собственным функционированием отвергнуть свойственные ей начала и противоречия: перестать быть тем, чем она является»¹⁵.

Изменения соотношений как переходы. Выше мы исследовали рынок на основе трех последовательных посылок:

— относительная автономность социальных институтов целостного мМ-общественного организма: человек (индивид); объединение людей (семья, коллектив, группа...); государство;

— соответствующая автономность экономических институтов целостного мМ-хозяйственного механизма или совокупного предпринимательства;

— денежные отношения как среда, обеспечивающая количественные измерения взаимодействия микро- и макроуровней в каждой из их составляющих — мМ-процессах и мМ-функциях.

Следующее наше допущение (четвертая посылка) — воспроизводственный цикл, представляющий собой известную совокупность стадий, фаз или процессов воспроизводства: производство, распределение, обмен, потребление, — и мМ-процессы и мМ-функции осуществляются в рамках этого воспроизводственного цикла. Понятие «рынок» охватывает все стадии цикла, или, если подходить с позиции спроса и предложения, а не с позиции воспроизводственного цикла (фактически при некоторых допущениях это адекватные позиции: производство — предложение, потребление — спрос, обмен — точка равновесия кривых спроса и предложения), то рынок есть весь механизм спроса и предложения, а не такой фрагмент механизма, как обмен.

При нашем анализе категории «рынок» будем руководствоваться представлениями с трех позиций: с потребительской (абсолютизируем

¹⁴ Цит. по: Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля... С. 87.

* Подчеркнуто авт.

¹⁵ Осипов Ю. М. Опыт философии хозяйства. М., 1990. С. 215.

только процесс обмена); экономико-технологической (наблюдаем пассивную последовательную технологию всех стадий воспроизводства. А так как в рамках воспроизводственного цикла осуществляются мМ-процессы и мМ-функции и поскольку мы абстрагируемся от активных социальных отношений в воспроизводственном цикле, то мы обнаруживаем лишь мМ-процессы); социально-экономической или политической (обнаруживаем проблему соотношения различных форм совокупного предпринимательства как проблему соотношения мМ-функций рынка).

а. Потребительский подход. Потребитель понимает рынок как сферу только обмена, где тот или иной товар перемещается из рук продавца в руки покупателя (или наоборот) посредством встречного, эквивалентного перемещения взаимно обмениваемого товара (в качестве которого могут выступать, конечно, не только деньги). Он не связывает сферу обмена с проблемами производства товаров. Широта его понимания находится в прямо пропорциональной зависимости от емкости структуры обмена, т. е. потребитель «способен» различать, например, рынок потребительских товаров, рынок средств производства, рынки капиталов краткосрочных (денежные рынки краткосрочного кредитования, обеспечиваемые функционированием коммерческих банков) и долгосрочных (денежные рынки долгосрочного кредитования и обращения акций и облигаций, т. е. ценных бумаг), рынок труда, рынок научно-технических разработок и т. д. Условно назовем подобный рынок меркантильным постольку, поскольку мы абстрагируемся от процессов производства и потребления, акцентируя внимание лишь на сфере обмена и распределения.

б. Технологически-экономический подход. Экономист, наблюдая так же, как и потребитель, перемещение товаров в сфере обмена, задается вопросами о производственных издержках и издержках обращения товаров, о видах сырьевых ресурсов, отраженных в издержках, о наличных количествах данных ресурсов на Земле, классифицируя их на возобновляемые и невозобновляемые, думая о будущих поколениях. Его постоянно мучают вопросы эффективной технологии изготовления товаров, их количества, качества и цен, степени необходимости для потребителей предлагаемых товаров и т. д. В отличие от потребителя, он видит не только товары в обмене, но и то, чем обеспечивается этот обмен (это производство материальных и нематериальных ценностей и благ), и то, чем вызывается их обмен (это потребление ценностей и благ), т. е. экономист видит взаимосвязанные стадии воспроизводственного цикла. Назовем такой рынок воспроизводственным или технологически комплексным, ибо товары (при их инвестировании в производство — это покупаемые факторы производства, при продаже — покупаемые продукты различной степени готовности, при потреблении — потребляемые блага, полученные посредством купли-продажи) обращаются в целостном воспроизводственном цикле.

в. Политически-экономический подход. Политик понимает, что в воспроизводственном цикле, или в мМ-процессах, функционируют определенные социально-экономические институты предпринимательства, включая и само государство, которые осуществляют свойственные им функции в хозяйственном механизме, а значит, объективно само соотношение этих функций. С появлением же понятия соотношения появляется синонимное понятие — качество или уровень организации рынка, ибо в общем случае уровень соотношения различных форм совокупного предпринимательства есть уровень организации рынка в рыночном пространстве между принятыми нами выше гипотетическими границами.

В данной статье мы хотели показать рынок как взаимодействие

экономических функций (участий, действий...) различных институтов целостного хозяйства. Такой подход представляется нам актуальным, ибо всегда фактически лишь такой институт, как государство, осуществляет практическую координацию институционального соотношения (= целенаправленную институциональную политику) и в отраслевом, и в региональном разрезе посредством как прямых, так и косвенных методов государственного предпринимательства. Институциональная перестройка в Узбекистане происходит на базе принятых и совершенствуемых правовых документов о деятельности предприятий и банков, об иностранных инвестициях и внешнеэкономической деятельности, о налоговой и таможенной политике и т. п. И текущая задача республики — эффективное микроинституциональное дополнение (т. е. негосударственными институтами мелкого, среднего и крупного бизнеса) ранее монопольного государственного предпринимательства в машиностроении, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, химической промышленности, строительстве и других отраслях материального и нематериального производства — требует оптимального кратко- и среднесрочного программирования комплекса таких направлений, как структурная, внешнеэкономическая, социально-финансовая и денежно-кредитная политика.

М. Х. РАХМАНКУЛОВ

О ФУНКЦИЯХ ДОГОВОРА В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Договор как социально-правовое явление прошел в своем развитии определенные этапы, отражающие становление общественного строя, адекватных ему экономических отношений. В зависимости от характера, социальной роли права определялись и функции договора в качестве регулятора общественных отношений. В условиях рынка он необходим как адекватная правовая форма товарно-денежных отношений. Здесь он служит средством рациональной организации эквивалентно-возмездных торгово-экономических отношений и обеспечивает регулирование поведения его сторон, побуждая их надлежащим образом исполнять взятые на себя обязательства. Развитие товарно-денежных отношений как неотъемлемого свойства рыночной экономики требует широкого простора для предпринимательства, проявления инициативы, заинтересованности в результатах, самостоятельной производственной и торгово-экономической дисциплины.

Возрастание роли договора в условиях рынка — объективно обусловленный процесс. Договор как правовой институт призван служить средством определения взаимных экономически равноценных, юридически равноправных имущественных отношений. Такие отношения имеют свой особый метод правового регулирования и в иных социально-экономических условиях уже не могут осуществляться путем применения административно-распорядительного (централизованного планового распределения продуктов труда) метода.

В условиях рыночной экономики договор является основной правовой формой регулирования имущественных отношений. В этой связи особый научный интерес представляет рассмотрение его функций. До недавнего времени проблема функций договора как таковая не привлекала к себе особого внимания. Она получила определенное освещение применительно к одной весьма обширной категории гражданско-правового договора, а именно к функциям хозяйственного договора. При этом последние связывались в научных трудах с осуществлением планового руководства народным хозяйством на основе сочетания административных и экономических методов и определялись

как «средство совместного уточнения и конкретизации сторонами условий выполнения заданий народнохозяйственного плана, изыскания наилучших путей реализации их, регулирования сотрудничества сторон в достижении указанной цели, взаимного контроля рублем над ходом выполнения плана (а также контроля со стороны кредитных учреждений и вышестоящих организаций)»¹.

Такая оценка функций хозяйственного договора действительно не могла не соответствовать тем особым условиям, присущим плановой экономике, когда хозяйственный договор рассматривался как средство реализации и уточнения планового задания, контроля за выполнением плана и метод исправления ошибок в планировании, а также как способ введения в действие или формирования имущественных санкций, обеспечивающих строгое соблюдение плано-хозяйственной дисциплины².

По мере укрепления роли договора в сфере хозяйствования ему стали придаваться новые функции, менялась их экономико-правовая оценка. Так, он стал рассматриваться как инструмент формирования плана предприятий и средство оценки их деятельности³.

Различия в определении функций договора связаны с характером социальной роли права в качестве регулятора экономических отношений. На основе изучения законодательства и практики его применения вносились необходимые предложения и рекомендации по дальнейшему совершенствованию правовых форм регулирования общественных отношений. Однако характерная черта большинства предложений заключается в том, что они направлены главным образом на обоснование необходимости усиления роли договора в сфере хозяйствования.

Основные направления крупномасштабного экономического эксперимента, проведенного в 80-е годы, связаны с повышением влияния хозяйственного договора на формирование планов предприятий (объединений) и оценкой деятельности предприятий, исходя из выполнения договорных обязательств. Меры государства по внедрению в сфере хозяйствования экономических методов управления, активному использованию экономических принципов стимулирования, по переводу предприятий на полный хозрасчет, самофинансирование и самокупаемость, по совершенствованию хозяйственного механизма и оценки деятельности предприятий по конкретному результату — все это и другие меры⁴ были направлены на укрепление функций договора в сфере хозяйствования.

¹ Вердников В. Г., Кабадкин А. Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970. С. 124; Вердников В. Г. О плановом характере хозяйственного договора // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 66—67.

² См.: Братусь С. Н. и Лунц Л. А. Вопросы хозяйственного договора. М., 1954. С. 6; Новицкий И. Б. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. М., 1955. С. 91; Братусь С. Н. Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции // Советское государство и право. 1958. № 2—3. С. 83; Халфина Р. Р. Значение и сущность договора в советском гражданском праве. М., 1954. С. 22—24; Ее же. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. М., 1963. С. 27—35; Алексеев С. С. О взаимодействии административно-правового и гражданского-правового регулирования в социалистическом обществе // Правоведение. 1959. № 3. С. 49; Лаптев В. В. Вопросы правового регулирования народного хозяйства. М., 1962. С. 14; Масевич М. Г. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета. Алма-Ата, 1964. С. 130; Танчук И. А. Правовое регулирование материально-технического снабжения промышленности. М., 1965. С. 62; Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. С. 110—114; Калмыков Ю. Х. Правовое регулирование хозяйственных отношений. Саратов, 1982. С. 134—150; и др.

³ См.: Братусь С. Н. Эволюция функции хозяйственного договора // Гражданское право и экономика. М., 1985. С. 69.

⁴ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 апреля

Учитывая важность использования договорной формы экономических отношений между предприятиями, организациями, государство постоянно уделяло внимание совершенствованию хозяйственных договоров, максимальному использованию возможностей договорной формы хозяйственных отношений как правового средства укрепления хозяйственного и хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий. В ряде постановлений правительства бывшего СССР, принятых в последние годы, подчеркивалось значение договоров в сфере хозяйствования,⁵ намечался комплекс мер по их дальнейшему совершенствованию, повышению договорной дисциплины и ответственности за нарушение договорных обязательств, по оценке работы предприятий и объединений по степени выполнения планов поставок в соответствии с заключенными договорами. Например, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 апреля 1983 г. «О серьезных недостатках в соблюдении договорных обязательств по поставкам продукции и повышении ответственности министерств, ведомств и предприятий в этом деле»⁵ были отмечены серьезные недостатки в сфере поставок продукции, указано на факты невыполнения предприятиями договорных обязательств, что вело к нарушениям сбалансированности планов, неиспользованию в полной мере созданного производственного потенциала, к простоям, иным серьезным отрицательным последствиям, не способствующим росту производительности труда, повышению эффективности производства, укреплению трудовой дисциплины. В результате эксперимента был существенно изменен порядок планирования. Правовому статусу акта планирования был придан другой смысл. Он не должен был носить директивный характер и стал называться контрольными цифрами. Производственный план предприятия должен был составляться и определяться в соответствии с договором, заключаемым между предприятиями. Предприятия получили широкую возможность для выбора решений и партнеров при заключении хозяйственных договоров. Выполнение договора рассматривается как главнейший критерий оценки деятельности предприятий.

Таким образом, в оценке значимости акта планирования и договора произошла перемена мест. Теперь не план, а договор стал основным документом, регулирующим взаимоотношения предприятий. Договор служил инструментом формирования производственного плана предприятия.

Однако, несмотря на все меры, направленные на повышение роли договора в сфере хозяйствования, он не в полной мере выполнял свои функции, не служил эффективным средством мобилизации воли трудовых коллективов, воздействия на производственную деятельность предприятия, проявления особой заинтересованности в результатах труда.

Все еще имели место причины, которые не способствовали повышению роли договора и не обеспечивали исполнение им своих функций. К ним можно отнести систему централизованного планового рас-

1986 г. «Об улучшении планирования, экономического стимулирования и совершенствовании управления производством товаров народного потребления в легкой промышленности»//СП СССР. 1986. № 20. Ст. 108; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1986 г. «О мерах по коренному повышению качества продукции»//СП СССР. 1986. № 24. Ст. 139; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 августа 1986 г. «О мерах по совершенствованию хозяйственного механизма в строительстве»//СП СССР. 1986. № 30. Ст. 161; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе»//СП СССР. 1986. № 17. Ст. 90; Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1981 г. «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования»//СП СССР. 1987. № 33. Ст. 115.

⁵ СП СССР. 1983. № 11.

предела материальных ресурсов, сложившийся в условиях прежней экономики способ оценки результатов деятельности, господство государственного ценообразования и т. д. Все это превращало договор в инструмент выражения государственной воли, служило препятствием и не давало возможности договору стать подлинным актом волеизъявления сторон. Стороны, прежде чем заключить договор, должны были соизмерить свои действия, определить свои интересы в соответствии с государственным плановым заданием и требованиями законодательных актов.

Но основная причина того, что не срабатывали функции договора, заключается в другом. Все указанные выше причины являются побочными или следствиями другого, наиболее существенного, основного явления. Они были отражением, следствием социалистического способа производства, когда между производительными силами и производственными отношениями существовали противоречия (как бы мы ни старались обосновать их отсутствие), когда основные средства производства принадлежали целиком государству (абстрактному субъекту собственности), а производители не владели результатами своего труда, когда стороны договора, не будучи сами собственниками, формально участвовали в нем от своего имени, но фактически, и прежде всего, в интересах государства-собственника.

Договор, в данном случае между несобственниками, не имел особого влияния на их поведение. Денежная сумма, например, взыскиваемая в качестве штрафных санкций за нарушение договорного обязательства, фактически поступала с одного расчетного счета на другой расчетный счет государства. В подобных условиях утверждение о том, что договор — лучшее средство сочетания плана и хозрасчета, уточнения и исправления ошибок планового акта, формирования производственного плана или основная форма правового регулирования, — все это не было обусловлено имущественными правомочиями сторон договора и потому не оказывало положительного влияния на повышение роли и авторитета договора и, следовательно, не обеспечивало выполнения договором своих функций в желаемой степени.

В нашей юридической литературе понятие «функция договора» не получило достаточной разработки. Рассмотрение этой проблемы, если не целиком, то в основном, исчерпывается постановкой и решением вопроса о значении договора. Думается, что это разные понятия, затрагивающие в одном случае совокупность конкретных качественных свойств договора, а в другом — необходимость или целесообразность применения его как особой формы правового регулирования в той или иной области общественных отношений. Поэтому заслуживают внимания суждения авторов, предпринявших попытки проанализировать категорию «функция договора» и сконструировать соответствующее понятие. Так, В. Г. Вердников сформулировал свое понимание функции хозяйственного договора следующим образом: «Под функцией хозяйственного договора мы понимаем выражение основных целей использования договорной формы отношений между социалистическими организациями в области хозяйства, проявление основного назначения этого договора»⁶. Опираясь на определение В. Г. Вердникова, А. Г. Быков следующим образом формулирует данное понятие: «Функции договора — выражение основных целей его использования, проявление договором основного, определяющего назначения в социалистической экономике»⁷.

Во-первых, следует отметить, что функции договора независимо от сферы его применения и субъективного состава не могут не иметь

⁶ Вердников В. Г. Функции хозяйственного договора // Труды ВЮЗИ. Т. 21. М., 1971. С. 83.

⁷ Быков А. Г. Хозяйственное право. М., 1977. С. 319.

общих свойственных им особенностей, отличия могут состоять только в целевом назначении той или иной разновидности договора. Например, посредством договора купли-продажи преследуется достижение иной цели, чем по договору экспедиции, и т. д. Договор как особый юридический феномен во всех случаях его использования выполняет идентичные функции.

Во-вторых, вряд ли можно согласиться с утверждением, что функции договора — это форма выражения деятельности. Функции — это сама деятельность, подлежащая осуществлению посредством договора вне зависимости от сферы общественных отношений: политической, экономической, социально-культурной и т. д.

В-третьих, думается, что категория «функция договора» не может отождествляться с целями его использования. Конечно, цель того или иного договора так или иначе проявляется в его функционировании. Однако следует согласиться с утверждением, что цель любой сделки, а следовательно, договора — «это субъективно желаемое для его участников возникновение, изменение или прекращение их прав и обязанностей, которое должно произойти после совершения сделки и ее исполнения. Правовая цель, как и всякая иная, субъективна: в ней находит свое выражение внутреннее устремление лица, участвующего в сделке. Наличие правовой цели сообщает сделке соответствующую направленность рассматриваемого правового действия»⁸. Следовательно, одно дело, когда речь идет об отправных предпосылках, т. е. о выполняемой в соответствии с договором деятельности, и другое — выражение желания, намерения, устремления субъектов договора добиться определенного конечного результата.

В-четвертых, вряд ли является удачной попытка свести существо функции договора к целям использования договорной формы отношений. Ведь функции договора не проявляются непосредственно в его целях или назначениях. Функции договора — это определенные общественные отношения, возникающие под его воздействием, что же касается намерения использовать договорную форму, то оно скорее всего свидетельствует о значимости договора как юридического факта.

Как бы ни было, определение категории «функции договора» было сделано на основе одного из элементов, т. е. через «выражение целей использования» договора как формы правоотношений.

Наиболее подробно вопрос о функциях договора рассматривается в работе О. А. Красавчикова. По его мнению, договор обладает присущей ему системой функций. Отдельно взятая функция — это лишь один из элементов системы. Исходя из такого понимания, к числу функций договора он относит: инициативную, информационную, программно-координационную, гарантийную и защитную функции⁹.

Заключение всякого договора, в том числе гражданско-правового, требует совершения действий по инициативе самих его сторон. В этом аспекте договор выполняет важную функцию. Правда, при централизованно-плановой системе такая инициатива была скована, детерминирована государственным заданием. Почти отсутствовало право свободного выбора контрагентов, а порою и само содержание договора определялось заранее, без участия самих его сторон.

Договор по своей сущности является актом не властно-принудительного, а добровольного волеизъявления его сторон. Поэтому его инициативная функция имеет важное значение, особенно в условиях рыночных отношений. Необходимость акцентирования внимания на инициативной функции договора в этих условиях обусловлена потреб-

⁸ Советское гражданское право, Т. I, М., 1968. С. 221.

⁹ См.: Красавчиков О. А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции: Сб. Свердловск, 1980. С. 16—20.

ностью проявлять активность, рачительность и предприимчивость в сфере торгово-экономических отношений. Говоря более конкретно, нельзя ждать, как это имело место раньше, указания «сверху», а необходимо самим предприятиям, по своей инициативе совершать самостоятельные действия, решать вопросы, связанные с удовлетворением встречных интересов. В данном случае договор как инициативный акт способствует реализации не только равенства, правосубъектности его сторон, но и диспозитивности самого акта.

Договор имеет конкретные стороны с конкретными обязательствами по совершенно обусловленным в нем действиям. В этом смысле договор программирует поведение заключивших его сторон на строго определенных координационных началах. Опять же такая координация подлежит осуществлению по инициативе самих сторон путем взаимозвязки интересов, целей деятельности, ее видов и форм во взаимоотношениях лиц, не находящихся в отношениях власти и подчинения, каковыми являются субъекты гражданского права.

В результате заключения договора и оформления его надлежащим образом происходит закрепление достигнутого соглашения по условиям, на которых он заключен, а следовательно, и тех прав и обязанностей, которые возникают на основе данного конкретного договора. Точная фиксация воли стороны в договоре, как утверждает О. А. Красавчиков, «позволяет не только им самим знать свои юридические позиции, но и в соответствующих конфликтных ситуациях дает возможность юрисдикционным органам провести надлежащую квалификацию взаимоотношений сторон, постановить законное и обоснованное решение гражданско-правового спора»¹⁰.

Таким образом, путем фиксации в договоре воли его сторон достигается информированность об этом не только самих его сторон, но и других, т. е. третьих лиц (организаций). Информационная функция договора сближает его с актом самоуправления, взаимного регулирования сторонами своих действий по исполнению взятых на себя обязательств.

Посредством договора обеспечиваются гарантии исполнения обязательства. Стороны при заключении договора могут предусмотреть в нем конкретные обеспечительные меры взаимного воздействия. Так, в соответствии со ст. 201 ГК РУз, исполнение обязательства может обеспечиваться, согласно Закону или договору, неустойкой (штрафом, пеней), залогом и поручительством. Кроме того, законодатель допускает возможность заключения специальных обеспечительных договоров, например договора о залоге (ст. 207 ГК), договора поручительства (ст. 216 ГК).

Следовательно, гарантийная (обеспечительная) функция договора проявляется в различных вариантах. В одном случае она содержится в договоре в качестве одного из составных элементов его условий, применяемого в случае нарушения обязательства, в другом — составляет непосредственно предмет самого договора.

В укреплении договорной дисциплины сторон немаловажное значение имеет защитная функция договора. Она оказывает активное воздействие на поведение сторон, обязывая их совершать необходимые действия по надлежащему исполнению договорного обязательства. Эта функция действует в зависимости от результатов деятельности сторон договора и может быть реализована в форме принудительного исполнения, использования мер защиты и мер ответственности.

Защитные меры могут быть определены законом и договором. Экономическая самостоятельность сторон договора предполагает возможность определять эти меры ими самостоятельно, с учетом необ-

¹⁰ Там же. С. 18.

ходимости удовлетворения взаимных требований. При этом защитная функция договора действует не только на основе норм материального права, она реализуется путем применения норм процессуального права, т. е. путем возбуждения претензии и искового заявления в судебных органах в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства.

Разработка проблем функций договора, как представляется, позволяет более отчетливо проследить действительность и эффективность договора в условиях рыночной экономики. Думается, что здесь необходимо подойти к рассмотрению названных функций договора с учетом присущей ему в современных условиях особенности как юридического факта, т. е. основания возникновения обязательств, и как юридического акта регулирования отношений.

Следует отказаться от узковедомственного, отраслевого подхода к пониманию роли договора, когда она рассматривалась обособленно, с точки зрения гражданского, хозяйственного, и отчасти трудового права. Ныне эта проблема имеет актуальное значение как для отраслевых правовых наук, так и для общей теории права и потому требует принципиально нового подхода к оценке роли договора в качестве предмета исследований.

В условиях, когда договор является основным юридическим актом регулирования торгово-экономических отношений, когда произошло расширение его влияния во внутригосударственном и межгосударственном аспектах общественной жизни, роль договора изменилась. Функции, выполняемые им, приобрели особо важное значение. Волнзъявление сторон, воплощенное в договорной форме, стало обретать характер нормообразующего фактора и роль договора выросла до уровня актов самоуправления.

И. А. КАРИМОВ

ЛИЧНОСТЬ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Политическая жизнь общества во многом зависит от того, насколько в ней реализуется демократия, какова степень участия личности и других субъектов в развитии экономических, социально-политических и духовных сфер, в управлении государством. Поэтому важное значение приобретает глубокое осмысление сущности демократии, возможностей и предела ее развития и ее использования.

Что же такое демократия?

В толковом словаре В. И. Даля указывается, что демократия (от греческого демос — народ и кратос — власть) — народное правление, народодержавие, народовластие, мироуправство. Это понятие противоположно самодержавию, единодержавию или аристократии, боярщине.

В словаре С. И. Ожегова дается более широкое определение: демократия — это политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан.

Представляется, что сводить данное понятие только к народовластью было бы слишком узко. Это — прежде всего сложное взаимодействие общественных отношений, в которых принимают участие все их субъекты — политическая система, власть, ее институты, общественные организации и движения, партии, классы, социальные группы и слои, нации и национальные образования, человек и т. д. Демократия — продукт социального прогресса, который выступает как решающее условие жизнедеятельности человека и общества в целом.

Ее можно рассматривать как проявление общественно-политического движения народа, форму государства, политический режим, совокупность форм и методов волеизъявления народных масс, их участия в управлении делами государства и общества, систему прав и свобод, обязанностей. В Философском словаре указано, что демократия — это государственное политическое устройство общества, основанное на признании народа как источника власти и принципах равенства и свободы. Это слово употребляется и применительно к организации и деятельности политических и социальных институтов.

Как форма государственного устройства демократия возникла вместе с возникновением государства. Ее характерные признаки — признание власти большинством, равноправие граждан, верховенство закона, осуществление выборности основных государственных органов. Различаются два типа демократии — непосредственная и представительная. В первом случае решение принимается непосредственно всеми гражданами (референдум, собрание). Во втором — учредительными государственными или общественными организациями.

Институт демократии — продукт длительного исторического развития. Сейчас особый акцент делается на таком его понимании, которое включает в себя прежде всего широкое развитие прав и свобод человека. Здесь возможны возражения, что народовластие и определяет условия для их совершенствования. Поэтому полезно проследить сам процесс народовластия: насколько он обеспечивает, а не только декларирует права и свободы человека. Существует множество примеров, когда в том или ином государстве конституция закрепляет права и свободы человека, однако на практике все выглядит по-другому.

Рассматривая более внимательно и с различных позиций понятие «демократия», мы не можем не отметить ее личностный характер. Невозможно представить себе существование и функционирование ее системы, ее механизма без личности, представляющей определенные социальные общности: классы, нации, народ, коллектив и т. д., а также их учреждения или организации.

Можно ли подходить к демократии как к системе идей, взглядов, идеологической, мировоззренческой категорий? Безусловно, такой подход имеет место. Его сторонники ссылаются на произведения В. И. Ленина, в которых определяется классовый подход к демократизации, обосновываются типы демократии: феодальный, капиталистический, социалистический. Думается, здесь есть стремление определить демократию с точки зрения общественно-экономической формации, а не разновидности государственной власти. Скажем, в капиталистической стране демократия может быть представлена шире, чем в социалистической при тоталитарном режиме государственной власти.

Марксистская доктрина требует конкретно-исторического подхода к оценке демократии в соответствии с достигнутой степенью общественного развития. В. И. Ленин решительно критиковал взгляды тех, кто подходил к демократии абстрактно, вообще, вне связи с классовой борьбой: «Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих¹.

Демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности — так ставил вопрос В. И. Ленин. Провозглашение свободы и равенства и одновременно умалчивание о существовании частной собственности на средства производства он считал ложью и лицемерием буржуазного общества, которое формальным признанием демократии прикрывает экономическую зависи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 251.

мость, неравенство, отсутствие свободы для всех трудящихся, т. е. для громадного большинства населения. Идеи свободы, равенства, братства всегда были важнейшими требованиями угнетенных в борьбе против эксплуататоров, еще до возникновения буржуазной демократии. Как считал В. И. Ленин, на протяжении существования всех классово-антагонистических формаций демократия никогда не была и не могла быть выражением воли и интересов народа.

Известна точка зрения, что буржуазия всегда и всюду использовала демократию для укрепления своего господства, для удовлетворения лишь своих интересов и потребностей. Не братство, а классовая борьба, не равенство и свобода, а глубокая экономическая и социальная несправедливость, не народовластие, а всевластие капитализма — вот та действительность, которая скрывается за ширмой буржуазной демократии, вынужденной скрывать свою классовую сущность. Буржуазная демократия как политическая надстройка над капиталистической экономикой служит охране и укреплению частной собственности, системы эксплуатации человека человеком. Как утверждал В. И. Ленин, если присмотреться поближе к механизму буржуазной демократии, то окажется, что бесчисленные ограничения, которые ее характеризуют, предназначены для того, чтобы вытолкнуть бедноту из политики, из активного участия в общественной жизни².

Такой взгляд не отринут и сегодня, его суть: буржуазия выступает за демократию лишь постольку, поскольку ей удастся использовать демократические лозунги свободы, равенства и братства в качестве средства обмена трудящихся, орудия удержания своего господства. Как только в результате жестокой классовой борьбы использование трудящимися демократических свобод усиливается и возникает угроза для власти буржуазии, она отворачивается даже от куцей, формальной демократии.

Можно было бы и далее продолжать изложение стереотипов в характеристике буржуазной демократии. Но изучение истории показывает, что в борьбе против феодального деспотизма и произвола идущая к власти революционная в то время буржуазия провозгласила принципы свободы, равенства, братства и народовластия, объявила себя выразительницей общенациональных и общечеловеческих интересов. Она осуществляла эти принципы, используя их для укрепления своего господства, своих интересов и потребностей.

Метод историзма требует конкретного подхода к определению буржуазной демократии. Если высказывания В. И. Ленина по данному вопросу можно почти безоговорочно принять, когда речь идет о периоде острой классовой борьбы, то вряд ли эти характеристики безусловно верны по отношению к современному миру. Нельзя не признать, что в развитии капиталистического общества произошли огромные изменения, связанные и с Октябрьской революцией, с теми реалиями, которые она принесла в мир. И сейчас мы, в свою очередь, можем многое позаимствовать из практики наиболее развитых стран планеты, из опыта, накопленного в этой сфере всем человечеством, при учете, разумеется, национальных особенностей в общественном развитии.

Таким образом, характеризуя демократию сегодня, необходимо исходить из общечеловеческих, а не из классовых представлений, не ограничивать это понятие ее формационными признаками, а предусматривать, что оно включает в себя и анализ режима, системы и структуры власти, отражает реальное положение вещей — насколько не на словах, а на деле соблюдаются законы, права и свободы личности.

² См.: Там же. Т. 33. С. 88.

При этом важнейшее значение имеет выяснение приоритетов в развитии демократии. Существует ли полное равенство всех ее субъектов? Или преимущество отдается, скажем, государственной власти? Нужен ли приоритет личности в демократическом процессе? Ответы на эти вопросы можно найти, познав сложную систему взаимосвязи и взаимоотношений между государством и личностью, которые фиксируются в правах и обязанностях граждан. Другими словами, их следует рассматривать как социальные ориентиры отношений личности и государства, общества и сограждан, выражающие идеалы о должном, необходимом, справедливом и законном. Значение конституционных прав и обязанностей значительно усиливается благодаря их включению в единую систему ценностей общественного развития.

В правовом государстве законодательное закрепление определенного комплекса прав и обязанностей человека является необходимым условием развития демократии. А в социалистическом государстве последняя выступает и как форма, и вместе с тем содержание государственной власти, раскрывает особенности взаимоотношений личности и государства в условиях народовластия.

Приоритет личности в демократизации общественных процессов сегодня определяется объективной необходимостью повышения человеческого фактора, включения каждого человека в решение государственных и общественных задач. Здесь особое значение имеют развитие и практическая реализация таких принципов, как взаимная ответственность государства и личности, гармоническое сочетание их интересов, строгое соблюдение законности.

Обратимся, например, к взаимной ответственности государства и личности, где первый субъект выступает как носитель власти, а второй — как подчиненный ей. Это, конечно же, определяет своеобразие прав и обязанностей каждой из сторон. При этом надо исходить из того, что в правовом государстве между субъектами правовых отношений должна устанавливаться равная ответственность. Государство — носитель политической власти — обеспечивает права и интересы личности, учитывая потребности общественного развития, конституционно закрепляет объем прав и обязанностей, составляющий правовой статус личности, причем надо оговориться, что оно не может определить его произвольно, лишь по своему усмотрению. Полнота прав и обязанностей между субъектами демократии диктуется экономическими, социальными, политическими и духовными потребностями общества. Изменение общественных отношений влечет за собой расширение или уменьшение круга прав и обязанностей личности и государства. Полный набор прав и обязанностей личности и отношений между субъектами регламентируются конституцией и конкретизируются в законодательстве.

Законотворческая деятельность государства должна фиксировать и детализировать права и свободы граждан, учитывая всю систему политических, экономических, социальных, духовно-нравственных, социально-психологических, религиозных и других факторов. Законодательное обеспечение необходимо как для жизнедеятельности самой личности, так в силу того, что государство не может обладать безграничной свободой в своих отношениях с гражданами. Оно берет на себя обязательство соблюдения разумных, взвешенных, научно обоснованных принципов взаимодействия с людьми, создает гарантии против злоупотреблений в этом деле.

Во взаимоотношениях с личностью государство не должно ограничиваться лишь юридической фиксацией прав и свобод. Оно, провозглашая последние, берет на себя и юридическое обязательство гарантировать их не только правовыми, но и экономическими, политиче-

скими, социальными, культурными и идеологическими средствами. К сожалению, и в прошлом, и сейчас многие из провозглашенных прав и свобод не гарантируются в нашем государстве ни экономически, ни политически, ни духовно-идеологически.

Очень важным для правильного понимания демократии является и круг обязанностей, которые устанавливаются государством, закрепляются в конституции и законодательстве. Государство формулирует свои требования к гражданам, определяет поведение личности, устанавливает меры юридической ответственности за невыполнение обязательств. Права и свободы человека, как и в целом демократию, нельзя рассматривать как вседозволенность, как беспредел. Государство может принудительно требовать в рамках закона, чтобы исполнение прав и свобод осуществлялось в соответствии с их назначением и ни в коем случае не наносило ущерба интересам общества, правам и свободам других людей. Это в полной мере отвечает принципам демократии, развитие которой невозможно без укрепления дисциплины, организованности, строгого соблюдения закона, обеспечения его верховенства в образе жизни народа.

Полнота демократии во многом определяется и фактором организации судебной защиты прав и свобод личности. Необходимо без каких-либо ограничений, а они, к сожалению, имеют место, предоставить гражданам право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов в случае, если они привели к нарушению закона и ущемили интересы личности.

Таким образом, полнота демократии возможна в правовом государстве, когда отношения между государством и личностью построены на взаимной ответственности, когда право одной стороны соответствует обязанности другой, и наоборот. Только в этом случае торжествует подлинный демократизм отношений между государством, властью и личностью.

Чем же определяется свобода личности? Как отмечал К. Маркс, юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона. Вот почему всякое нарушение или несоблюдение закона влечет за собой не только нарушение прав, но и ограничение свободы граждан. Лишь глубокий анализ экономических, политических, социальных, нравственных и культурных условий развития общества позволяет определить границы свободы личности на каждом историческом этапе. Понятно, чем выше уровень социальных возможностей, тем шире свобода личности, но она неотделима и от ответственности. Известно, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Отсюда — свобода личности проявляется в правах и обязанностях и выступает неперменным условием практического осуществления демократии.

С этим тесно связан аспект, относящийся к законности, которая органично вливается в содержание демократии. Ее следует рассматривать как политический, юридический, социально-этический принципы, в соответствии с которыми личность является высшей социальной ценностью и должна охраняться государством, всеми органами власти.

Защита демократии, прав и свобод личности осуществляется на основе конституции, и здесь большое значение имеет организация надзора за неукоснительным выполнением законов всеми субъектами общественных отношений. Так, Конституционный суд или комиссия контролирует принимаемые правительством, Президентом решения, указы и другие акты и полномочны отменить их, если они ущемляют интересы, права и свободы личности или противоречат ранее принятым законам.

Ныне начинается процесс принятия суверенными республиками

новых конституций, которые должны учитывать как происходящие в обществе изменения, так и национальные особенности развития своих народов. Но что несомненно — важнейшей составной частью этих конституций должна быть Декларация прав и свобод человека.

Хотелось бы обратить внимание и на проблему гармонического сочетания личных и общественных интересов как принципа взаимоотношений государства и личности. В нашей чрезмерно идеологизированной стране возникла и сейчас имеет немало сторонников концепция приоритета общественных интересов над личными. Более того, при возникновении противоречий между общественными и личными интересами предпочтение, как правило, отдается первым. Если мы и в дальнейшем будем придерживаться этой концепции, то во взаимоотношениях между обществом и отдельным человеком никогда не будет равноправия. Вследствие этого может быть нарушена и ответственность, законность государства по отношению к личности, а в таких условиях просто невозможно образовать правовое государство.

Конечно, есть интересы государства и есть интересы личности, но существуют ли они порознь? Думаю, нет. Полнота интересов личности определяется интересами государства, и наоборот, если здесь нет совпадения, тогда и возникает противоречия. Кстати, и сегодня мы слышим: «Все во имя человека, на благо его», «Высшая социальная ценность — это человек», «Повернуться лицом к человеку» и т. д. А как достигается гармоническое сочетание общественных и личных интересов? Только на основе решения экономических, политических, социальных, культурных проблем. Успехи в этом отвечают интересам как личности, так и государства. Нельзя добиваться общественной пользы, ущемляя при этом отдельного человека или даже целую нацию. Очевидно, подлинно демократический путь тут только один — благо государства достигается посредством реального осуществления чаяний, прав и свобод личности, социальных групп, классов, наций.

И, напротив, социальной почвой, способствующей возникновению противоречий между государственными, общественными и личными интересами, является умаление прав и свобод человека, ибо именно через личностные интересы складываются общественные, а не наоборот. Тем более это относится к современному миру, в котором меняются общественные отношения между всеми субъектами. На первый план выдвигаются общечеловеческие, а не классовые принципы. А раз так, то в отношениях между обществом и личностью не может быть приоритета государственных интересов. Наоборот, они сами, включая национальные, должны осуществляться через права, свободы, обязанности человека, гарантированные конституцией, законами.

Важное место в политической системе страны, а значит и в совершенствовании демократии, принадлежит власти. Как известно, у нас было провозглашено общенародное государство, в котором власть принадлежит народу. Однако на деле властные функции в основном несли партийная элита, руководители высшего эшелона КПСС и правительства. Чтобы этого вновь не произошло, надо глубоко продумать механизм формирования новых структур власти в суверенных государствах, развивать демократию, добиваться неукоснительного соблюдения прав и свобод человека, касающихся его подлинного участия в управлении обществом и государством.

Г. П. САРКИСЯНЦ

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОБОБЩЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В наши дни, когда происходят крупные и сложные преобразования во всех сферах общественной жизни, непосредственно затраги-

вающие и сферы Закона, и практику его применения, очень важное значение имеет всемерное совершенствование и качественное обновление деятельности судов, в том числе в области уголовного судопроизводства. Это особенно необходимо в условиях, когда ставится задача создания демократического правового государства. Это предполагает и качественно новый уровень правоприменительной деятельности судебных органов, тем более теперь, когда принимаются новые законы, отвечающие новым условиям жизни нашего общества.

Весьма действенным фактором совершенствования всей работы судов по осуществлению правосудия является систематическое, глубокое, комплексное и всестороннее изучение и обобщение судебной практики на основе тщательного анализа конкретных материалов, в том числе по уголовным делам. Цель этого исследования — выявление накопленного положительного опыта в осуществлении правосудия, с одной стороны, и выявление и устранение разного рода недостатков в практике судопроизводства, — с другой. Большую роль играют изучение и обобщение судебной практики и в плане выяснения практической эффективности действующих норм закона и необходимости дальнейшего их совершенствования. Изучение и обобщение судебной практики необходимо также для улучшения организации работы судов, повышения качества судебного и прокурорского надзора, усиления внимания к подбору кадров судебных органов, их работе.

Всесторонний анализ материалов судебной практики нужен и как исходная база для принятия органами юстиции организационных решений, дачи руководящих разъяснений и указаний судам по вопросам применения норм закона в их процессуальной деятельности. Обобщение судебной практики — это составная органическая часть организационного руководства судами, важный фактор укрепления законности в их деятельности, обеспечения правильного, единообразного понимания и применения правовых норм, закрепленных в Законе. Это действенный инструмент повышения профессионального мастерства, квалификации судей. Именно поэтому мы и отметили выше важность выявления при обобщении материалов судебной практики положительного опыта в организации работы судов, их процессуальной, правоприменительной деятельности, а не только ошибок и недостатков, как это зачастую говорится в нашей процессуальной литературе и документах вышестоящих судебных органов. Учиться надо не только на ошибках, но и на позитивном опыте.

Работу по обобщению судебной практики следует вести целеустремленно, во имя достижения четко определенных целей, решения конкретных актуальных задач, а не проводить «обобщения ради обобщения», ради «галочки» в формально составленном плане соответствующих мероприятий. Каждое обобщение должно служить основой для принятия конкретных мер по совершенствованию судебной практики.

Объектами изучения при этом могут быть, например, определенная категория дел либо дела различных категорий с точки зрения решения в них какого-либо вопроса, оценки качества судебной работы (например, защита прав и интересов обвиняемого, несовершеннолетних участников процесса, разрешение гражданского иска в уголовном процессе, реализация норм закона о национальном языке судопроизводства, качество приговора, протокола судебного заседания, работа судов по профилактике правонарушений, качество кассационного, надзорного производства и т. д.).

Если объектом обобщения является качество судебной работы в целом, судебная практика в широком смысле, то здесь особенно целесообразно проведение обобщений совместными усилиями судебных органов, прокуратуры, МВД, желательно с участием ученых-юристов.

В иных случаях целесообразно привлекать к проведению обобщений и работников других органов, учреждений (скажем, органов народного образования — при обобщении судебной практики по делам несовершеннолетних, ревизоров, экспертов — по делам о хозяйственных преступлениях и т. п.).

Весьма полезным бывает проведение обобщений судебной практики по материалам дел, уже рассмотренных в кассационной и надзорной инстанциях, т. е. оцененных с точки зрения качества проведения предварительного следствия и судебного процесса и принятых судом решений.

Однако мы не можем безоговорочно согласиться с высказанным в литературе мнением: «Только данные кассационной и надзорной практики служат надежной основой измерения качества правосудия, и именно их в первую очередь следует положить в обоснование вывода об уровне судебной работы»¹. Обобщения, проведенные непосредственно по первичным материалам предварительного следствия и судебного разбирательства дел, также дают богатую пищу для суждений о качестве процессуальной и организационной работы судов.

Из личной практики ознакомления с материалами многих уголовных дел нам известно о том, сколько недостатков содержат протоколы, и приговоры, и иные следственные и судебные документы. Богатый материал в этом отношении содержат адвокатские досье, особенно защитительные речи адвокатов, составленные ими кассационные жалобы, ходатайства и т. п. Так что о качестве правосудия можно судить не только по данным кассационного и надзорного производства.

Что касается организации изучения и обобщения судебной практики, то здесь очень важно прежде всего хорошо продуманное, отнюдь не формально осуществляемое планирование этих мероприятий. Эту работу следует проводить целеустремленно и систематически, тщательно и на основе соответствующей координации деятельности судов и органов юстиции, строго руководствуясь при этом положениями разрабатываемых Министерством юстиции и Верховным судом республики Рекомендаций по организации и методике изучения и обобщения судебной практики.

Методика проведения таких обобщений должна в конечном счете обеспечивать получение достоверных, объективных данных, позволяющих правильно оценить качество судебной практики и сделать должные выводы по ее совершенствованию. При этом особенно важно обеспечить правильный выбор темы обобщения и его хронологических пределов; конкретной процедуры предпринимаемого исследования; выбор конкретного объекта исследования, т. е. совокупности изучаемых дел (гражданских, уголовных, по делам несовершеннолетних и т. п.); составление программы обобщения; отработку форм фиксации материалов обобщения (таблиц, анкет и др.); глубокое изучение исследуемых дел и иных данных, характеризующих качество судебной практики; должный анализ и объективную оценку материалов обобщения; надлежащие выводы из изученного материала и обоснованные рекомендации по устранению выявленных недостатков, распространению положительного опыта и совершенствованию судебной практики.

Прежде всего, разумеется, необходим верный выбор темы обобщения, исходя из ее актуальности, значимости соответствующей категории дел, а для этого очень важно внимательное изучение судебной статистики, материалов кассационного и надзорного производства, выявление наиболее сложных вопросов судебной практики, типич-

¹ Методика обобщения судебной практики. М., 1976. С. 9.

ных судебных ошибок, знание состояния преступности на данный период, в данном регионе и т. д. При необходимости следует прибегать к методам экспертных оценок, опроса специалистов, непосредственного наблюдения, применять в ходе изучения материалов судебной практики статистическую, типологическую либо экспериментальную процедуру исследования.

Если невозможно осуществить сплошное изучение дел, то очень важно правильно выбрать совокупность дел для выборочного исследования с тем, чтобы отобранное количество их было достаточно репрезентативным, т. е. наиболее адекватно отражало состояние судебной практики.

Программа обобщений должна предусматривать изучение практики судов первой, кассационной и надзорной инстанций по всем вопросам, на выяснение которых направлено проведение данного обобщения.

Соответственно с разработанной программой составляются необходимые формы для отражения полученной при изучении судебной практики информации — разного рода анкеты и таблицы, фиксирующие все необходимые сведения по изученным вопросам, на основе которых и осуществляются анализ состояния судебной практики и ее обобщение. Эти данные анализируются в совокупности со сведениями, полученными при опросе (письменном, устном) судей, специалистов-ученых и др.

Методика обобщения судебной практики по уголовным, гражданским делам, практики профилактической работы судов и т. д. имеет свою специфику. Здесь мы остановимся, в качестве примера, на некоторых особенностях обобщения судебной практики по уголовным делам.

Изучение и обобщение судебной практики по этой категории дел проводится в целях решения конкретных задач повышения качества работы судов и усиления борьбы с преступностью. Изученный материал дает возможность выявить социальное содержание преступлений, интенсивность совершения их во времени, в территориальном разрезе, по отраслям народного хозяйства, их динамику и иные характеристики и, наконец, общую картину преступности; типичные судебные ошибки, допускаемые при рассмотрении и разрешении различных категорий уголовных дел, пути устранения этих ошибок и повышения уровня работы судов.

В этих целях могут проводиться обобщения, объектом которых служат, скажем, криминологические признаки (как, например, степень распространенности преступлений по сферам народного хозяйства), уголовно-правовые (степень общественной опасности преступных деяний, объекты посягательства, виды и меры наказаний), демографические (пол, возраст, образовательный уровень преступника и др.), количественные признаки (например, количество преступных деяний, предусмотренных различными статьями УК) и т. д.

Первоочередное внимание уделяется выяснению вопросов, касающихся состояния преступности и судимости, т. е. количества и видов совершенных преступлений, численности лиц, их совершивших, характера преступных деяний, личности преступников, рецидивности и пр.

Состояние преступности изучается применительно к каждому составу преступления, с анализом внутренней структуры, конкретных признаков состава преступления, степени общественной опасности каждого вида преступлений, характеристики личности преступников. Эти и другие показатели выявляются по отдельности, а анализируются в совокупности, сравниваются в сопоставимых показателях за определенный период. Лишь таким образом можно выявить действительную характеристику преступлений, динамику преступности, факторы,

влияющие на нее, и т. д. Такой анализ следует проводить по каждому составу преступления. Тогда только можно сделать должные выводы, имеющие большое криминологическое значение, важные для выявления состояния преступности и определения конкретных мер по улучшению качества работы судов.

В центре внимания лиц, проводящих обобщения судебной практики, должны быть и социально-демографические данные. Скажем, по делам несовершеннолетних — состав семьи, семейная обстановка, состояние микросреды, отношение несовершеннолетнего к школе, учебе, товарищам, круг друзей, наличие взрослых подстрекателей и т. д.

Предметом специальных обобщений могут быть преступления, совершенные рецидивистами, рассмотрение и разрешение судами этой категории дел. Анализ судебной практики при этом следует проводить раздельно — по общему и специальному рецидиву, с выделением особо опасного рецидива.

Тщательного анализа требуют данные из материалов судебной практики, характеризующие объект и объективную сторону, равно как субъект и субъективную сторону преступлений.

Особый интерес представляют обобщения судебной практики по групповым делам, раскрытию организованной преступности, получившей в последние годы значительный размах. По этим делам анализу и обобщению подлежит весьма широкий и сложный круг вопросов, каждый из которых требует вначале тщательного специального исследования, а затем изучения в комплексе со всеми остальными аспектами изучаемого объекта.

Памятуя о значимости профилактической работы судов, следует неизменно уделять должное внимание обобщению судебной практики по выявлению конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятию мер по их устранению. В этой связи особое значение имеет глубокое изучение частных определений судов и характера реагирования на них со стороны соответствующих должностных лиц, администрации предприятий, учреждений, организаций. Обобщения, проведенные по этим вопросам, могут быть эффективно использованы в интересах решения актуальнейшей задачи — предупреждения, профилактики преступлений. Это в равной мере относится и к представлениям судов, направляемым соответствующим органам по результатам проведенных обобщений.

Обобщения судебной практики систематически проводятся и по материалам кассационной и надзорной инстанций. Они касаются как дел, по которым отменены или изменены судебные решения (приговоры, постановления, определения судов), так и дел, приговоры по которым оставлены в силе. Материалы судов кассационной и надзорной инстанций, принимаемые ими решения служат важным источником для выявления и анализа разного рода судебных ошибок, нарушений норм материального и процессуального права, анализа ошибок и недостатков, допущенных на предварительном следствии. Сугубого внимания при этом заслуживают факты необоснованного привлечения к уголовной ответственности, грубого нарушения прав и законных интересов участников процесса и особенно осуждения невиновных. Самого пристального внимания в этом плане требуют материалы по делам несовершеннолетних.

Разумеется, необходим и анализ дел, которые не пересматривались в кассационном, надзорном порядке. Это отнюдь не всегда говорит о том, что при расследовании и разрешении их не было допущено никаких ошибок, нарушений норм закона. А если органы следствия и суд обеспечили при расследовании и разрешении тех или иных конкретных дел действительно высокое качество работы, то это ведь тоже очень важно с точки зрения выявления и распространения по-

ложительного опыта работы органов следствия и суда. Как мы уже говорили, нельзя сводить цель обобщений лишь к выявлению негатива.

Вместе с тем весьма важное значение имеет и обобщение судебной практики самих вышестоящих инстанций — кассационной и надзорной. В их работе тоже имеется немало ошибок, иных недостатков, упущений, а вместе с тем и много положительного. От качества их работы во многом зависят уровень и эффективность правоохранительной и правоприменительной деятельности нашей судебной системы в целом. Отсюда — значимость регулярного, тщательного, целенаправленного проведения обобщений практики работы судов кассационной и надзорной инстанций как в целом, за определенный период, так и по отдельным категориям дел, по отдельным инстанциям, по отмене, изменению, оставлению в силе решений судов первой инстанции, по разным категориям подсудимых, по различным основаниям и т. д. Очень важно, например, выявить, как относятся суды вышестоящих инстанций к вопросам разрешения гражданского иска, точного определения причиненного преступлением материального ущерба и его возмещения. Обобщения требуют и все иные аспекты организационной и процессуальной деятельности вышестоящих судов.

Ныне особый интерес представляют обобщения практики судов первой, кассационной и надзорной инстанций по преступлениям, так сказать, «новым» для нас, совершаемым в условиях перехода к рыночным отношениям, утверждения многих видов собственности, развертывания деятельности бирж, акционерных обществ, смешанных предприятий и т. д. За последнее время принято много качественно новых для нас законов, допускающих частнопредпринимательскую, коммерческую, посредническую деятельность, свободные валютные операции граждан и т. п. Все это следует учитывать судам, равно как и появлению новых видов преступлений (рэкёт, злостное банкротство, подделка ценных бумаг и т. д.). Если ранее наши суды придавали особую значимость охране материальных интересов государства и преследовали лиц, занимавшихся частным предпринимательством, то теперь на равных основаниях суды должны обеспечивать надежную защиту прав и законных интересов всех категорий собственников, имущества, денежных и иных ценностей частных предпринимателей, акционеров, иностранных граждан, занимающихся на законных основаниях предпринимательской деятельностью в нашей республике, и т. д.

Все это выдвигает качественно новые задачи перед нашей судебной и вообще правоохранительной системой, а следовательно, практика решения этих новых задач требует своего глубокого, всестороннего анализа и обобщения в целях всемерного укрепления законности и правопорядка в суверенной Республике Узбекистан, успешного развития ее по пути подлинной независимости и прогресса.

С. С. КОМИЛОВА, Л. Б. СИДИҚОВА

МАДАНИЙ МЕРОСИМИЗДА ИНСОН МУАММОСИ

Ҳозирги қайта қуриш даврининг мураккаб зиддиятли масалаларини, ижтимоий-маънавий тараққиёт муаммоларини чуқур англаш, уни билишнинг илмий усулларини материалликтик диалектика асосида ижодий қўллаш билангина ҳал этиш мумкин.

Маънавий тараққиётнинг юксалиши халқимиз яратган бой тарихий, маданий меросининг шаклланиши ва ривожланишининг барча қатламлари билан боғлиқдир.

Халқимиз маданий, илмий, фалсафий меросини изчил, чуқур ўрганишда фалсафа, маданият ва инсон муаммоларига доир масалалар кўзга яққол ташланади. Шунинг учун ҳам тафаккур тарихида фалсафий меросимизни ўрганишда ундаги қўйилган масалаларга тўғри ёндашиш, тўғри баҳолаш талаб қилинади.

Бизга маълумки, табиий-илмий, ижтимоий-фалсафий тафаккур тарихида, айниқса, Ўзбекистон ҳудудига тегишли ноҳиялар илм-фан энг ривожланган марказлардан бири бўлган.

Ўзбек халқининг буюк фарзандлари фанинг, маданиятнинг турли табақаларида беқиёс ишлар қилиб, янон фалсафасини ижодий ўзлаштириб, Оврупо фалсафасини уйғотган, умумжаҳон фани ва маданияти тараққиётига таъсир кўрсатган.

Тафаккур тараққиёти тарихига назар ташласак, тиббиёт оламида инсон боласининг ақли бовар қилмайдиган кашфиётлар яратган Ибн Сино, риёзиёт фанини бунёд этган ал-Хоразмий, табиий фанларнинг бобокалони ал-Беруний, мантиқ фанининг ривожланишига катта ҳисса қўшган ал-Форобийларнинг бой мероси халқимиз фарзандларининг маданият тарихида инсон маънавий камолотиغا интилиш эҳтиёжи кучли бўлганлигининг ифодасидир.

Халқимиз яратган меросни, қадриятларни ўрганишдан мақсад, ундаги илғор ғоялар таълимотлар фалсафий тафаккур услубининг муҳим бўлғичи бўлганлигини, шу билан бирга илмий дунёқарашни шакллантиришда катта имкониятларимиз мавжудлигини кўрсатиш, ўз-ўзимизни англашдир.

Фалсафа тафаккури тараққиётида инсон, унинг билими, таълим-тарбияси, ахлоқий одобига тегишли масалалар марказий ўринда бўлган. Халқимизнинг буюк олимлари мана шу масалаларни ҳал қилинишида умуминсоният маданияти, фалсафаси тарихида кўрсатган жонбозликлари жаҳон халқлари табиий-илмий, ижтимоий-фалсафий ва ахлоқий тафаккури тарихининг ривожланишида катта ҳиссаси бор эканлигини кўрсатади.

Агар Урта Осиё, жумладан Ўзбек халқининг инсон, инсон ахлоқи, тарбиясига доир қарашларини чуқурроқ ўргансақ, бу масалалар энг қадимги фалсафий тафаккур тарихига бориб тақалади.

Бу ҳақдаги дастлабки маълумотларни энг қадимги халқ оғзаки ижоди ва ёзма ёдгорликларидан топиш мумкин. Инсон, унинг тарбияси ахлоқига доир таълимотлар «Худойнома», «Панднома», «Авесто» каби манбаларда ифодаланган.

Шуни таъкидлаш мумкинки, Урта Осиё халқлари илғор фикрлари тараққиётнинг энг ишончли ва мўътабар манбалари халқ оғзаки ижоди бўлишига қарамасдан, уларга манба сифатида яқин-яқин кунларгача ижодий ёндошилмаган, улардаги бой материаллар, диний-ахлоқий, ижтимоий-сиёсий, табиий-илмий ва фалсафий қарашлар тўла ўрганилмаган.

Урта Осиё халқларининг турмуш тарзи, руҳияти, одатлари, тафаккури, маданияти, санъати, тили, ахлоқ-одоби ҳақидаги фикри, Ислом ақидавий таълимотининг хадисчилиги, тасвирчилиги шариятнинг асосий манбаларида ал-Бухорий, ат-Термизий, Замахшарий, Розий каби алломалар томонидан ёзилган эди. Лекин бу китобларни ўқиш эса ман қилинган эди.

Исломнинг одам, унинг маънавий-ахлоқий тарбиясига доир сирларини ҳозирги кунда халқимиз тушуниб етиш учун бўлса керак уни ўрганиш учун йўл очиб берилди.

Ҳадислардаги инсон, инсон тарбияси, ахлоқига доир фикр ва мулоҳазаларни ўрганмасдан ундан сунъий юз ўгириш халқимизнинг ижтимоий-фалсафий фикри тарихи, ахлоқий тарбияга доир бой манбалардан юз ўгиришга олиб келади.

Ҳозирги кунда мана шу манбаларнинг доирасини кенгайтириш

(ундаги турли-туман андозаларни четга сурган ҳолда) ижобий томонларини ўрганиш ва тадқиқ қилиш вақти келмадимикин, уларнинг баъзи бирлари нашр қилина бошланди.

Масалани, Имом ал-Бухорийнинг «Ал-адаб ал муфрад» («Адаб дурдоналари»), Имом ат-Термизийнинг «Шамоили Муҳаммадийя» («Муҳаммад алайҳиссаломнинг хислатлари, хулқ-одоблари ва сифатлари ҳақида маълумотлар берувчи»), «Ҳадис» сингари китоблари нашр қилинди. Бу китобларда инсон, унинг хулқ-одоби, юриш-туришларига онд ҳадислар жамланган. Ушбу ҳадисларда кишиларнинг ёмон одатлардан сақланишига ҳамда ўзидаги энг яхши инсоний фазилатларини шакллантиришига чақиради.

Имом ал-Бухорийнинг «Адаб дурдоналари» асари ёш авлодни ҳусни одоб ва макорими ахлоқ қондалари асосида тарбияланишига ёрдам берувчи тариқатлар, кўрсатмаларни тарғиб қилади. Инсон токи қадрланар экан, нимаики инсонга хос бўлса, унинг манфаати йўлида хизмат қилса, ривожланиши керак. Шунинг учун юқорида номлари тилга олинган китоблар инсон ва инсон маънавий камолоти учун хизмат қилиши мумкин. Ундан фойдаланиш, ақл ва бардош билан тадқиқ қилиш донишмандликдир.

Бу ҳадисларда амалий ахлоқ принциплари қизиқ ҳикоя, ривоятлар орқали танбеҳ, насиҳат сифатида баён қилинган.

Юқорида номлари зикр қилинган алломаларнинг ахлоқ принципларига доир меросини ўрганишда унинг ўзига хос хусусиятлари борлигини назарда тутмоқ талаб қилинади. Чунки уларнинг ахлоқий принциплари асосида қарор топган.

Халқимизнинг урф-одатлари, анъаналари, ахлоқий фазилатлари ҳақидаги ривоятларининг яратилиши, ахлоқ ғояларининг илгари суртилиши, маънавий тараққиётимизда инсон ва унинг ахлоқий таълимнинг шаклланишида унинг назарий асосларини ривожланиши учун манба бўла олади, шунингдек, муҳим аҳамият касб этади.

Инсон, инсоннинг ижтимоий моҳияти, унинг ҳаётдаги ўрни, вазифаси, ахлоқий тарбияси сингари муаммолар минг йиллардан буён инсоният тарихининг асосий муаммоларидан бири бўлиб, бу муаммо ҳар томонлама турли йўналишларда ҳал қилиниб келинмоқда. Бу муаммонинг ҳал қилинишида кўплаб фалсафий адабиётлар мавжуд.

Шу ўринда биз баён қилаётган фикримизнинг давоми сифатида ўрта асрдаги ўртаосиёлик қомусий олимларимизнинг бу масалага доир фикрларини келтирмоқчимиз.

IX—XII асрларда Ўрта Осиёда илк уйғониш даври мутафаккирлари ал-Хоразмий, ал-Форобий, ал-Беруний, Ибн Синоларнинг бу масалани ҳал қилинишида ҳиссалари каттадир.

Маданиятимиз, фанимиз тараққиётида буюк мутафаккирларимиз асос солган илмий-назарий масалаларни ўрганиш қадриятларимизга, меросимизга бўлган ҳурматни оширади.

Мутафаккирларимизнинг бизгача етиб келган асарлари ўзининг ёзилиш тарихи, мазмуни, фазилати билан ўз даврида ва ҳатто ҳозирги кунда тутган ўрнига кўра катта тарбиявий аҳамиятга эга эканлигини кўрсатиш мумкин.

Уларнинг инсон ва инсон тарбияси масалаларига доир табиий-илмий, ижтимоий-фалсафий ғоялари, устозу шогирдларга ёзиб қолдирган мерослари, таржиман ҳоли, умуман адабий, илмий мерослари, бу устозларнинг илм-фан, маданият соҳасидаги мулоҳазалари нақадар улуг эканлигининг шоҳиди ҳисобланади. Улар бир қатор трактатларида инсон, инсоний фазилатлар ҳақида фикр юритадилар. Беруний, Форобий, Ибн Сино, Навоий ва Бобур сингари буюк бобокалонларимиз бу муаммони амалий ва назарий жиҳатдан ҳал қилинишида янги-янги ғояларни илгари сурганлар. Биз ўйлаймизки, улар-

нинг инсон, унинг ахлоқий фазилатлари ҳақидаги фикрлари ёш авлодни тарбиялашда катта аҳамият касб этади.

Хоразмий ижодида инсонийлик масаласи катта ўринни эгаллайди. Унинг фикрича инсоннинг инсоният, жамият олдидagi масъулияти юқори бўлиб, у келажак авлодни эътиборга олгани ҳолда яшаши, ижод қилиши зарурдир.

Ўз даврининг қомусий олими Форобий эса ҳар бир фаннинг тарбиявий аҳамиятини кўрсатишга уринди. Унинг фикрича, арифметика, геометрия, фалакиёт ва бошқа фанлар тарбиявий аҳамиятга эга бўлган фанлардир. «Бу тўрт фан,— деб ёзади Форобий,— тарбиявий фанлар, улар ана шу фанларни ўрганувчи кишини тарбиялайди, унинг назокатини ошира боради ва мазкур фанлардан кейин ўрганиладиган фанларни билиш учун унга йўл кўрсатади»¹.

Ибн Сино, Беруний, Форобий каби алломаларимиз таълим-тарбиянинг асоси билим деб таъкидлаганлар. Улар инсон ақлининг ҳар томонлама ривожлантириш ва ҳақиқатларни билишнинг имкониятларини тушунган ҳолда ҳар қандай нодонликка, жаҳолатпарастликка қарши курашиш масаласини кўядилар.

Ибн Сино «Донишнома» асарида ахлоқий тарбия муаммоларини муҳокама қилади, юксак маънавий сифатларни тарбиялаш ҳақида маслаҳат беради. У бу асарда таълим-тарбиянинг мақсади кишиларни фақат ўз манфаатини кўзлаб яшамасдан, балки бошқа одамлар фойдаси учун яшайдиган қилиб тарбиялашдир²,— деган ғояларни илгари сурди.

Буюк қомусий олимларимиз Ибн Сино, Форобий ҳамма фанларнинг амалий, назарий аҳамияти тарбиядан иборатдир деган фикрни илгари сурганлар.

Форобий фалсафий қарашларида инсон муаммосига доир фикрлар гарчи идеал тарзда қўйилишига қарамасдан, у исёнкор мазмунга эга.

Берунийнинг «Едгорликлар», «Ҳиндистон» номи асарларида ҳинд миллатлари, халқлари, уларнинг урф-одатлари, фалсафаси, диний эътиқоди баён қилинади.

Беруний жамият, унинг келиб чиқиши ва ривожланиши тўғрисидаги масалани ҳал қилинишида инсонларнинг бирлашуви, бир-бирини қўллаб-қувватлашини, мамлакатни, давлатни душмандан ҳимоя қилишда бирлик, биродарлик муҳим эканлигини таъкидлайди. Олимнинг кишиларнинг жамиятдаги вазифаси масаласига доир фикрлари ҳам бўлиб, унда кишининг қадри меҳнати билан ўлчанади дейилади.

Инсон фазилати ҳақида гап юритганда, у одамлардаги яхши ва ёмон хислатлар уларнинг маънавий қиёфасини ифодалайди деган. У инсонлардаги ёмон хислатларни тарбия натижасидагина йўқотиш мумкинлигини таъкидлайди.

Демак, Берунийнинг инсон, инсон тарбиясига доир қарашларида инсоний фазилатлар масаласи юқори ўринда туради.

Ибн Синонинг инсон муаммосига доир фикрлари унинг табиий-илмий ва тиббиёт соҳасидаги ютуқлари орқали ўз ифодасини топган. Ана шундай асарлари: «Аш-Шифо» («Даволаш китоб»и), «Китоб аннажот» («Қутилиш китоб»и), «Китоб ал-ишрат ва танбиҳат»лар («Кўрсатмалар ва танбеҳлар китоб»и) бўлиб, уларда инсон, унинг ақли, ижодий кучи ҳақидаги фикрлари баён қилинади.

Ибн Сино инсон, унинг ахлоқий тарбиясига оид рисолаларида: «Рисола фи илми ахлоқ» («Ахлоқ илмига оид рисола»), «Рисола фи-л-аҳд» («Бурч ҳақида рисола»), «Китоб ал-инсоф» («Адолат ҳа-

¹ Хайруллаев М. М. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья. Ташкент, 1973. С. 54.

² Ибн Сина. Даниш-наме. Сталинабад, 1957. С. 72.

қида китоб») ва бошқаларда оила, ота-онанинг бола тарбиясидаги роли ҳақида баҳс юритган. Ибн Сино «Ахлоқ илми ҳақида рисола»-сида инсоннинг ахлоқий хислатларига тушунча беради, чунончи, «иффат», «шижоат», «ҳикмат», «адолат», «саҳийлик», «қаноат», «сабр», «юшмоқлик» ва бошқалар.

Ибн Сино инсоннинг камтар, иродали меҳнатсевар каби ахлоқий фазилатлари ҳақида фикр юритади, унинг фикрича ёмон инсоний, ахлоқий хислатлар «шармандалиқдир».

Ибн Синонинг инсон, унинг таълим-тарбиясига оид фикр ва мулоҳазаларини ўрганиш, бу соҳадаги билимларимизни ривожлантиришга ҳисса қўшади.

Ҳазрати одамнинг билим, ақлу идроки сабабли муҳтарам эканлигини Юсуф Хос Ҳожиб ахлоқий дидактика шаклида ёзган «Қутадғу билиг» асарида баён қилади. Инсон, унинг ижтимоий моҳияти, вазифаси, ахлоқи, тарбияси алоҳида эҳтиром билан тасвирланади:

Яна бир ҳикмат бор: Ҳазрати одам —
Билим, ақлу идрок сабаб муҳтарам
Билимни буюк бил, ўқувни улуғ
Шу икков улуғлар кишини тўлиқ³.

Шоир комил инсон ҳақида фикр юритар экан, у ўз манфаатлари, шахсий истаклари доирасини ёриб чиқишини, кўпчилик манфаати, ғам-ташвишлари билан яшашини таъкидлайди.

Шу ўринда Умар Ҳайём фикрини мисолга келтирамиз:

Кимсани ранжитма, ранжитма, ҳайхот,
Ғазабинг бировга сочмагил, эй зот.
Ўзинг ранж чеку ҳеч кимни ранжитма,
Роҳат десанг агар ўзинг ғамга бот⁴.

У киши қалбини, унинг назокатини руҳий кечинмалари, орзу-ўйлари, кайфиятларини, ҳаёт мантиқини, инсон қалби билан реал ҳаёт орасидаги муносабатни ёрқин тасвирлаб бера олган, инсонларни дўстлик ва иттифоқликка чақирган мутафаккирдир⁵.

Маҳмуд Қошғарий умуминсоният маданияти тарихида ўзининг туркий тилда ёзилган «Девону луғотит турк» асарида инсоният тарихи яратган ахлоқ ва одоб мезонлари, принциплари ҳақида фикр юритади. Инсон ва унинг тарбияси ҳақида сўз юритар экан:

Инсон чиройи, ҳусни эмас ахлоқи,
Инсон тарбияси ахлоқи эрур унинг ҳусни жамоли,—

деган фикрни илгари суради.

Худди шундай фикрни Аҳмад Югнакий ижодида ҳам қузатиш мумкин. У ўзининг «Ҳиббатул ҳақойиқ» асарида инсонни гўзал қиладиган хислат, унинг камтарлигидир, одобидир, ғурур ва қўполлик эса ахлоқсизликдир, деган.

Хулоса қилиб айтиш мумкинки, ўртаоғиёлик мутафаккирларнинг инсон, унинг ахлоқи ва одоби муаммосига доир фикрларини, тўла ўрганишимиз керак. Айниқса, инсон муаммоси масаласини илмий асосда ҳал қилишда маданий меросимизнинг ўрни ва роли катта. У ёш авлодни, бўлажак мутахассисларнинг ҳар томоғлама инсоний фазилатларини тарбиялашда унинг илмий дунёқарашини шакллантиришда катта аҳамиятга эга.

³ Юсуф Хос Ҳожиб. Қутадғу билиг. Тошкент, 1990, 11-бет.

⁴ Умар Ҳайём. Рубойлар. Тошкент, 1991, 7-бет.

⁵ Қаралсин: Умар Ҳайём. Рубойлар. Тошкент, 1991, 6-бет.

ИСЛАМ И ИСКУССТВО

В данной статье, посвященной отношению ислама к искусству, мы остановимся на двух вопросах: формальных средствах, отличающих мусульманское искусство от немусульманских стилей в искусстве, и на «мистике в исламе». При этом под художественным стилем мы разумеем не абстракцию линий, пятен и форм, не исключая и знаковых их значения. Под «мистикой ислама» мы имеем в виду не всякую выдумку, лежащую за пределами реальности, а воображение, подсказанное смыслом и духом тайны, скрытой за порогом сознания.

Форма и дух ислама составляют по существу нечто взаимосвязанное. Они определяют собой сообща саму природу мусульманского искусства. В отличие от других мировых религий (христианства и буддизма) ислам не создал ни круглой скульптуры, ни иконописи на темы священного писания (исключая редкие примеры шиитских иконок — «шамаилей»). Зато «дух ислама» стал общим достоянием культуры ислама в целом.

В свое время стремились доказать, что ислам враждебен изобразительности, и искусство в странах ислама издавна находилось под запретом. Камнем преткновения оставалась при этом книжная миниатюра, выдающиеся образцы которой самим фактом своего существования опровергают такой вывод. По существу в Коране нет запретов на изобразительность и лишь в толкованиях, хадисах имеются оговорки по поводу того, что предметом изображения не могут быть почитавшиеся ранее идолы, как и вообще живые существа, «бросающие тень». Разбирались частные случаи, когда предпочтение отдавалось декоративному искусству и художественному ремеслу.

После специальных изысканий В. Шовена; А. Шовиша, К. Беккера, А. Енани, Т. Арнольда, К. Кресвелла и многих других востоковедов, изучавших причины этих запретов, О. Г. Большаков пришел в ряде своих работ к выводу, что запрещение изображать живые существа в исламе составляет лишь «частный случай» подобных запретов в искусстве всех народов Средиземноморья (и Ирана). «Причины... далеко не ясны и требуют специального глубокого исследования»¹.

Новую постановку проблемы «ислам и искусство» дал недавно в своих работах Ш. М. Шукуров. Они интересны, хотя в некоторых отношениях и спорны. Постановка вопроса под углом зрения метафизики и теологии сама по себе вносит свежую струю в застоявшуюся атмосферу спора. «Художественный образ в средневековом искусстве,— пишет он,— не только иллюстрация, но и знак, наделенный спектром значения... Крайним выражением такого умонастроения, такого метода познания и были средневековые призывы к запрету изображений, ибо знак, образ не были в состоянии отразить истинную сущность «вещи» в ее онтологическом значении»². Иначе говоря, решили не прямые запреты, а сам способ мышления.

В чем его особенности? Изобразительное искусство, избегая идолопоклонства и многобожия вообще, в странах ислама целиком ушло в сферу поэзии, музыки, цвета и ритма. Его питательной почвой стали литература, каллиграфия, узор. Зависимость поэзии от арабской графики очевидна. «Был прям «Алиф», но в плен его взяло петлей начертанное «Бало»... Какая уж глубокая печаль его согнула, словно

¹ Большаков О. Г. Ислам и изобразительное искусство//Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Л., 1969. С. 153.

² Шукуров Ш. М. Принципы формирования средневекового искусства ислама: Автореф. докт. дис. М., 1990. С. 32.

букву «даль», как в слове «дард», согнулась буква «даль», согбенный болью, он плетется вдаль» (Алишер Навои).

Но какова же при этом роль самого ислама? Ислам — это прежде всего не только вера, но и умонастроение, в основе которого лежит весь объем жизни. Его особый способ мышления проявляет себя, начиная с Корана, как устава и программы, вплоть до правил поведения мусульман, зафиксированных хадисами. Ислам, как и другие религиозные учения, — в сущности не догма, а живое, развивающееся умонастроение, которое знает как своих пророков, так и своих веротступников, возвращавшихся так или иначе к идее единобожия. Краеугольным камнем ислама как религиозного учения было и остается предопределение, т. е. начертание судьбы человека волей Божьей. С тезисом о предопределении связано и толкование ислама как фатализма, данное Г. В. Гегелем и повторенное затем К. Марксом. Но смотрите, как то одна, то другая сторона «предопределения» отходит на задний план. Предначертание судьбы каждого человека свыше отнесается утверждением, что активность индивида решает его судьбу. Разве не деятельный дух ислама веет над стихами классиков мусульманской поэзии?

Абдулхасан Рудаки (ум. в 941 г.) писал: «Молю тебя, не убивай приверженца ислама. Люблю, но я не еретик, не брахман и не лама». Здесь, как и позже у суфиев, любовь земная и небесная нерасторжимы, как нерасторжимы мусульманская поэзия и ислам. Любовь трактуется в двух смыслах: «В мечети я припомнил йзлом твоих бровей, и выпали молитвы из памяти моей». А наряду с этим: «Спасет Аллах достойного любви!» В лирико-романтической поэзии Рудаки любовь к красавице можно трактовать как иносказание любви к Всевышнему. И в то же время: «На все, что зримо и телесно, гляди открытыми глазами. Но сердце научи увидеть изнанку видимости брэнной». Омар Хайям (1040—1123) продолжает: «Слиться с богом, любовью пылая,— не грех». Безбожник ведь — тоже творение Бога. Рационализм поэта не выходит при этом за пределы мусульманского благочестия, хотя и носит порой черты сарказма.

Абунаsr Саадн (1210—1291) видит в Боге вершителя судеб каждого, «но каждый из нас — по воле своей — пусть выбирает сам тот путь или иной».

Позднее Амир Хосров Дехлеви (1253—1325) вторит тому же: «Все подвластно звездам, но не они, а рок тиран. Что же шлешь проклятие плахе, если суд вершит султан». Здесь упрек брошен не веротступнику, а самому року, коим вершит Бог и его наместник на земле. Но уже Алишер Навои (1441—1501) впадает в сомнение: «В косях глазах, как говорит молва, одно явление видит два... Лист за листом любовь Коран сожгла, в костер его подставку унесла. Она святую веру в плен ведет, мечеть во власть неверных отдает... Из-за любви пути ума темны, противоречий спутанных полны». Вчерашний суфий видит себя «сгорающим в огне сверхбытия, все познавшим, открехшимся от «я».

Философия в исламе ставила своей главной задачей привести в соответствие каждую букву Писания с идеями эллинско-эллинистической традиции и собственными рационалистическими суждениями, основанными больше на риторике в духе ислама или противостоящих ему сект. И все же в мусульманском искусстве религиозное и эстетическое начала были всегда слитны. Халифат Омейядов (661—750) в Дамаске, Аббасиды (782—1258) в Багдаде, Кордовский халифат (XV в.) на Пиренейх, халифат Фатмидов (909—1171) в Северной Африке составили целую гряду вершин в культуре ислама. В Османской империи титул халифа перешел к султану, но и позже слияние светской и духовной власти было в странах ислама повсеместным.

Вместе с тем изобразительное искусство никогда не было приложением к богословию. Оно продолжало идеи ислама как выражение духовных и поэтических начал, формулировало в нем эстетические чувства и средства их выражения.

В среде суфиев мистика трактовалась как «пробывание в созерцании Бога», путем утраты личных ощущений. Для суфия все жанры: геронческие, любовно-лирические и даже повествовательные на темы бытия — находятся в иерархии мистических «состояний», как чего-то, лишённого субъективных человеческих начал. Медитация, аскетические подвиги и прочие «состояния» могут при этом отсутствовать, но даже в вольнодумии присутствует «восточное озарение». Оно лежит в основе мусульманской мистики (ал-ишраки) и наполняет светом в представлениях художников-миниатюристов стран ислама картину мира.

В исламе имели место как рационализм (у Ибн Сины), так и приоритет интуиции (заук) или божественное откровение (кашф). Ислам создал атмосферу такого духовного состояния, которого не могло быть на Западе и на христианском Востоке. Свое материальное воплощение культура ислама нашла прежде всего в арабской графике и получила художественное воплощение в каллиграфии. Язык Откровения, хотя и играет значительную роль в постулатах ислама, но нельзя сказать, что изобразительность в исламе носит сакральный характер или что она «воплощает в себе сакральные свойства «арабского языка» и тем более — была «важнейшим элементом информационного процесса мусульманской культуры». Называть «иранское мышление» на всех этапах его развития «пластическим» тоже нет оснований. Для миниатюр стран ислама, особенно Средней Азии и Ирана, пластическое мышление вообще не характерно. В странах ислама один вид мышления продолжал другой. Миниатюра шла по стопам поэзии, а каллиграфия дополняла собой монументальную архитектуру, венчая красоту пространственных форм и узора. В надписях тысячекратно повторялись строки из Корана, хадисы и поэтические звучания.

Изобразительное искусство имеет специфическую форму познания, которая отличает ее от науки, религии и философии. Оно не может исходить из тех же норм и представлений, которые отвечают особенностям развития каждой из них. Ибн Сина, исходя из философии своего времени, писал: «Истина каждой вещи — это специфика, особенность ее существа, это то, что придает вещи стабильную определенность».

В изобразительном искусстве стран ислама не надо искать мертвого гипсового слепка с учения, зафиксированного Кораном. В каждом регионе оно незримо связано с традициями доисламского и внеисламского умонастроения, но есть в нем и нечто общее, что разнит его веками от других противостоящих ему систем. Это — понятие стиля. Умонастроение мусульман, как и их изобразительное искусство, стилистически едины. Стиль, однако, надо понимать не как единство одних приемов, а как духовное целое.

Выводить эстетику ислама, как и архитектуру ислама, непосредственно из богословия правоверного толка или определенных сект так же не убедительно, как и архитектуру ислама — из космологии и магии чисел. Ответ будущим семиотикам и структуралистам был дан еще Гегелем: «В числовых соотношениях многие желают найти глубокий мистический смысл... Нужно поэтому очень остерегаться, как бы в поиске таких значений не зайти слишком далеко, ибо желание быть основательным и все толковать в более глубоком смысле приводит к такому же крохоборству неосновательности, как и слепая ученость, которая проходит мимо ясно выраженной и представленной

глубины, не постигая ее³. Да и в поэзии Фирдоуси, Рудаки, Унсури, Низами, Навои присутствуют не только разные воззрения, эпохи, но и разные личности с их духовным миром. Ислам вмещает в себя такое многообразие школ и сект, от крайней догматики до вольнодумия и богохульства, которое едва ли знакомо другим мировым религиям. Одно перечисление их в каждую из эпох составит внушительную энциклопедию.

Эстетике ислама противопоставлены цветотеневое видение, пространственная перспектива. И наоборот, мусульманская миниатюра знает, как никто, кулисное построение пространства, гармонию ритма, перспективу цвета («выступающие» и «отступающие» цвета), музыку палитры. В монументальной архитектуре ислама ведущую роль играют линейные построения и геометрические тела. В своем математическом выражении они достигают иррациональных отношений и дают еще одно основание и признание «мистики в исламе» как его природной черты. «Мистика» эта во многом базируется на двойственной природе истины. В каждой религии есть доля «мистицизма». В исламе сверхъестественный мир — такая же реальность, как и естественный. На упрек в бесплодности, мистики еще Саади отвечал: «Мир полный Музыки нам дал Творец..., но что увидит в зеркале слепец?»

Вне фантазии и воображения никакое искусство невозможно. Ислам относит искусство к творческому преобразованию, а не ко «второй природе», не к слепку. В культуре ислама искусство — род воображения и ассоциативного мышления, способного вызвать воодушевление. С этой точки зрения «мистицизм в исламе» — не заблуждение, а одна из прямых его художественных функций.

Изобразительное искусство стран ислама не является ни отражением повседневности в ее лицемерии, ни описанием событий социальной и политической жизни в их последовательности. Причина тому — в замкнутом круге социальных установлений, из которых средневековый Восток не знал выхода. Ни раннехристианская, ни протестантская церковь не могла иметь в странах ислама успеха. Историческая обстановка, созданная крестовыми походами (1096—1270 гг.), грабежом сокровищ, накопленных Востоком, могла вызвать к жизни только газават и режимы, основанные на суверенитете феодальных княжеств под эгидой светской и духовной власти. Все внутренние противоречия гасились в формах богословских споров и моральных установлений, зачастую в полном отрыве от событий дня.

Нет необходимости напоминать, как далеко во времени и пространстве распространялись в доарабское и послерабское время отголоски ираноязычных сказаний о подвигах Рустама, сложившихся в разных своих версиях (согдийской, армянской, сванетской, пшавской, осетинской и многих других), вплоть до русско-казацкой среды, которой они достигли лишь в XVII в. Истоки этого героического эпоса уходят в античные времена.

Если же перенестись на почву Средней Азии, то как не заметить, что Шота Руставели стоит ближе к традициям эпических поэм типа «Шах-наме» Фердоуси, тогда как романтические поэмы Низами нашли свое прямое отражение уже в другую эпоху. Низами дал канву, на которой позднее выткал свои лучшие узоры великий узбекский поэт Алишер Навои (1441—1501); возник ряд местных версий «Фархада и Ширин». С другой стороны, предшественником классика ширванской поэзии Хакани (XII в.) называют известного при дворе султана Санджара в Мерве поэта Анвари. Его витневатая игра слов поразительно отвечает стилю арабесок Средней Азии, Ирана, Азербайджана той же эпохи. И Руставели, и Низами имели все основания повторять слова того же Хакани: «Восток и Запад в тени древа моих стихов».

³ Гегель Г. В. Эстетика. Т. III, М., 1971. С. 83.

Но Руставели оставался выразителем грузинского гения своей эпохи, Низами и Хакани — азербайджанского, Навои — узбекского. Так и в миниатюре смешанная среда порождала смешанный репертуар изображений, однако мотивы, формы употреблений, язык образов — у каждого народа оставались свои. И стирать эти различия нет никакой необходимости.

Возникнув давно на почве согдийских, хорезмийских, тохаристанских, древнеиранских, коптских, сирийских и других традиций домусульманского и раннемусульманского искусства, средневековая миниатюра Средней Азии и Ирана испытывает подъем вслед за общим возрождением искусства в послемонгольское время. Уже в конце XIII в. пробуждается миниатюра Мосула, Багдада (Ирак) и Тебриза (Иранский Азербайджан). В конце XIV — первой половине XV в. вспыхивает блестящий очаг миниатюры в древнем Ширазе (юг Ирана). Следом, не без влияния мастеров Багдада и Шираза, возникают новые очаги восточной миниатюры в Хорасане и Средней Азии. Для XV в. школы Герата и, видимо, Самарканда — едва ли не самые передовые. В XV в., как и в пору Низами, образы поэзии Алишера Навои напоминают по осязательности их восприятия тончайшую игру линий и красок тебризских, ширазских, гератских и самаркандских художников. Золото осени, зелень весеннего луга, серебро воды, мрамор стен — все это в устах Навои несет на себе отблеск той же манеры видеть, чувствовать, переживать, что присуща и творениям художника-миниатюриста. Как будто художник и поэт видят мир через одну и ту же призму. Их объединял общий круг художественных идей, одна система их выражения. Состав этих идей и сущность этой системы связаны с эстетическим идеалом эпохи. Последний складывался на протяжении веков, прежде чем получил свое выражение в произведениях изобразительного искусства. В них он предстал как новый художественный тип и отлился в стилистически новые художественные формы.

Обобщая, можно сказать, что в пору своего расцвета все виды пространственных, пластических, изобразительных искусств, а также поэзия, музыка и танец составляли нечто дополняющее друг друга и проникающее взаимно. Правильнее сказать, что каждое из искусств было синтетическим. Цементирующую роль играли общие художественные идеи века. Они побуждали все искусства к поискам целостного выражения. Цеховой строй способствовал самоопределению искусств и выработке правил и систем. Цех на мусульманском Востоке представлял собой не столько профессиональное объединение, сколько духовно-нравственное братство. Цехи на Среднем Востоке появились давно и исчезали, перерождаясь в орден. В Средней Азии цехи имели свои уставы (рисоля). В их числе: рисоля кузнецов, медников, литейщиков чугуна, ткачей, художников, брадобреев и т. д. В рисоля ткачей, например, говорится: «Знание обязанностей, налагаемых религией, нужно раньше знания ремесла».

Было бы интересно проследить, как одни и те же идеи пронизывают теоретические трактаты о ритмах и рифмах, музыке и стихосложении, каллиграфии и орнаменте.

Сущность эстетической системы, лежавшей в основе всех видов искусства Среднего Востока, заключалась в строгой соподчиненности ритмов и мелодий определенным сюжетам. Такой укоренившейся системой были в поэзии аруз, в музыке макамы. На протяжении веков основой поэтики составляла «наука о стихотворных фигурах». Она устанавливала определенные правила стихосложения. Основу музыки составляли «наука о ритмических кругах» и ладовая система. Учение о двенадцати ритмических кругах-макомах ал-Хусейни (XV в.) изображает графически — каждый маком в виде круга, разделенного

на части, соединенные хордами, обозначающими интервалы, слева направо.

В области архитектурного декора и декоративного искусства вообще бенаи, меъмары, серкары (строители, зодчие), наккаши (художники-орнаменталисты) создали единое учение об арабесках. Оно нашло свое отражение в трактатах ученых-математиков и альбомах чертежей (дафтерах), передававшихся мастерам наследственно, из поколения в поколение. Учение об арабесках (гирихах и ислими) покоилось на четко разработанной системе построения правильных геометрических фигур и производных от них комбинаций.

Дервиш-Али обосновал аналогии между поэтикой и музыкой тем, что «в музыке есть такие размеры (мизан), какие существуют и в поэзии», в ней господствуют комбинации основных размеров с добавлением производных от них форм. То же следует сказать и о принципах построения геометрических и растительных орнаментов, где царит строгая система целых частей и производных от них элементов.

Шесть почерков: сульс, насх, мухакках, рейхан, тауки, рика — покоятся на единой системе, которую Якут формулировал так: основы (усул) и связь (таркиб), параллельность (курси) и соотношение (насбат), подъемы (сууд) и ташмир, спуск (нузул) и ирсал; соблюдение этой системы составляло основу общей гармонии каллиграфии как искусства.

Некоторые общие закономерности распространялись и на формы стихосложения, систему ладов, гамм, звукорядов, декоративное искусство эпохи в целом.

Между музыкой, орнаментом и цветовой палитрой устанавливалась определенная связь, которая получала символическое значение. Так, макамы исполнялись на фоне сменявшихся по ходу исполнения занавесей: «Ирак» (название макома) — белой, «Бузрук» — красной, «Ушак» и «Рост» — темно-желтой. По записям одного из исследователей классической музыки узбеков, «Рост» вообще соответствует красному цвету, «Ирак» — бирюзовому, «Бузрук» — золотистому, «Наво» — цвету сандала или серому, «Чоргох» — белому. Высказывались даже предположения, что в цветах мозаик и майолик на памятниках эпохи Тимура отражены определенные аккорды и хроматические сочетания (В. А. Успенский). Зашифровки музыкальных фраз цветом мозаик, конечно, не было. Однако строй художественных образов в архитектуре, поэзии, музыке и изобразительном искусстве эпохи был в общем единым.

Роль «систем» или канонов не следует все же преувеличивать. Ни одно из искусств не исчерпывалось системой. Так, макамы — это не только система ритмических кругов, но также определенные мелодии и определенный цикл музыкальных произведений. Система ритмических кругов дополнялась ладовой системой. Каноны были в ритмическом строе, но они не распространялись на весь строй образов. Существовали, конечно, излюбленные музыкальные образы и фразы, они следовали законам жанра и разнообразились в соответствии со вкусом и дарованием исполнителя.

В каллиграфии индивидуальная манера мастера ставилась так же высоко, как и оригинальность исполнения в живописи. Вызывало восхищение, что мастер Низами из Бухары, владевший «семью почерками», писал пальцем лучше, чем тростниковым пером. Само мастерство каллиграфа покоилось не на одном лишь знании «системы». Выдающиеся каллиграфы изучали начертательную геометрию, математику, космографию и эпистолярное искусство (искусство «украшительных выражений»), что и выработало у них подлинную культуру письма.

Восточная миниатюра выросла как плод национальной жизни. Это позволило ей выработать собственную поэтическую форму, которая охватывала собой весь мир, физический и нравственный.

Восточная миниатюра включает в себе не только ответ ислама, но и вечные ценности, к которым классическое искусство Запада от Джованни Беллини, Рембрандта и Делакруа, а затем до Гогена и Матисса обращалось не раз. Ислам дал миниатюре Среднего Востока право на жизнь и формировал ее, не будучи ее творцом. Таково своеобразие самого ислама как религии. Он отторгал изобразительность как соблазн для идолопоклонства и формировал мусульманское искусство как эстетическую систему всего мусульманского мира. Таково же своеобразие мусульманского искусства в его духовном единении с исламом, при относительности в формировании своей художественной концепции как явления мировой значимости.

В изобразительном искусстве стран мусульманского Востока нового и новейшего времени получил распространение «иттихад». Сущность его состоит в слиянии «божественного» с человеческим духом. Но если у одних это проявилось как созерцание Бога через «состояние» человеческой природы, то у других бытие трактовалось как небытие, под которым скрывается божественное начало, как внутреннее состояние сущего. Отсюда и в искусстве стран ислама многостильность и приближение то к знаковой природе изобразительности, то к мистицизму как истине, скрытой от глаз непосвященных.

Социальные учения, охватившие в новое и новейшее время весь мир, не могли не захватить и страны ислама. Согласно идее «третьего пути», исламская социальная система, провозглашенная М. Каддафи, должна растворить в себе капитализм и социализм на основе отнюдь не выбора между ними, а путем клерикального подхода к культуре стран ислама.

Сейчас авангардные направления в искусстве охватили и мусульманский мир с его противоборством политических систем. В искусстве происходят процессы своеобразной «перестройки», когда «модернизм» приобретает национальную окраску и в широком потоке художественных идей заметную роль играет ислам. Это уже не стилизация под миниатюру, а оживление тех средств, которыми богато художественное наследие стран ислама на всем пути своего культурно-исторического развития. Это — пространственные формы, ритм, цвет, символ, знаковая система, короче — формализация всех средств, созданных на мусульманском Востоке, их новое художественное осмысление на основе стилевого и образного единства.

Раскрепощение национальных, самобытных, суверенных форм становится залогом возрождения искусства стран Среднего Востока, для которых ислам был веками важнейшим источником нравственного воспитания и эстетического переживания.

И. АБДУЛЛАЕВ

БАБАРАХИМ МАШРАБ

(К 350-летию со дня рождения)

Исполнилось 350 лет со времени рождения одного из самых замечательных узбекских поэтов-классиков Бабарахима Машраба (1640—1711), чье имя занимает видное место в ряду таких известных представителей узбекской литературы, как Навои и Лютфи, Бабур и Турди, Махмур и Агахи, Надира и Мукими, Фуркат и др. Выдающийся мастер художественного слова, создавший свой оригиналь-

ный поэтический стиль, Машраб по праву снискал себе славу поистине народного поэта, весьма популярного как в Средней Азии, так и в Афганистане, где бытуют бесчисленные предания о его жизни, полной скитаний и приключений.

Своим творчеством Машраб оказал значительное влияние на развитие и совершенствование узбекской литературы конца XVII—XVIII в. Велики его заслуги в укреплении интернациональных мотивов в поэзии, усилении ее мятежного духа, расширении ее тематики, углублении ее народности, совершенствовании различных лирических жанров, повышении художественного, эстетического уровня. Многие его произведения переложены на музыку.

Биография Машраба крайне запутанна и неопределенна; полна различных парадоксов и с веками обросла массой легенд и домыслов. В исторических источниках XVII в. подробные достоверные сведения о нем отсутствуют.

Единственным в своем роде источником, откуда ученые извлекли некоторый материал о жизни Машраба,— это повесть, именуемая «Деванаи Машраб», «Шах Машраб» или «Қиссаи Машраб»¹. Хотя некоторые (М. Закиров) считают, что повесть написана Пирматом Сета-ру², это мнение научно не обосновано.

«Қиссаи Машраб» широко известна в широких слоях народа. Повесть переходила из поколения в поколение, ее с большим интересом читали и дома, и в мечетях, чайханах, на базарах и в других общественных местах. Однако много в повести носит явно надуманный характер. Среди приписываемых поэту похощений, злоключений и острот есть такие, которые к Машрабу не имели никакого отношения. Некоторые из них добавлены позднейшими переписчиками.

Из источников, в которых встречаются отдельные краткие сведения о Машрабе, можно указать «Музаққир ал-ахбаб», написанный самаркандским ученым Мухаммад Баде Мелихо в 1688—1691 гг.; «Маджмуаи Фахмий», написанный Абдулмутталибом Ходжи Фахми в 1763 г.; «Мунтахаб ат-таварих», написанный в 1842 г. кокандским историком Саид Хақимхан Турой; «Ансоб ас-салатин», написанный катибом Худаяр-хана Мирза Алимом; «Тазкират ал-авлия», написанный поэтом Маджзубом Намангани, и сборник «Мусаввадаи Абдушукур» известного ученого казия Бухары Шарифджана Махдума Садри Зия (ум. в 1932 г.).

Из данных этих источников видно, что Бабарахим Машраб родился в 1050 г. х. (1640 г. н. э.) в Намангане в семье бедного ремесленника-ткача Валибаба.

Когда Машраб окончил курс обучения в начальной школе, отец отвел его к авторитетному ишану — наманганскому главе ферганских суфиев Дамулле Базар Ахунду (ум. в 1668 г.). Он воспитал Машраба в духе суфийской отреченности от мирской жизни, обучил его арабской письменности. Машраб глубоко изучил Коран, хадисы и многие другие религиозные книги ислама, а также произведения многих поэтов-мистиков мусульманского Востока. Он прекрасно знал узбекскую, арабскую и персидскую литературу, свободно излагал наизусть стихотворения известного персидского поэта Ходжа Хафиза (1325—1389).

В 15-летнем возрасте Машраб закончил свое обучение у Базар

¹ Все рукописи «Қиссаи Машраб» переписаны в XIX в. Из них самым ранним является список, хранящийся в фонде Института востоковедения АН РУз под № 3692/II. Переписан в 1824 г., переписчик Эргаш деванан Кеши. В Институте хранится 38 списков «Қиссаи Машраб». Повесть несколько раз издавалась литографским способом. Однако в научном отношении она еще не изучена, не издан ее критический текст.

² Исҳоқ Богистоний. Тазкираи қаландарон//Шарқ Юлдузи. 1990. № 8. С. 152—154.

Ахунда, который отправил поэта для окончательного завершения образования к самому влиятельному ишану Кашгара Афак Ходже (ум. в 1693 г.). Вначале Машраб понравился Афак Ходже и в течение семи лет постигал у него основы суфизма, мистические идеи, а одновременно выполнял разные работы, обычно налагаемые ишанами на своих муридов (последователей, учеников), — три года носил дрова, три года таскал бурдюком воду, год пребывал у порога ишана. В течение этих лет одежда Машраба состояла из шубы, которую в теплое время года он носил мехом вверх, а зимой — мехом внутрь.

В гареме Афак Ходжи было немало купленных и подаренных наложниц. Машраб влюбился в одну из них. Это стало известно ишану, который, жестоко наказав поэта, изгнал его из своего дома.

С этого времени начинаются скитания Машраба, продолжавшиеся до конца его дней. Сначала поэт направляется в Яркенд, затем в Хотан, Кульджу (по словам Фитрата — в Или)³. Оттуда Машраб вновь прибыл в Кашгар, к ишану Афак Ходже, который простил его. В это время в Ташкенте заболел друг Афак Ходжи, известный шейх Нуриддин. С поручением Афак Ходжи Машраб был отправлен в Ташкент. Затем он возвратился в Кашгар. Позднее он получил разрешение наставника посетить Наманган. Здесь он повидался со своей матерью и сестрой, которых не видал 18 лет (значит, в это время ему было около 33 лет). Неожиданно умирает мать. Машраб похоронил ее и оплакал в своих стихах. Из Намангана Машраб в сопровождении своего ученика Сармаста двинулся в Бухару. По пути он побывал в Ходженте, Ташкенте, Туркестане, а затем через Ходжент и Ташкент прибыл в Бухару.

Впрочем, в повести «Киссаи Машраб» сказано, что вместо Бухары Машраб отправился в Мекку⁴. Но по пути он меняет свое решение и отправляется в Индию, к ишану Ходже Падшамходже, у которого прослужил три года, подавая ишану воду для омывания. Затем он приехал в Бухару⁵. Там возмущенные вызывающим поведением Машраба муллы хотели его убить. Он был спасен бухарским законоведом Мавлави Шарифом, мударрисом мадрасы Кукалдаш, у которого Машраб слушал лекции. Здесь он встретился с бухарским правителем Аштарханидом Убайдаллаханом (1702—1711), который с большим почетом и уважением отнесся к поэту и подарил ему коня.

Из Бухары поэт направился в сторону Балха. По пути он побывал в горной части аштарханидского ханства Кабадиан, где встретился с другим известным поэтом-мистиком Суфи Аллаярмом, сочинения которого широко известны в Средней Азии.

Когда Машраб прибыл в Балх, правитель последнего Махмуд бий встретил его с почетом. Однако и здесь поведение Машраба вызвало ярость духовенства, и по его требованию Махмуд отдал приказ повесить поэта. Потом правитель одумался и хотел приостановить казнь, но было уже поздно. Это произошло в 1123 г. х. (1711). Машраб был похоронен в местечке Ишканмиш, близ Балха. Население Балха горько оплакивало смерть Машраба. В «Мажмуаи Абдулмутталиб Фахми» говорится, что Машраб казнен в г. Кундузе⁶. После смерти Машраба его противники уничтожили подлинные списки

³ Фитрат. Машраб//Илмий фикр. 1930. № 1. 40—57-б. Переиздано в газете «Еш ленинчи» (1991. 29 июня, 2 и 3 июля).

⁴ Фитрат, ссылаясь на иную рукопись повести, пишет, что поэт отправился в Мекку из Ходжента (см.: Еш ленинчи. 1991. 29 июня).

⁵ В «Киссаи Машраб» и в работах всех ученых о Машрабе написано, что он не совершил хадж и вернулся в Бухару. Нами, однако, обнаружена газель Машраба, в которой поэт говорит, что он совершил хадж, был в Медине и Мекке, пил воду из источника Замзам (Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 9968, л. 1256).

⁶ Мажмуаи Ходжа Абдулмутталиб Фахми. Ркп. ИВ АН РУз, инв. № 2331, л. 38.

стихов поэта. Однако народ знал и любил Машраба, его стихи тайком читали, переписывали и распространяли.

Бабарахим Машраб творил свои произведения на двух языках (узбекском и фарси) и был очень плодотворным поэтом. Он писал свои стихи во всех формах поэзии: газель (лирические стихотворения), мухаммас (стихотворная строфа, состоящая из пяти полустихий), мустазад (стихотворение, каждый последующий стих которого увеличивается на несколько слов), мурабба' (четверостишие), мусаддас (название стихотворной строфы, состоящей из шести полустихий).

Машраб при своей жизни не смог составить диван (сборник) своих стихотворений, и никто из его последователей или учеников не сделал этого. Его стихи имеются в упомянутом выше «Киссаи Машраб» и в различных сборниках, баязах, тазкирах, которые составлены после смерти поэта, в основном в XVIII—XIX вв. В помещенных в них стихотворениях поэта имеются разночтения, порою существенные, а местами допущены всякого рода искажения и путаница. Некоторые стихотворения других авторов ошибочно приписываются Машрабу.

Научное изучение жизни и творчества Машраба впервые было начато с конца XIX в. русскими востоковедами, жившими в Туркестанском крае⁷. «Киссаи Машраб» был переведен на русский язык Н. С. Лыкошиным⁸. Машрабу были посвящены статьи В. Л. Вяткина⁹ и А. Карцева¹⁰.

Эти работы в целом имели большое научное значение, они впервые ознакомили русских читателей с биографией и творчеством Бабарахима Машраба. Проявляется интерес к изучению его жизни и произведений и среди местных филологов-востоковедов¹¹.

В послевоенные годы в различных научных сборниках, хрестоматиях, газетах появилось несколько публикаций о Бабарахиме Машрабе. Сюда относится, в частности, ряд монографий и статей А. Хайитметова, П. Шамсиева, А. Абдугафурова, М. Закирова, Гафура Гуляма, В. Абдуллаева, Г. Саламова, З. Ризаева, Ш. Зуннунова и др. Были изданы «Диваны» (Сборники стихов) Машраба А. Хайитметовым и П. Шамсиевым (1958), А. Абдугафуровым (1963, 1979, 1980), В. Рахмановым и К. Исраиловым (1980), Ж. Юсуповым (1990). Последний представляет собой более полный диван Машраба.

Ко всем указанным диванам составителями написаны предисловия. Повесть «Киссаи Машраб» впервые на современном алфавите напечатана в журнале «Шарк юлдузи» (1991. № 6). Здесь в основном дана прозаическая часть повести, а из стихов поэта приведены лишь первые, а иногда и вторые байты.

Перу Машраба принадлежит еще два стихотворных сочинения — «Мабдаи нур» («Изначальный свет») и «Кимья» («Философский камень»). «Мабдаи нур» — популярное среди населения сочинение мистико-нравственного содержания. Оно написано в подражание широко

⁷ Веселовский Н. И. Восточные заметки. СПб., 1895.

⁸ Диван-и Машраб: Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае/С тюркского перевел и снабдил примечаниями Н. С. Лыкошин. Ходжент: Издание Самаркандского областного статистического комитета, 1910.

⁹ Вяткин В. Л. Ферганский мистик Диван-и Машраб//Ал-Искандария: Сб. Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923.

¹⁰ Карцев А. Жизнь и газели Машраба//Литературный Узбекистан. Книга вторая. Ташкент, 1937.

¹¹ Айний С. Намунаи адабети тожик. Самарканд, 1924 (на араб. шрифте) и упомянутая выше статья проф. А. Фитрата.

известным «Маснави» Джалаледдина Руми (1207—1273). «Маснави» Руми состоят из шести дафтаров (тетрадей, т. е. глав), а «Мабдаи нур» — из трех дафтаров. Только в двух дафтарях Машраб приводит в разных местах около 35 байтов из «Маснави», а затем — свои рассказы под названием «Хикоят». Через два-три рассказа помещаются газели Машраба, которых нет в «Киссаи Машраб». Приведенные в «Мабдаи нур» рассказы в целом имеют большое нравственно-воспитательное значение. Третий дафтар «Мабдаи нур» полностью посвящен хадисам пророка Мухаммада. В Институте востоковедения АН Узбекистана хранится 28 рукописей «Мабдаи нур», переписанных в XIX в.; самая ранняя из них выполнена в 1823 г. «Мабдаи нур» издана литографическим способом в 1912 г. в Бухаре вместе с «Кимья».

«Кимья» имеет значение самых ценных и полезных нравоучений, наставлений и советов. Сочинение это состоит из 25 кимья (т. е. глав). Между главами даны поучительные рассказы об известных людях, подобно тем, что содержатся в «Мабдаи нур». Всего здесь 36 рассказов.

«Мабдаи нур» и «Кимья» имеют очень большое научное, философское, а также нравственно-воспитательное значение. Они с любовью читались народом, переходили из рук в руки и пользовались большой популярностью. При советской власти оба произведения из-за их религиозно-мистического содержания не были изучены и изданы на современной узбекской графике.

В трудах советских ученых творчество Машраба разбиралось с классовой точки зрения, с позиций социалистического реализма.

В своей упомянутой выше статье А. Карцев пишет: «Литературное наследие Машраба не может быть нами принято целиком. Оно должно быть подвергнуто самому смелому критическому разбору, при котором, возможно, значительная доля произведений Машраба будет отброшена как представляющая собой религиозно-мистическую литературу (тогда что останется от творческого наследия поэта? — И. А.). С идеологией этих произведений Машраба мы должны вести самую решительную борьбу, как и со всякого рода церковным мракобесием, являющимся орудием борьбы эксплуататорских классов против революционных трудящихся масс»¹². Далее А. Карцев критикует Фитрата за его, упомянутую выше статью, в которой якобы автор, разбирая произведения суфия-мистика Машраба, выдавал его за одного из зачинателей пролетарской литературы в Узбекистане. При этом Фитрата он называет буржуазным националистом¹³. А. Карцев упоминает статью Алимухамедова, изданную в журнале «Книга и революция» (1932. № 3), в которой автор заявил, что Машраб боролся против суфизма, суверия и мракобесия¹⁴. Такое же неправильное отношение к творчеству Машраба мы наблюдаем почти во всех работах узбекских ученых, написанных после 30-х годов. Правильная оценка творчества Машраба дана в статье В. Л. Вяткина.

В действительности Машраб был глубоко верующим суфием-мистиком, с позиций суфизма он выступал страстным поборником правды, воспевал честность, правдивость, милосердие, щедрость, дружбу между народами, обличал пороки современного ему общества, любые проявления бессовестности, клевитости, стяжательства, жадности, лживости, воровства, тунеядства, бесчинств, беззаконий, разврата и их носителей — представителей власти имущих и невежественного сословия ученых. Поэт любил свой народ, сочувствовал ему, желал ему всяческого благополучия, счастья, спокойной, мирной жизни.

¹² Литературный Узбекистан. Книга вторая. С. 170.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Странствуя по городам и селам разных стран, Машраб везде видел тяжелую, мучительную жизнь простого трудового народа:

«Я видел тех, чей дух и тело зажаты гнетом, как в тиски,
Я видел скорбных тех, чье сердце разбито болью на куски,
Я видел тех, что днем и ночью в плену безвыходной тоски,
Любовью покоренных видел — они душою мне близки,—
В глазах у них царит смеяенье, в сердцах у них царит
раздор»¹⁵.

В любом краю поэту встречались «те, что вольны, и те, что в рабстве»¹⁶, бездомные, нищие, несчастные бедняки и их угнетатели, жестокие палачи, правители, проливающие кровь своих и чужих народов. В любой стране, говорил поэт, простые люди живут «среди мира зла и лжи»¹⁷, «в жестоком океане жизни»¹⁸, где нет места ни покою души, ни любви:

«Если всюду бродит войско льющих кровь, то где же покой?!
Не нужны царю меджнуны, не нужны певцы любви»¹⁹.

И вообще, «дворец далек»²⁰ от народа, а местные правители всюду творят произвол и насилия.

«...Вельможи-псы грызут меня.
Неужто нам терпеть их вечно — собак
без чести и стыда?»²¹

И сам поэт испытывал на себе все лишения и невзгоды, всю тяжесть этого «мира зла». Он пишет:

«Сколько лет я был без крова, был под снегом и дождем...»²²

По словам Машраба, если «дух и тело зажаты гнетом»²³, то «вся жизнь — растоптанный цветник»²⁴. «Где же правда?»²⁵ — восклицает он и делает общий вывод:

«...Лучше мрак сырой могилы, чем этой жизни вечный ад!»²⁶

Все это вызывает у поэта чувства протеста, стремление к поиску истины, правды жизни. Он говорит, что служил «истине всю жизнь»²⁷, страстно искал «борца, чья жизнь для всех пример»²⁸.

Поэта не прельщают ни богатства, ни власть, ни близость к трону. Он говорит: «Богатство, власть... Зачем они?»²⁹; «я не завидовал

¹⁵ М а ш р а б. Избранное. Ташкент, 1959. С. 77—78.

¹⁶ Там же. С. 57.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Там же. С. 78.

²¹ Там же. С. 34.

²² Там же. С. 27.

²³ Там же. С. 77.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ Там же. С. 81.

²⁶ Там же. С. 71.

²⁷ Там же. С. 62. Ср. также: «Скитаюсь я в краю печали, жемчужин истины ловец» (с. 33).

²⁸ Там же. С. 52.

²⁹ Там же. С. 47.

царям»³⁰. Он считает, что сердце надо очищать добром, ибо «пятен в сердце ни водою, ни постом свести нельзя»³¹.

Всем прочим благам жизни поэт предпочитает любовь. Она для него — и храм, и весь мир:

«В жестоком океане жизни одна жемчужина — любовь»³².

И еще:

«Все дары и блага мира без любимой не нужны»³³.

Тема любви занимает большое место в творчестве Машраба. Он с глубоким чувством обращается к своей возлюбленной, восхищается ее красотой. Здесь надо отметить, что суфийские поэты символизируют душевное переживание и отвлеченную идею веры в Аллаха конкретным образом в форме любви к женщине. Машраба-суфия реальная красота вдохновляет на восторженную любовь к красоте небесной. Если его увлекает женская красота и он воспевает ее, то лишь потому, что через нее легче возжигается любовь к божественной красоте. Вот как пишет поэт в период его любовного увлечения калмыцкой красавицей:

«Я готов отдать за этот взгляд, за ее любовь
и душу и дом,

Если виночерпий подаст мне в руки

стакан вина,

За ее кокетство я готов отдать и бутылку и стакан.

За рубиновые губки я выпросил одну каплю вина,

За похожие на жемчуг зубки можно отдать редкие

жемчужины»³⁴.

Для Машраба достаточно единственного Аллаха и опьянения именем его, т. е. майи вахдат (единство с Аллахом). Он отрицает даже поклонение святой Мекке:

«Ерсиз хам бодасиз Маккага бормоқ не керак,
Иброҳимдан қолган ул эски дўконни на қилай?...

Бир худодин ўзгаси барча ғалатдур, Машрабо,

Гул агар бўлса қўлимда, ул тиканни на қилай?»

(Без вина и без любимой для чего пойду в Мекку?

Для чего нужна мне ветхая лавка, оставшаяся от Ибрахима...

Для Машраба все, кроме Бога, — заблуждение,

Когда на руках у меня цветы, для чего нужна колючка»³⁵.

Придерживаясь суфийского учения, Машраб в едких сатирах издается над духовенством, сводит на нет роль ишанов, шейхов и мулл:

«К муллам не обращай в сомненье. Какого ни возьми муллу —
Любой из них разврата, чванства и скудоумья образец.

Что мне их путаные знания! Их путь — дорога сатаны

Они слюною истекают, подарки пряча в свой ларец»³⁶.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 14.

³² Там же. С. 25.

³³ Там же. С. 30.

³⁴ Перевод из статьи А. Карцева.

³⁵ Перевод В. Липко.

³⁶ М а ш р а б. Избранное. С. 33.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЗОНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

(На примере Каракалпакии)

Характерной особенностью качественно нового этапа развития нашего общества является социальная ориентация экономики, активизация человеческого фактора. Подсчеты специалистов показали, что дальнейший рост производительности труда зависит от совершенствования техники на 40%, а от активизации человеческого фактора — на 60%¹. «Понятие «человеческий фактор производства» включает в себя совокупность социальных, психологических и физических свойств работника, проявляющихся в трудовой деятельности. Как совокупность форм сознательной творческой деятельности масс человеческий фактор является отправным пунктом и стержнем понятия «трудовой потенциал». В то же время трудовой потенциал выступает обобщающим показателем уровня развития и возможностей активности человеческого фактора, конкретной формой его материализации, дает ключ к конкретизации путей активизации.

Понятие «трудовой потенциал» в нашей экономической литературе появилось недавно, но уже получило широкое распространение². При этом существует неоднозначный подход к его трактовке, поскольку отсутствует сколько-нибудь единообразная и общепринятая интерпретация этого термина. Каждое высказываемое суждение о понятии «трудовой потенциал» заслуживает внимания. При многообразии его толкования мы солидарны с мнением Р. А. Убайдуллаевой о том, что рабочую силу индивида по своему происхождению (свойство организма, живой социальной личности) и по состоянию до исполнения в труде можно рассматривать как трудовой потенциал (ресурс) личности — источник рабочей силы. Превратиться в рабочую силу, быть использованным как рабочая сила — это назначение, объективная цель «трудового потенциала» личности.

Мы считаем, что трудовой потенциал является интегральной характеристикой совокупности количества, качества и меры рабочего времени трудоспособного населения по участию в общественно полезной деятельности, определяемых уровнем развития данного региона и его этническими, демографическими особенностями, при существующей социально-политической надстройке, и потенциально подготовивших это население пригодным для включения в общественное производство с его действующей структурой.

В Республике Каракалпакстан отмечается стабильно высокий естественный прирост населения — 2,95% в год. Это способствует значительному росту трудовых ресурсов, составившему за последние 12 лет 47%. К началу 1991 г. численность трудовых ресурсов достигла 583 тыс. человек, а к 2010 г. ожидается увеличение ее почти в два раза — до 1126 тыс. человек. Число лиц трудоспособного возраста могло бы возрасти еще больше, если бы не воздействие оттока населения, тенденции отрицательного saldo миграционного процесса в связи с высыханием Аральского моря.

Воздействие экономических факторов на эффективность использования трудового потенциала осуществляется не прямо, а через показатели здоровья населения, в свою очередь, прямо влияющие на индивидуальную производительность труда. Применительно к региону Приаралья этот вопрос требует первостепенного внимания. Проведенной в республике диспансеризацией выявлены отклонения в состоянии

¹ Экономические науки. 1991. № 8. С. 117.

² См.: Панкратов А. С. Трудовой потенциал в системе управления производством. М., 1983. С. 29—30; Сергеева Г. П., Чижова Л. С. Развитие социализма: труд и НТР. М., 1984. С. 116; Сбаржинский М. И. и др. Трудовой потенциал социалистического общества. М., 1987. С. 15; Бляхман Л. С., Сидоров В. А. Качество работы: роль человеческого фактора. М., 1990. С. 7; Карпухин Д., Маслова И. Формирование и использование трудового потенциала// Вопросы экономики. 1988. № 6. С. 94; Кузьмин С. А. Эффективная занятость населения. М., 1990. С. 23; Убайдуллаева Р. А. Теория и практика преодоления противоречий в использовании трудового потенциала// Социально-демографическое развитие трудообеспеченных районов СССР. М., 1989. С. 14; и др.

здоровья у 66% взрослого населения и 61% детей от числа осмотренных. Население Каракалпакии страдает в 100 раз чаще малокровием, в 8 раз — заболеванием почек, в 3 раза — заболеваниями желудочно-кишечного тракта по сравнению с населением регионов Нечерноземья и Украины.

По данным некоторых экономистов, ежегодный ущерб, причиняемый народному хозяйству от воздействия негативных последствий ухудшения экологической обстановки по Южному Приаралью на здоровье населения, составляет 1,5—2,0 млрд. руб.

В условиях глубокого, затяжного кризиса, охватившего всю экономику страны, положение в сфере труда вызывает особую тревогу. Низкая его производительность, неудовлетворительные качество и отдача индивидуального труда, неполная реализация личного трудового потенциала в общественном хозяйстве, девальвация престижа труда в общественной сфере в своей совокупности являются следствием кризиса труда. Если выход из общественного кризиса видится во введении рыночных отношений, то требуется прежде всего эффективное использование имеющегося трудового потенциала, рациональное распределение и перераспределение трудовых ресурсов между отдельными отраслями народного хозяйства и регионами.

Трудовые ресурсы даже по зонам территории Каракалпакии размещены неравномерно, что приводит к избытку или нерациональному использованию их в одних районах и нехватке рабочей силы в других, снижает эффективность общественного производства по республике в целом. Так, при избытке трудовых ресурсов в южных районах (Турткульский, Берунийский, Элликкалинский, Амударьинский), в северных районах (Кунградский, Нукусский, Кегейлийский, Чимбайский, Караузакский, Тахтакуперский), ощущается недостаток рабочих рук.

накопившиеся противоречия в сфере труда требуют решения ряда принципиально новых проблем в сфере занятости в связи с преобразованием собственности, разгосударствлением экономики, в целях серьезной перестройки сложившихся механизмов формирования и эффективного использования трудового потенциала, приделания их в соответствие с условиями рыночной экономики. Положение еще более усугубляется тем, что Республика Каракалпакстан, несмотря на значительные потенциальные ресурсы не только труда, но и сырьевые, земельные ресурсы, отстает по уровню экономического развития от среднереспубликанских показателей.

Углубление общественного кризиса вскрыло суть мнимой полной занятости в нашей огосударствленной экономике, где в принципе считалось, что безработицы не существует. Однако она постоянно имела как скрытая безработица (по-другому: сверхзанятость, избыточная занятость), и объем ее колебался по регионам в зависимости от уровня развития экономики, имеющих отраслей производства. По некоторым расчетам, из наших предприятий излишни от 20 до 35% работников³. Нерациональное использование трудового потенциала в сельском хозяйстве Узбекистана привело к сверхпотребному числу работников в пределах 10—20%. Неэффективное использование рабочей силы приводило к тому, что наряду со скрытой безработицей всегда существовала нехватка работников. Так, при наличии свободных трудовых ресурсов в народном хозяйстве Каракалпакии к началу 1991 г. было неукомплектовано более 1,5 тыс. рабочих мест, в том числе в промышленности — 418, в строительстве⁴ — 605.

Хотя условия рынка, действие закона стоимости неизбежно готовят почву для высвобождения рабочей силы, не следует сознательно усложнять социально-экономические проблемы по содержанию создаваемой армии незанятых в общественном производстве. Это противоречит ориентации на восстановление роли человека как подлинного хозяина на рабочем месте, в коллективе и обществе.

Обеспечение эффективной занятости имеющихся резервов рабочей силы всегда требует создания новых рабочих мест. Однако их создание должно быть привязано к уровню развития экономики, ее специализации, к условиям и особенностям жизни населения данного региона. В Каракалпакии необходимо развитие высокими темпами несельскохозяйственной сферы. Так, при большой занятости в сфере сельского хозяйства в республике недостаточно развиты сеть предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. Это прямое следствие той роли, которая отводилась Каракалпакии в разделении труда в бывшем Союзе как республике «сырьевозащитной» и «товаровозащитной». До 90% выработанного хлопка-волокна и риса-зерна отправляется в другие регионы, а также зарубежные страны. Также полностью вывозится за пределы республики животноводческое сырье — шерсть, каракулевые смушки, кожевенное сырье и шелк-сырец для последующей переработки и выпуска готовых изделий.

Вместе с тем низкая мобильность населения вызывает необходимость создания малых перерабатывающих предприятий и гибких форм занятости. До последнего времени рост занятости населения шел преимущественно за счет сельского хозяйства. Создание новых рабочих мест может быть осуществлено лишь с развитием разных форм собственности, разгосударствлением и приватизацией, а также расширением сети совместных предприятий. Однако при темпе роста численности

³ Экономика и жизнь. 1991. № 8. С. 9.

⁴ Общественные науки в Узбекистане. 1991. № 6. С. 4.

трудоспособного населения, опережающем рост рабочих мест, обеспечить полную занятость невозможно. Для привлечения свободных рабочих рук к общественно полезному труду необходимо ввести в практику более гибкие формы организации труда, как работа на дому, неполный рабочий день, различные кооперативы, семейный подряд, индивидуальная трудовая деятельность. По данным единовременного учета на 1 марта 1990 г., 95,2% незанятого населения в Каракалпакии изъявили желание работать при определенных условиях. Следует отметить, что 80,7% незанятого населения составляют женщины и 20,2% из них изъявили желание работать при условии устройства детей в дошкольные учреждения, что свидетельствует о низком уровне социальной обеспеченности труда женщин. 4,2% незанятых хотели бы работать с режимом неполного рабочего дня, 3,1% — на дому, 11,9% — при наличии работы по специальности, 5,8% — при предварительном обучении и переподготовке, 36,5% — близ места жительства, а 22,0% — на любых условиях. Все это свидетельствует о том, что при улучшении обеспеченности труда социальными услугами и льготном режиме труда основная масса неработающего трудоспособного населения республики готова работать в народном хозяйстве. Трудоспособное население Каракалпакии заинтересовано путем любой формы занятости повысить свой семейный доход, уровень жизни, в этом его стимулирует материальная мотивация. Для дальнейшего эффективного использования трудового потенциала в Каракалпакии необходимы:

— совершенствование занятости по сферам приложения труда — в общественном и домашнем, личном, подсобном хозяйстве;

— совершенствование структуры народного хозяйства, развитие трудоемких отраслей промышленности (машиностроение, электроника, текстильная и пищевая отрасли) и сельского хозяйства (овощеводство, бахчеводство, садоводство, виноградарство);

— развитие занятости в многообразных формах собственности (малые и совместные предприятия, кооперативы, индивидуальный труд, частные предприятия) и гибких режимов работы (на дому, неполная занятость и т. д.);

— с целью социальной защиты населения Приаралья, особенно в условиях перехода к рынку, отнестись в законодательном порядке район Южного Приаралья к зоне экологического бедствия и распространить на его население все меры социальной защиты, включая доведение районного коэффициента до уровня, имеющегося у жителей Крайнего Севера и других экстремальных зон, с дополнительной выплатой компенсационных платежей, равноценных практикуемым в зоне чернобыльского загрязнения.

А. Б. Курбаниязов

ЎЗБЕКИСТОННИНГ ХОРИЖИЙ МАМЛАКАТЛАР БИЛАН ИЛМИЙ АЛОҚАЛАРИ (60-йиллар)

Чет эл олимлари, илмий муассасалар ҳамда олий ўқув юртлири жамоатчилигини билан мулоқот ва ўзаро ёрдам кўп жиҳатдан илм-фаннинг раванқига олиб келади. Собиқ Совет Иттифоқининг ташқи сиёсати ва маданий алоқалари ривожига Ўзбекистон илм аҳлининг ҳам ҳиссаси катта бўлган эди. Лекин шу нарсани алоҳида тавқидлаш керакки, 60-йилларда ҳам Ўзбекистон ўз Конституциясига ва ҳудудига эга бўлган мустақил иттифоқдош республика бўлишига қарамасдан чет мамлакатлар билан ўрнатиладиган ва олиб бориладиган турли алоқаларни, шу жумладан, илмий мулоқотларни ҳам марказ орқали амалга оширар эди.

Илмий алоқалар халқаро ҳамкорликнинг муҳим кўрнишларидан бири бўлиб, унинг вазифаси тинчлик, ўзаро ёрдам ва ижтимоий тараққиёт манфаатларига хизмат қилишдан иборатдир. 60-йиллардаги жиддий қийинчиликларга қарамай ўзбек олимлари Франция, Дания, Польша, Чехия, Ҳиндистон, Ҳеласловакия, Индонезия, Англия, АҚШ, Хитой, Руминия каби жаҳондаги 100 дан ортиқ мамлакатлар билан илмий алоқа боғладилар. Бу халқаро илмий алоқалар хорижий мамлакатлар билан тузилган икки томонлама шартномалар асосида ривожланиб борди. Чет мамлакатлар, билан олиб борилган илмий алоқаларнинг асосий шаклларидан бири — мутахассис ва олимларимизнинг халқаро симпозиум, форум, учрашув ва турли хил илмий анжуманларда қатнашиши ҳамда хорижий мамлакатларда узоқ ва қисқа муддатли командировкада, стажировкаларда бўлишидир. Шу мақсадда биргина 1960 йилнинг ўзига республикамиз олимларидан 200 кўпроқ киши хорижий мамлакатларга юборилди. Чунинчи, Ўзбекистон Фанлар академияси Ядро физикаси институти директори У. А. Орифов Данияда ўтказилган «Физик изланишларда радиоизотоплардан фойдаланишга» бағишланган халқаро анжуманда, Францияда бўлиб ўтган «Илмий изланишларда радиоактив изотопларни қўллашга бағишланган Бутунжаҳон конгрессида, атом энергиясини тинчлик йўлида қўллашга бағишланган II халқаро Франция конгрессида, Ўзбекистон Фанлар академияси академиги, гид-

¹ ЦА АН РУз. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 979, л. 72. Краткий отчет АН Узбекистана за 1960 г.

рогеология ва инженерлар геологияси институти директори Ф. О. Мавлонов Данияда ўтказилган халқаро гидрогеология ассоциацияси йиғилишида, Ўзбекистон Фанлар академияси мухбир аъзоси, академиянинг физика-техника институти директори С. А. Азимов юқори энергия заррачалари физикаси бўйича АҚШда ўтказилган халқаро конференцияда, профессор Е. Тўрақулов Дания ва Японияда эндокринология бўйича ўтказилган I ва III халқаро конгрессларда² қатнашди. Шунингдек, қатор академиклардан Ҳ. М. Абдуллаев, Т. З. Зоҳидов, Т. И. Қори-Низий, Т. А. Саримсолов, С. В. Стародубцев, Х. Ф. Фозилов, А. Ю. Юнусов, С. Ю. Юнусов, О. Акрамжўзевлар халқаро илмий анжуманларда ўзларининг маъруза ва илмий ахборотлари билан қатнашдилар.

Шу йилларга келиб Ўзбекистон олимларининг ижтимоий фанлар жабуҳасида ҳам илмий алоқалари кенгайиб борди. Республикамининг кўзга қуринган файласуф, тарихчи, иқтисодчи, шарқшунос, тилчи ва адабиётчи олимлари бир қанча мамлакатларда бўлиб халқаро анжуманларда ўз илмий ахборотлари билан қатнашдилар. Масалан, Ўзбекистон ФА вице-президенти И. М. Мўминов Покистонда ўтказилган ислом бўйича халқаро йиғинда, филология фанлари доктори Ҳ. С. Сулаймонов эса Польшада ўтказилган ижтимоий ҳуқуқ бўйича анжуманда, иқтисод фанлари доктори О. Б. Жамолов Италияда ўтказилган қам тариқий эгган мамлакатларга ёрдам беришга бағишланган халқаро конференцияда қатнашди. Шу йиллари ўзбек олимларидан академик С. Сирожиiddинов математик статистиканиннг халқаро ассоциацияси, механика соҳасидаги йирик мутахассис олим М. Урозбоев илмий ходимларнинг жаҳон федерацияси, фан соҳасида эришган ютуқлари учун С. Ю. Юнусов немис табиатшунослари академиясининг, Т. З. Зоҳидов эса Ҳиндистон зоология жамиятининг аъзоси қилиб сайландилар.

Шу билан бирга чет эллик кўпгина олимлар республикамизда уюштирилган халқаро симпозиум ва илмий йиғинларда қатнашиб, республикамиз илмий текшириш муассасаларининг фаолияти билан яқиндан танишганлар. 1961 йилда Тошкентда психик иқлимли мамлакатлардаги юқумли касалликларга қарши кураш муаммоларига бағишланган халқаро табиёт мутахассислари анжумани ўтказилди. Бу анжуманда 80 дан ортиқ мамлакат олимлари ва табиёт ходимлари иштирок этдилар.

Урта Осиёда вабо, қорачечак, тошма ва қайтарма, тиф, безгак, лейш — маниоз (тери касаллиги) трахома; дифтерия ва замбуруғ каби касалликларининг батамом тугатилганлиги уз вақтида кўплаб муҳожир табиёт ходимларини қизиқтирди. Ушбу анжуманда асосий маърузалардан уchtасини ўзбекистонлик олимлар ўқиди. Собиқ СССР табиёт Фанлари академиясининг мухбир аъзоси профессор Э. И. Отахонов «Амбали ва амбасиз колитлар ҳақида», профессор Л. М. Исаев «Ўзбекистонда аскардионозларни (ичак қуртларини) батамом йўқотиш йўллари ва усуллари», табиёт фанлари номзоди Қ. З. Зоиров «Ўзбекистонда қорачечак касаллигини тугатишининг тарихий бошқичлари» деган мавзуда маъруза қилдилар. Худди шу йили июль—август ойларида Тошкентда БМТ қарамогидида озиқ-овқат ва қишлоқ хўжалиги халқаро ташкилоти томонидан пахтачиллик бўйича халқаро семинар ташкил қилинди. Бирлашган Араб республикаси, Ироқ, Покистон, Афғонистондан келган мутахассис ва олимлар беш ой мобайнида ўзбек пахтакорларининг илгор иш тажрибасини ўргандилар. Ўзбек олимларининг маърузаларини тингладилар ва пахтачилликда ишлашга лозим машиналарни ўргандилар³. Халқаро форум ва семинар иштирокчиларининг акариятин билдирилган фикрларга кўра соғлиқни сақлаш, пахтачилик ҳамда қишлоқ хўжалиги соҳасида ўзаро тажриба алмашуви уларнинг ишида катта фойда келтириб тараққийёт, тинчлик манфаатлари йўлидаги халқаро алоқаларни ривожлантириш ишига муҳим ҳисса бўлиб қўлинади.

Шу йиллари Польша, Чехословакия, Хитой, Булгория, Мўғулистон, Вьетнам, Ҳиндистон, Франция, Гана, Гвинея, Бирлашган Араб республикалари ва АҚШдан келган 200 га яқин олим республикамизда меҳмон бўлди. Булар чехословакиялик геологлардан Гапик Оборжак, Божечкий, Навотний, америкалик гидротехник Шоллер ва бошқалардир. Шу йилларда Ҳиндистоннинг 13 олими Ўзбекистонга келиб кетди. Улар Ўзбекистон Фанлар академиясидаги илмий тадқиқот институтлари ишларининг умумий аҳволи, айрим институтлар лабораторияларининг фаолияти билан танишиб чиқдилар. Улар орасида Мухоров Штатнинг губернатори доктор Вадияр, Нерунинг фан ишлари бўйича ёрдамчиси доктор Тхакер, ядро физикаси соҳасидаги мутахассислардан доктор Бора-Айя ва Ноир каби таниқли олимлар бор эди. Бир неча ҳинд олимлари узоқ вақт Ўзбекистон Фанлар академияси илмий тадқиқот институтларида иш олиб бордилар. Биргаликда ўтказилган Совет-Ҳинд ботаника экспедициясида қатнашиб учун 6 нафар ҳинд ботаниги Ўзбекистонга келди, ўз навбатида ўзбек олимлари Ҳиндистонга борди. Чунони, Х. Асқаров Ҳиндистонда 1960 йилда ўтказилган тулроқ механикаси бўйича регионал конференцияда қатнашди.

1961 йили ТошДД қоншида чет эллик фуқаролар учун махсус тайёрлов куллиети очилди. Ироқлик 106 йигит-қиз шу куллиетнинг биринчи талабалари бўлиш-

² Уша жойда.

³ Шукурова Х. Совет Ўзбекистонининг халқаро алоқалари. Тошкент, 1964.

ди⁴. 1963 йил апрелда Ҳиндистондан келган 27 ёш мутахассис олийк тайёрлов курсини битирди. Улар орасида мунаққидлар, тарихчилар, тиббий ходимлар, агрономлар бор эди. Ҳиндистонлик мутахассисларнинг бир қисми тайёрлов куллиётини битириб чиққандан кейин ўқиниш давом эттириш учун Тошкентда қолди. Масалан, аспирант Каушим Двендра ўзбек тарихчилари раҳбарлигида дорилфунунида илмий иш қилиш учун қолди ёки Рой Умар Кумар дорилфунунида рус тили соҳасида ўз билимини такомиллаштирди. 1962 йилда ҳунар-техника таълими бўйича Давлат қўмитасининг ўқув юртлирида Кубанинг халқ хўжалиги учун 13 касбини эгаллаган 200 дан орტიқ малакали ишчи тайёрланди. 1962—63-ўқув йилида эса ҳунар-техника таълими ўқув юртлирида овозлик оролидан келган 250 га яқин ёшлар 12 хил касбни эгаллади⁵.

Шу йиллари республикаимиз олий ва ўрта махсус ўқув юртлирида таълим олаётган хорижий мамлакатлар талабаларининг сони йилдан-йилга ортиб борди. Масалан, 1963—64-ўқув йилида Тошкентнинг олий ўқув юртлири ва техникумларида 14 мамлакатдан келган 250 йигит-қиз таълим олган бўлса, 1967—68-ўқув йилига келиб Осиё ва Африканинг 27 мамлакатидан келган талабаларининг сони 340 кишига етди. Ҳаммаси бўлиб 1962—1971 йиллар мобайнида бу куллиётни турли мамлакатлардан келган 1307 нафар йигит-қизлар битириб чиқди.

Ўз навбатида Ўзбекистон олий ўқув юртлири ҳам кўплаб талаба, илмий ходим ва ўқитувчилари Осиё ва Африка мамлакатларига ўқини, амалий машғулотлар ўтказиш учун юбордилар. Масалан, 1961—63-йилларда Ҳиндистон, Эрон ва Афронистон дорилфунунларида 50 дан орტიқ ўзбекистонлик йигит-қизлар таълим олди. ТошДД шарқ куллиёти талабаларидан А. Талабов ҳамда Б. Е. Кумеков 1961 йил декабрдан 1962 йил декабргача ўқиниш учун Ироқнинг Боғдод университетига, шу куллиётнинг талабалари М. Ф. Юнусов, К. М. Ҳафизовалар Хитой Халқ Республикасига ўқиниш учун, ўқитувчи Р. М. Аслонов бўлса 8 ой мuddат билан стажировка ўташга жўнатилди⁶. 1969 йилга келиб республикаимиз олий ўқув юртлирининг доцент ва профессорларидан 42 киши илмий командировка билан чет мамлакатларга юборилди. Шулардан Тошкент Чет тиллар педагогика институтининг ўқитувчилари А. Абдулазизов, Б. А. Хонхўжаев, М. Абдураззоқов, СамДУ немис тили ўқитувчиси Р. Маматов ва бошқалар ўзларининг тил билимини назарий ва амалий жиҳатдан такомиллаштириш мақсадида АҚШ, Англия, Франция ва бошқа мамлакатларга узок мuddатли илмий командировкаларга бордилар.

ТошДД доцентлари Ю. Қўшмуродов, У. Мусаев, У. Қориев, Тошкент Тўқимачилик ва енгил саноат институтининг доценти Р. Г. Махкамов илмий иш қилиш мақсадида ГДР, Венгрия, Миср Араб Республикаси ва АҚШга юборилди. Тошкент рус тили ва адабиёти институтининг кафедра мудири, проф. А. Рустамов ўзбек тилшунослик бўйича маъруза қилиш учун Қоҳира университетига, ТошДД профессори С. Миркомолов эса Катманду (Непал) университетига таълиф қилинди. ТошДД шарқ куллиётининг ўқитувчиларидан Р. Т. Аулова, Р. Муҳаммаджонов ва бошқалар Ҳиндистоннинг Деҳли дорилфунунида илмий стажировкани ўтадилар.

Ўзбекистон ижтимоий фанлар бўйича халқро илмий алоқаларининг ривожланишида йирик шарқшунослик марказларидан бири бўлган Ўзбекистон Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номли Шарқшунослик институти катта роль ўйнади. Шу йилларда институтнинг чет эл шарқшунослик илмий текшириш марказлари билан алоқалари кенгайиб борди. Республикаимиз шарқшунослигининг Шарқ халқлари ўтмиш маданияти, ҳозирги замон яқин ва ўрта шарқ халқлари тарихи маданияти ҳамда иқтисодий тараққиётни ўрганиш борасида эришган ютуқлари чет эл олимлари томонидан юқори баҳоланди.

Таниқли чех олими, шарқшунос, эрон-тожик адабиёти бўйича йирик мутахассис доктор Иржи Бечка илмий муассасаларда, Тошкент ва Самарқанд олий ўқув юртлирида, ўзининг қизиқарли маърузалари билан иштирок этди. Унинг Тошкент дорилфунунида, Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институтида учрашувлар ўтказиши натижасида ўзбек шарқшунослари билан чех шарқшунослари илмий алоқалари янада ҳам мустаҳкамланди. Масаланинг муҳим томони шундаки, келажакда шарқ муаммолари бўйича ўзбек-чех олимлари ҳамкорлигида ишлашга келишиб олинди. Словакия Фанлар академияси директори Антона Точка эса ўзбек археологлари билан алоқа боғлаб, Тошкент атрофидаги ибтидоий одамлар яшаб ўтган жойларда бўлди. Зарафшон водийсидаги палеолит даврига мансуб бир қанча қадимги овчилик билан шуғулланган одамлар манзилгоҳлари билан яқиндан танишди. Чех олими Ўзбекистон археолог олимлари томонидан олиб борилган экспедиция қидирув ишлари билан танишиб, Ўзбекистонда археологик тадқиқот ўтказиш жойлари нақадар кенг эканлигини алоҳида қайд этиб ўтди. Шу йилларда ўзбек олимлари билан чех олимларининг илмий алоқалари ривожини қуйндаги мисолларда кўриш мумкин. 1966 йилдан 1974 йилгача 16 дан орტიқ таниқли чех олимлари Ўзбекистонда бўлиб, ўзларининг илмий-амалий маслаҳатларини беришди⁷.

1964 йил 1—10 августда Москвада VII Халқро антропологлар ва этнограф-

⁴ ЦГА РЎз. Ф. Р. 2653, оп. 1, ед. хр. 319, л. 192. Отчет ТашГУ за 1961 г.

⁵ Шукурова Х. Совет Ўзбекистонининг халқро алоқалари.

⁶ ЦГА РЎз. Ф. Р. 2653, оп. 1, ед. хр. 456, л. 202. Отчет ТашГУ за 1962 г.

⁷ ЦА АН РЎз. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1004, л. 116.

ларнинг конгресси бўлиб ўтди. Конгрессда 58 мамлакатдан 2000 ортиқ делегатлар қатнашди. Конгресс ўз ишhini 27 секцияда олиб борди. Ушбу конгрессда Ўзбекистондан 42 олим қатнашди. Шундан 20 киши Ўзбекистон Фанлар академиясидан, 10 киши Ўзбекистон Фанлар академияси Қорақалпоғистон филиалидан, 12 киши барча олий ўқув юртиларидан эди.

Ўзбекистондан болган олимлар конгрессда 13 та илмий маъруза қилдилар. Фарбий Осий секциясида Ўзбекистон ФА Тарих ва археология институтидан К. Ш. Шонйёзов «Ўзбекларнинг этник шакли ва уларни социалистик миллатлар билан бирлашиб кетиши» мавзусида Л. С. Толстов «Хоразм ҳавзаси атрофида яшаётган қорақалпоқларнинг этник ривожланиш йўли» мавзусида, Ўзбекистон Фанлар академияси Қорақалпоғистон филиалидан У. Х. Шеликанова, «XVIII—XIX асрларда қозоқ қабилаларининг ўтроқ ҳамда ярим ўтроқ хоразм аҳолиси билан ўзаро алоқалари тўғрисида», Ўзбекистон ФА Тарих ва археология институти ходими Ҳ. Мирҳосилов «Ҳозирги ўзбек қишлоғи маданий ҳаёти», этнолингвистика секциясида эса Тил ва адабиёт институти илмий ходими Қ. Х. Хоназаров «СССР халқларнинг тилларини ривожланиши ва миллатларни яқинлашуви», шунингдек И. Жабборов «Қишлоқ хўжалигида техника тараққиётининг ўзбек деҳқони маданий қисфасига таъсири» мавзусида маъруза қилдилар.⁸

Ўз навбатида 1965 йил 8—13 июль кунлари Анқарада турк лингвистикаси жамияти аъзоларининг XI съезди бўлиб ўтди. Унда совет делегацияси таркибида Ўзбекистондан Ғ. А. Абдураҳмонов қатнашди ва ўзининг «Ўзбек тилида синтактикани шаклий ривожланиши» мавзусида илмий маъруза қилди.⁹ Англияга борган Совет фан ва маданият низомидалари орасида Ўзбекистон ФА мухбир аъзоси Ш. Урозев бор эди. 1966 йил декабрда А. Навоий туғилган кунига 525 йил тўлиши муносабати билан олимларимиздан Т. Н. Қори-Нисзий, Ҳ. С. Сулаймонов, В. И. Зоҳидов ва И. М. Мўминовлар қўшни Афғонистонда бўлиб қайтдилар. 1966 йилда бўлиб ўтган ядро физикаси, математика, биология, фалсафа ва бошқа халқаро анжуманларда Ўзбекистон олимларидан 23 киши 1969 йилда эса илмий халқаро анжуманларда 42 киши қатнашди.¹⁰

1968 йил сентябрда Венада бўлиб ўтган XIV филозофлар Бутунжаҳон конгрессида Фалсафа институти директори М. М. Хайруллаев қатнашди. Олим академик И. М. Мўминов билан биргаликда билим жамияти делегацияси составида ГФР да бўлди. 1968 йил февраль—март ойларида филология фанлари доктори Ҳ. С. Сулаймонов ўзбек ёзма адабиёти эсадикларини ўрганиш ва йиғиш учун Париж Миллий кутубхонасида, Лондондаги Британия музейида ва Англиянинг бир қатор йирик кутубхоналарида бўлиб қайтди.

Шу йилларда хорижий мамлакатларнинг қуйидаги олимлари ўзбек олимларининг меҳмони бўлдилар.

Докторлардан: Курейши Хуссейн (Покистон), Д. С. Бисвес, Д. Дева, Д. Чатападхай (Ҳиндистон), Абдул-Ҳамид ал-Алвани (Эрон), Бо Утас Филипс (Швеция), Аҳмед Абд Ҳалима (Судан), Горлса Адамса (Канада) ва бошқалар. Шунингдек, Тил ва адабиёт институтида таниқли немис олими туркишунос Д. Шульц стажировкада бўлди. Август ойида Минск шаҳрида БМТнинг регионлараро семинари бўлиб ўтди. Бу анжуманда Ўзбекистон ФА Иқтисод институтидан С. М. Хўжаев ўзининг «Ўзбекистон саноат-корхоналарининг ўзига хос хусусиятлари ва истиқболи» деган маърузаси билан қатнашди, ўзбек олимнинг маърузаси Урта Осий, Африка ва Лоттин Америкаси мамлакатлари олимларида катта қизиқиш уйғотди.

1969 йили 23—27 сентябрда Самарқанда Темурийлар даври санъатини ўрганиш бўйича халқаро анжуман бўлиб ўтди. Унда ГДР, Венгрия, Мўғулистон, Англия, Франция, Покистон, АҚШ, Италия, ГФР, Финляндия, Сурия, Туркия ва бошқа мамлакатлардан олимлар қатнашдилар.

Анжуманнинг биринчи кунини Ўзбекистон ФА вице-президенти И. М. Мўминов «Темурийлар даврида Урта Осий санъатини тарихий ривожий характери» мавзусида маъруза қилди. Эрталаб 24 сентябрда Темурийлар даври меъморчилиги ҳақида фикр алмашувлар бўлди. Ўзбекистон ФА мухбир аъзоси Г. А. Пугаченкованинг маърузаси катта қизиқиш билан тинланди. Шу билан бирга С. М. Булатов «XIV—XV асрда Урта Осий меъморчилиги» деган маърузаси, профессор Ҳ. С. Сулаймонов «Темурийлар давридаги бадний қўлёзма ва хаттогликни ўрганиш муаммолари» номли маърузаси кўчликликнинг диққат-эътиборини тортиди.¹¹ Қўпгина чет эл олимлари республикамизда фanning айрим тармоқлари бўйича стажировкада бўлиб илмий тадқиқот ишлари тажрибаларини ўргандилар. Чунончи, Ўзбекистон ФА Ядро физикаси институтида Ҳиндистонлик биологлар К. С. Бора ва Айя гамма қурплмалари иши билан ҳамда изотоплар лабораториялари билан танишдилар.

Булгория ФА геология институтининг ходими М. С. Минков Гидрогеология ва инженерлик геологияси институтида уч ой давомида ихтисос ошириш билан шугулланди. Хитой Халқ Республикасидан келган Чжань Цзя-изгай ва Жень Фу-хунь худди шу институтининг ўзида ишлаб чиқариш техника таълими бўйича уч ойлик

⁸ Общественные науки Узбекистана. 1964. № 10. С. 51—52.

⁹ Уша журнал. 47—48-бетлар.

¹⁰ Наука в Узбекистане за годы Советской власти. 1988. С. 22.

¹¹ Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 11. С. 75—76.

курсада ўқидилар. Хитойлик бошқа бир олим Чжан Чжень-вань Ботаника институтида амалиётда бўлиб, чўл ва ярим чўл ўсимликларини ўрганиш усули билан танишиб чиқди. Польша Фанлар академияси Органик синтез кабинети доценти Ю. Врубель «Ўзбекистон флорасидан ҳосил қилинган янги алколоидларни олиш ва уларнинг тузилишини аниқлаш» юзасидан илмий тадқиқотлар билан танишди. Чехословакия геологлари А. Гацця, М. Обержек, Г. Вшикло, Хиндистон шарқшуноси М. Ашраф, Бирлашган Араб республикаси ва бошқа мамлакатларнинг олимлари ҳам республикамиз фанининг турли жабҳалари бўйича олиб борилган илмий ишлар йўналиши билан танишдилар.

Шу йилларда Ўзбекистоннинг хорижий мамлакатлар билан халқаро илмий алоқаларини кенгайтиб боришда китоб ва илмий журнал алмаштириш ҳам ривожланиб борди. Бу эа жаҳон халқлари ўртасидаги илмий алоқаларни мустаҳкамлашда муҳим омилларидан бири ҳисобланади. Бу йўл билан у ёки бу мамлакатнинг кенг илмий жамоатчилиги, китоб илмий асарлар айрибошлаган мамлакатлар фан ютуқлари билан танишиш имкониятига эга бўлган. Республикамиздаги йирик нашриётлар, хусусан, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси «Фан» нашриёти, Тошкент давлат дорилфунуни ҳамда Ўзбекистон Фанлар академияси Асосий кутубхонасининг халқаро китоб айрибошлаш бўлими кўпал чет эл илмий муассасалари билан китоб айрибошлашда самарали ишлар қилдилар. Масалан, Ўзбекистон ФАсининг асосий кутубхонаси 1960—1961 йиллар мобайнида жаҳондаги 27 мамлакатга 1685 та китоб ва журнал жўнатган бўлса, шу муддатда хорижий мамлакатлардан фанининг турли жабҳаларига оид 1747 турдаги китоб ва журналлари олди. 1969 йилда 40 дан ортиқ хорижий мамлакатнинг 229 муассасасига 1822 турдаги китоб, журнал жўнатиб 1248 та ана шундай китоб ва журнал олган¹². Биргина 1960—1969 йилларда хорижий китоблар фирмаси орқали 107 номдаги 50 мингдан ортиқ китоб хорижий мамлакатларга жўнатилган¹³.

Хулоса қилиб шунга айтиш керакки, 60-йилларда Ўзбекистон олимларининг хорижий мамлакатлар билан илмий алоқалари тенг ҳуқуқли, икки томонлама фан тараққиётига эришишга асосланган эди. Шу йиллар республика олимларининг ер курагининг кўнгина мамлакатлари билан яқиндан алоқаси ўрнатилди. Зеро, фан йўлида, унинг ривожланиш йўлида бундай алоқалар зарур эди.

60-йилларда асосан табиий фанлар олимларининг кенг миқёсда алоқалари ривожланди. Шунингдек, ижтимоий (инсонпарвар) йўналишдаги тарих, археология, тилшунослик, иқтисодиёт, ҳуқуқшунослик, фалсафа тарихи бўйича ҳам илмий алоқалар ривожланди. Демак, Туркистонда илм-фанининг равнақи, уни жаҳон талаблари даражасига кўтарилиш учун бўлган ҳаракатда 60-йиллардаги илмий алоқаларнинг ўзига хос ўрни бўлган.

А. Я. Мирзақулов

¹² Ўзбекистон ФА Асосий кутубхонаси хорижий мамлакатлар билан китоб айрибошлаш бўлими маълумотномасидан.

¹³ Наука в Узбекистане за годы Советской власти. 1988. С. 22.

ЎЗБЕКИСТОН БОШҚАРУВ ТАШКИЛОТЛАРИГА МЕХНАТКАШ ОММА ВАҚИЛЛАРДАН РАҲБАРЛИК ИШЛАРИГА КўТАРИШНИНГ ТАРИХИГА ДОИР (1917—1925 йиллар)

Инқилоб галабаси давридаёқ Совет ҳокимияти ва ишчилар синфи олдида сиёсий ва маданий жиҳатдан ҳал қилиниши зарур бўлган улкан вазифалар турарди. Уларни амалга ошириш учун ижтимоий-иқтисодий ҳаётнинг турли жабҳаларида мутахассис зиёлиларга эга бўлиши лозим эди.

В. И. Ленин Совет ҳокимиятининг дастлабки йилларида: «Халқ ичида, яъни ишчилар орасида ва бошқаларнинг меҳнатини эксплуатация қилмайдиган деҳқонлар ўртасида истеъдодли ташкилотчилар жуда кўп: биз бўлсак бундай истеъдодли кишиларни яхши билмаймиз, уларни топиб мадад бера олмаймиз, оёққа бостира билмаймиз, кўтара билмаймиз, аммо буни ўрганиб оламиз!»¹,— дея қайд қилиб ўтган эди.

Ушбу мақолада Ўзбекистонда инқилоб галабасидан сўнгги дастлабки 10 йилликда Совет ҳокимиятини барпо қилиш, унинг раҳбариятини шакллантириш, совет бошқарув тизимида иш юритиш ҳамда уни такомиллаштиришда маҳаллий раҳбар мутахассислар ва уларнинг ролини еритиб боришни мақсад қилиб қўйдик. Чунки Совет ҳокимиятининг илк даврида, фуқаролар уруши йилларида янги иқтисодий сиёсатни амалга ошириш ва ер-сув ислоҳоти каби тадбирларни ўтказишда маҳаллий фирқа ва совет ташкилотлари, улардаги маҳаллий мутахассисларнинг тугган мавқеи мисалсиз тарихий тадқиқот назаридан четда қолган эди. Албатта, бу масалада бир қатор тарихий тадқиқотчилар ўз мақолаларини эълон қилганлар. Масалан, А. О. Брайтман, М. Яковлева, С. М. Чагир, Г. Шкловский, М. Е. Круцко,

¹ Ленин В. И. Танланган асарлар. 3 томлик. 2-том. Тошкент, 1963. 761-бет.

Г. П. Андреев, А. Х. Митрофанов кабиларнинг тадқиқотларини санаб ўтиш мумкин. Бу тадқиқотларда асосан Москва, Санкт-Петербург, Донецк сингари шаҳарларда меҳнатқай вакиллари давлат, фирқа ва хўжаликнинг раҳбарлик ишларига кўтариш масаласи умумий тарзда ўрганилган.

Урта Осиё республикалари ва Ўзбекистон бўйича ушбу масала юзасидан О. Сафаров, П. В. Баяршинов, И. Соқтоев, И. Г. Эргашев, А. С. Султонов, В. М. Генштеке, М. Петрова каби олимларнинг асарларини мавжуд. Олимлар тадқиқотларида раҳбарлик қандай йўللар билан олиб борилганлигини асосан дастлабки беш йилликлар даври мисолида ўрганишган. Лекин Октябрь ниқилобидан кейинги 8—10 йиллар мобайнида маҳаллий миллат вакиллари фирқа совет раҳбарлик лавозимларига кўтариш қайси йўллار билан олиб борилганлиги таҳлил этилмаган, тадқиқотчилар назаридан четда қолган.

Пастдан юқорига кўтариш барча тузумга хосдир. Жумладан, бу социалистик тузумга ҳам хос бўлиб, бунинг тарихий шароит тақозо қилади. Чунки давлат ва жамоат ташкилотларини ишчан, ташкилотчи раҳбар мутахассислар билан таъминламасдан туриб иқтисод, маданият соҳаларида социалистик қурилишни амалга ошириш мумкин эмас эди.

Совет ҳукумати ва фирқанинг бу сийсати Ўзбекистон шароитида ўзига хос хусусиятлар асосида амалга оширилди. Россияда бўлганидек, бу ерда ниқилобий кураш тажрибасига эга бўлган, марксизм назарияси билан қуролланган, давлат ва хўжалик ишларини бошқариб кетадиган ходимлар, маълумотли мутахассислар маҳаллий миллат вакилларида қўлаб етишиб чиқмаган эди. Шунинг ҳисобига олиб, бу ерда пастдан юқорига кўтариш, уларни фирқа-совет ишларига жалб қилиш аста-секин амалга оширилди.

Афсуски, маҳаллий миллат меҳнатқашларини давлатни бошқариш ишларига жалб этиш ниқилобнинг илк йилларида амалга ошмади. Чунки 1917 йилнинг 15—21 ноябрида ўтган Туркистон ўлкаси Советларининг III съезди Туркистон Халқ Комиссарлари Советини тuzди. Унга 7 большевик ва максималист, 8 сўл эсер сайланди. Уларнинг ҳаммаси келгинди шахслар бўлиб, маҳаллий аҳолининг турмуш тарзи, маданияти, тили, бу ерда таркиб топган иқтисодий-сийсий муносабатларни, диний анъаналарнинг кучли эканлигини биламайдиган, тасодифий кишилар эди².

Мазкур съезд ўлкада Совет ҳокимияти ишчи ва деҳқон депутатлари қўлига ўтди, деб эълон қилди. Лекин Туркистон ўлкаси Халқ Комиссарлар Советига маҳаллий аҳолидан бирор киши сайланмади³.

Ўлка Советларининг V съезди эса (1918 йил, апрель) III съезд йўл қўйган хатини тuzетди. Туркистон Марказий ижроия қўмитаси ва Халқ Комиссарлар Совети таркибига маҳаллий аҳоли вакиллари киритилди⁴. Булар большевиклар Х. Иброҳимов, А. Шарофидинов, С. Юсупов, Ш. Останкулов, Х. Хусанбоев, Иноғомжонов, С. Турсунхўжаев, Аширхўжаевлар эди⁵.

Тегишли маъмурий бирлик ҳудудида бутун ҳокимиятни амалга оширган маҳаллий советлар эса деярли бутунлай туб ерли халқ вакилларида иборат бўлиб қолаётган эди.

Тошкент, Самарқанд, Фарғона, Сирдарё вилоятларида фирқа ва совет ташкилотлари ишчи ва деҳқонларнинг фирқа-совет раҳбарлик лавозимларига дадил кўтара бошладилар. Масалан, 1917 йил (3—15 ноябрь) Сирдарё вилоят ижроия қўмитасининг президиум аъзоси 10 киши сайланди, шулардан 5 киши маҳаллий миллат вакилларида бўлиб, 1 киши вилоят совети раиси ўрбосарлигига, қолган 4 киши адлия комиссарлигининг раҳбарлик лавозимларига тайинланди⁶.

Самарқанд вилоят советининг съезди (1917 йил 13 декабрь) ижроия қўмитасига 24 кишини сайлади, булардан 14 киши маҳаллий миллат меҳнатқашларининг вакиллари эди⁷. Совет ҳокимияти ўрнатилган дастлабки йилларда фирқа ва совет раҳбарлик ишларига жалб қилинган маҳаллий миллат меҳнатқашларининг намоёндалари кейинги йилларда ўлканинг ижтимоий-сийсий, маданий ҳаётида фаол қатнаша бошладилар. Бу кўрсатмаларни ҳозирги кўрсаткичлар билан таққосласак, янада тушунарлироқ бўлади. Бу ўринда И. Каримовнинг меҳнатқаш фаоллар билан учрашувда қилган маърузасидан мисол келтираман (Совет Ўзбекистони, 1991 йил 19 июль).

КПСС Марказий органларида Компартиялар вакилликнинг норма қондасини ҳимоя қилишга муваффақ бўлинди. Ўзбекистон Компартияси вакилларида 19 киши КПСС МҚнинг аъзоси ва 12 киши Марказий назорат комиссия аъзоси этиб сайланди. Марказ сийсий бюроси ва секретариати, КПСС Марказий назорат комиссиясининг президиум таркибига биттадан вакил биздан сайланди.

Мамлакатимиз тарихида биринчи марта ўзбек аёли тўқувчи Гулсара Тургуно-

² Акромов А., Авлиёқулов Қ. Рус шовинистлари ва миллий кадрлар// Фаи ва турмуш. 1990 йил, 6-сон, 96-бет.

³ Уша жойда, 16-бет.

⁴ Наша газета, 1918, 5 май.

⁵ Нуруллин Р. Из опыта национального государственного строительства// Коммунист Ўзбекистана. 1990, № 2. С. 87.

⁶ Наша газета, 1917, 10—18 ноябрь.

⁷ История гражданской войны в Узбекистане. Том 3. Ташкент, 1957. С. 5.

ва КПСС МК Котибиятнинг аъзоси этиб сайланди. Кўринадики, демак, жуда кўп вақт мобайнида бунинг акси бўлган.

1918 йил бошларида ички душманлар ва кейинги ойлардан бошлаб, чет эл ҳарбий боқинчилари Туркистонда совет ҳокимиятини ағдаршиш учун бирлашиб кураша бошладилар. Туркистон марказдан ажралиб қолди, очарчилик бошланди, иқтисодий-сиёсий вазият кескинлашди. Совет ҳукумати биринчи навбатда ўзининг эътиборини мамлакатни ички ва ташқи душман кучларидан тозалашга ва уларга зарба беришга қаратиб, фирқа-совет аппаратларини мутахассислар билан мустаҳкамлаб борди, энг тажрибали ва жангларда чиниқаётган ишчи ва деҳқонларни маъсул раҳбарлик лавозимларига кўтарди. Туркистон IV ўлка (1918 йил 19—26 июнь) депутатлари сьезди қарорига биноан мусулмон ишчиларининг вакилларидан 2 киши халқ комиссарлари этиб сайландилар⁸. Масалан, Самарқанд ижроия кўмитасига маҳаллий миллат вакилларидан 20 киши, улар орасидан Муҳаммад Али Бектошев, Фаражullo Маҳмудов, Саид Аҳмад Сиддиқий, Миряхё Мирбадалов, Тўлабой Шўрабевлар аъзо этиб сайланди, 1 киши эса комиссарлик таркибига раҳбарликка тайин қилинди⁹.

1918 йил июнь ойнада Туркистон большевистик ташкилотларининг I сьезди бўлиб ўтди. Сьезд қарориде Туркистонда Совет ҳокимиятини янада мустаҳкамлаш, фирқа ходимларини тайёрлаш учун барча шароитларни яратиш талаб қилинди¹⁰.

Туркистон комфирқа ташкилотлари меҳнаткашларни душманга қарши сафарбар қилиш юзасидан катта сиёсий ва ташкилий ишларни авж олдириб юборган бир пайтда, фирқа ва совет ходимлари камлигидан фойдаланиб, айрим раҳбар ходимлар (И. О. Тоболни, К. Я. Успенский, А. А. Казаков) МКнинг миллий масала тўғрисидаги директиваларини ва Туркистон КП МКнинг I сьезд қарорларини нотўғри талқин қилиб, миллий масалани ҳал қилишда жиддий хатоларга йўл қўймоқда эдилар. Улар буюк миллатчилик фоясидан қутула олмаган эдилар. Бундай салбий ҳолат 1918 йил январиде ўтган советларнинг IV сьезиде ҳам бўлган эди. Сўз-эсарлар фирқасининг бошқларидан бири, ўта буюк миллатчи К. Я. Успенский, очқдан-очик бундай деди: «Ўртоқ мусулмонлар. Шунн билингки, биз сизларнинг катта оғангизмиз. Сиз кичиксиз ва тушунарлики, бизга бўйсунингиз керак». Ушбу кўнирмадан маълум бўлиб турибдики, у миллатлар ва элатларнинг тенг ҳуқуқчилиги тўғрисидаги ленинча миллий сиёсат ўрнига буюк миллатчилик сиёсатини илгари сурган¹¹. Ваҳолонки, бу пайтга келиб, миллатлар ўз тақдирини ўзлари белгилашлари ҳақида ҳамма ерда жар солинаётган эди.

РКП(б) Марказий Кўмитаси ва РСФСР Халқ Комиссарлари совети миллий муассасаларда коммунистик фирқа йўлини ўтказмоқ учун Туркистонга муваққат комиссия юборди. Комиссия Тошкентга келиши билан А. А. Казаков ва К. Я. Успенский гуруҳи ўртасиде кескин кураш бошланди.

Ҳақиқатда А. А. Казаков ва К. Я. Успенский гуруҳи ленинча миллий сиёсатга қарши кураш олиб бормоқда эди, улар ўзларини «фаол гуруҳ» деб эълон қилиб, аслида маҳаллий аҳолини фирқа совет ишларига жалб этилишига қарши чиқмоқда ҳамда улар шаъинга очикдан-очик тўхмат қилмоқда эдилар.

Буюк миллатчиларнинг бу сиёсатини ерданга келган айрим рус коммунистлари ҳам давом эттирдилар. Мана бу фожиа бунинг яққол исботидир. Шаҳрисабзини баъзи ноҳияларида фирқа, совет, хўжалик аппаратининг юқори лавозимларини Оврупо миллатига мансуб кишилар эгаллаб олган, маҳаллий миллат вакиллари эса, бу аппаратга жалб этилмаган эди. «Буюк» миллатчиларнинг айтишича, ўзбеклар рус тилини билмас, ишлашни яхши била олмас, малакасиз, саводсиз эмиш. Яқинда рус тилини билмаганлиги учун маҳаллий миллатдан бўлган ҳатто фаррошни ҳам ишдан бўшатиб юбордилар¹².

Туркомиссия фирқа ва совет аппаратининг буюк миллатчилик ва айрим маҳаллий миллатчилик оқимларига зарба бериб, уларнинг хатосини тузатибгина қолмай, маҳаллий халқ оммасини эксплуататор синфлар таъсиридан қутултириш ва уларни давлат фирқа, совет раҳбарлик ишларига жалб қилиш, маҳаллий совет ташкилотларини мустаҳкамлаш ишларини олиб борди.

РКП(б)нинг VIII сьезди (1919 йил) Советларга барча меҳнаткашларни ҳокимиятни мустаҳкамлашга жалб қилиш юзасидан қабул қилган қарориде: «Шаҳарларда Советларга фақат фабрика, завод, пролетариат вакиллариғина эмас, балки умуман барча меҳнаткашларнинг вакиллари ҳам жалб қилиниши керак», деб кўрсатди¹³.

Туркистон большевиклари маҳаллий меҳнаткаш халқ оммасини фирқа атрофига уюштирган ҳолда РКП(б) Марказий Кўмитаси директиваларини қўллаб-қув-

⁸ УзР МДА. 39 ф., 1-ё., 66-ҳ., 14-в.

⁹ Самарқанд вилоят давлат архиви. 1685-ф., 1-ёзув, 99-ҳ., 44-в.

¹⁰ Туркистон Коммунистик партияси резолюцияси ва қарорлари. Тошкент, 1988, 11—12-бетлар.

¹¹ Акромов А., Авлиёқулов К. Рус шовинистлари ва миллий кадрлар// Фан ва турмуш. 1990 йил, 6-сон, 16-бет.

¹² Правда Востока. 1937, 24 июля.

¹³ КПСС сьездлар, конференциялар ва МК пленумларининг резолюция ва қарорлари. 1-қисм. Тошкент, 1970, 504-бет.

ватлаб чиқдилар. Шу муносабат билан жойларда фирқа кўмиталарининг мажлислари бўлиб ўтди ва фирқа-совет ташкилотларига синалган большевик мутахассислари кўтариш ва қўйиш масаласи муҳокама қилинди¹⁴.

1918—1921 йиллар давомида эса Туркистон ССРнинг партия, совет, хўжалик ишларига раҳбарлик қилишга ҳаммаси бўлиб 3,5 миңдан кўпроқ ишчи ва 2 миң деҳқон жалб қилинди¹⁵. Мамлакатнинг Оврупо қисмида уруш оловни сўнган бўлса-да, Туркистонда босмачилик ҳаракатлари деб баҳоланган, лекин аслида миллий-озодлик ҳаракатларининг бу кўтарилишлари айрим вилоятларда давом этмоқда эди. Аммо бунга қарамай халқ хўжалигини тиклашнинг тўғри йўлини топиш зарур эди.

Туркистон Коммунистик партияси РКП(б) XIII съездининг миллий масала тўғрисидаги ва X Бутунроссия партия конференциясининг «Совет ишига партия-синларни тортиш», «Партия ходимларини кўтариш ҳақида»ги қарорларини турмушга тадбиқ этиш учун катта иш олиб борди. Бу қарорда фирқа ҳозирги даврининг асосий вазифаси — ишчи ва деҳқонлар турмуши, шароити билан яқиндан таъин бўлган истеъдодли, ишчан кишиларни фирқа, совет, хўжалик ташкилотларининг раҳбарлик лавозимларига кўтаришдир, деб таъкидлади.

Бу вақтларда ҳали Туркистонда маҳаллий миллат меҳнатқашларидан қобилиятли, талабчан мутахассислар камлиги сезилиб турар эди. Агар халқ хўжалигини тиклашнинг биринчи йилларини олиб кўрсак, улар Туркистон фирқа-совет мутахассисларининг ҳаммаси бўлиб 27,4 фозини ташкил қилар эди¹⁶.

Туркистонда фирқа-совет мутахассисларининг етишмаслиги сабабли, фақат 1921 йил январдан 1924 йил апрелгача РКП(б) МҚ Туркистон Коммунистик фирқа ташкилотига 889 фирқа-совет мутахассисларини «ёрдамга» юборди¹⁷. Шу ерда бир нарсани айтиб ўтиш керакки, қайд этилаётган ёрдам учун юборилган бу кимсалар дсим ҳам ёрдам билан шугулланишмаган. Улар келиб миллатнинг энг сара, энг фойдали кишиларини йўқ қилдилар, уларнинг ўрнини эгалладилар. Бу яқин-яқин кунларгача давом этиб келди. Бу гаплар билан мен бутун бир миллатни айб-ламоқчи эмасман. Туркистонга юборилганлар орасида софид, чин юракдан ёрдам берувчилар ҳам бор эди, албатта.

Улкага фирқа-совет ташкилотларини мустаҳкамлашга келган Л. А. Кобозев ва бошқа рус коммунистлари ерли аҳоли орасидан чиққан коммунистларни, моҳир ташкилотчиларни совет қурилишига жалб этишга ҳаракат қилдилар, лекин бу вазифани охирига етказишга улар танҳолик қилдилар. Чунки Туркистонга худди шу вазифани амалга ошириш учун юборилган мутахассисларнинг кўплари миллатчиликдан қўтлмаган кишилар бўлиб, маҳаллий аҳолига шубҳа билан қарар, улар фикри билан ҳисоблашмас, биргаликда ишлаш, ёрдам бериш ўрнига уларни ҳар қандай воситалар билан ишдан четлаштиришга уринардилар.

Туркистон Коммунистик фирқаси съезд қарорларини турмушга тадбиқ эта туриб, раҳбар лавозимларга маҳаллий миллат вакилларини кўтара боравердилар. Мисол учун: Туркистон Коммунистик фирқаси ва касоба уюшма ташкилотлари маҳаллий миллат ишчиларидан 1923 йилда 25 кишини, 1924 йилда 278 кишини раҳбарлик лавозимларига кўтардилар¹⁸. Туркман вилояти бўйича 1922 йили 114 кишини фирқа совет раҳбарлик лавозимларига тайин этдилар, шулардан 13 киши маҳаллий миллат вакиллари эди¹⁹. Бу жараён 1923—1925 йилларда ҳам давом этиб, Тошкент ва Самарқанд вилоятларида 1924 йилда маҳаллий миллатдан 58 киши раҳбарлик лавозимига кўтарилди²⁰.

1925 йил август ойида Тошкент уезд фирқа конференцияси қарорига биноан кўмитанинг янги бўлиmlари ташкил этилди. Бўлимларни бошқаришга маҳаллий миллат вакилларида 3 киши жалб қилинди²¹. Султон Хўжаев қишлоқда ишлаш бўлими мудири, А. Хусейнбоева хотин-қизлар билан иш олиб борувчи бўлими, Пирназаров тарғибот-инструкторлик бўлими бошқарувчиси бўлиб ишлай бошладилар²².

Фирқа ва совет ташкилотларининг аксарият раҳбар ходимлари Совет ҳокимияти учун инқилобий курашнинг жиддий мактабини ўтаган кишилар эди. Булар ўзбек халқининг асл фарзандлари М. Турунов, Н. Хўжаев, Хожиметов, Мўминхўжаев ва бошқалардир. Энг бш фирқа ходими Мўминхўжаев 1918 йили 20 ёшида

¹⁴ Тошкент вилояти фирқа кўмитаси. 18-ф, 24-б, 211-х, 16-в.

¹⁵ Валиев А. Ўзбекистон халқ интеллигенциясининг шаклланиши // Ўзбекистон коммунисти. 1964. 7-сон, 48-бет.

¹⁶ Туркистон КП МҚнинг VI съездан VII съездгача қилинган ҳисоботи. Тошкент, 1923, 20-бет.

¹⁷ Новиков М. Идеино-организационное укрепление Компартии Туркестана // Коммунист Узбекистана. 1973, № 2. С. 39.

¹⁸ УзР МДА. Р-735, ф-1-б, 1022-х, 36-в.

¹⁹ Абдусатторов Г. С. Из истории строительства местных органов Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1984. С. 76.

²⁰ Генштке В. Л., Петрова М. Выдвиженчество — эффективная форма рабочего класса к управлению (на материалах УзССР конца 30 — начала 30-х годов). Общественные науки Узбекистана. 1986. № 2. С. 6.

²¹ Тошкент вилояти партия комитети архиви. Ф.-492, 1-б, 7-х, 22-в.

²² Уша жойда.

Хўжанд халқ маорифи бўлимини бошқарди, 1920—1926 йиллар мобайнида эса Хўжанд, Жиззах, Самарқанд фирқа кўмиталари котиби бўлиб ишлади, 1926 йилда Ўзбекистон Халқ Маорифи вазирлиги лавозимиде ишлади²³.

Пастдан юқори лавозимларга кўтариш ишида ҳам жиддий хатоларга йўл қўйилди. Кўтарилган ишчи ва деҳқонларга муассаса, ташкилот раҳбарлари ишончсизлик билан қарар, уларга эътибор бермас, ишларини учун шарт-шароит яратиб бермас, кўтарилганларнинг ҳисоботи йиғилишларда эшитилмас эди. Шуларнинг натижасида уларнинг кўллари яна ўларнинг аввалги иш жойларига қайтишга мажбур бўлар эдилар. Пастдан юқорига кўтарилганларнинг фақатгина 60 фоизи раҳбарлик лавозимиде узуқунс ишлаган, холос, қолган 40 фоизига эса эътиборсизлик, ишончсизлик билан қаралган²⁴.

Фирқа ва совет ташкилотлари бундай хато ва камчиликларни билиб олгандан кейин айрим фирқа, хўжалик ташкилотларининг раҳбарларига бундай камчиликларга барҳам беришга, маҳаллий миллат вакилларидан кўтарилган ишчиларга эътибор бериб, ёрдам бериб боришларини талаб эдилар.

Ўзбекистон Коммунистик фирқасининг 1925 йил февраль ойида бўлиб ўтган I пленумида пастдан юқорига кўтариш масаласи махус муҳокама қилинди. Шу йил 22—30 апрель кўни Ўзбекистон МҚда раҳбар лавозимларга кўтариш ишлари бўйича ташкилий қўмитанинг йиғилиши бўлиб ўтди. Йиғилишда «Раҳбар лавозимларга кўтариш ва унинг вазифалари» тўғрисидаги ахборот эшитилди ва қарор қабул қилинди. Йиғилиш қарорига биноан кўтарилганлар билан ишлашни яхшилаш, айрим ташкилотларнинг раҳбарларидан кўтарилганлар учун тезлик билан ишлашлари учун шарт-шароит яратиб бериш талаб қилинди²⁵.

Бундай йиғилишлар бошқа вилоят ва ноҳияларда ҳам бўлиб ўтди. Йиғилишлар пастдан юқорига кўтарилган ишчи ва деҳқонларга раҳбарлик қилиш ишини тезлик билан ўзлаштириб олишларига ва малакаларининг оширишларига ёрдам берди.

Республикамизда фирқа Марказий Қўмитасининг юқоридаги қарор ва кўрсатмасини амалга ошириб, фақат 1925 йилнинг 3 ойи мобайнида марказий ташкилотларга 250 дан зиёд ишчи ва деҳқонлар раҳбарлик ишларига кўтарилди, уларнинг ярмидан кўпроги маҳаллий миллат вакиллари эди²⁶.

1925 йили Тошкент вилоятининг Қизил Шарқ ноҳиясида ишчиларнинг 95,3 фоизи ноҳия фирқа-совет хўжалик ишларига жалб этилди²⁷. Тошкент эски шаҳари бўйича ҳаммаси бўлиб 33 киши раҳбарлик лавозимига кўтарилди, булардан 15 киши эса фирқа-совет ишларига жалб қилинди²⁸.

Маҳаллий миллат вакилларини раҳбарлик лавозимига кўтаришда маҳаллийлаштириш роли катта бўлди. Республика фирқа-совет, хўжалик ташкилотларини маҳаллийлаштириш ва бу ташкилотларга маҳаллий миллат вакилларини жалб қилиш бу вақтга келиб кең тушди. Жумладан, республика ишчи-деҳқон назоратида ҳаммаси бўлиб 41 киши ишлар эди, буларнинг 25 фоизини маҳаллий миллат вакиллари ташкил этар эди²⁹. Марказий аппаратда 1500 хизматчидан 300 кишини маҳаллий миллат меҳнаткашлари ташкил этарди. Агар маҳаллийлаштириш волюсти ва уездларда 90 фоизни ташкил этган бўлса, вилоят ва жойларда 85—90 фоизни ташкил қилган эди³⁰.

Раҳбарлик лавозимларига кўтарилаётган кишиларни сиёсий жиҳатдан етуқ, чиниққан бўлишлари, доимо ўз тажриба, малакаларини ошириб боришларига катта аҳамият берилди. Шу мақсадда вилоят ва ноҳия ўқинилари учун дорилфунунлар, фирқа ва совет мактаблари, турли-туман «кўтариш курслари» очилди.

Раҳбарлик ишларига кўтариш бўйича ўқитиш курслари халқ хўжалиги марказий советида, халқ комиссарликлари, вилоят фирқа кўмитаси, касаба уюшмаси, комсомол ташкилотлари қошида очилган эди. Масалан, ХКС қошида 1924 йил раҳбар ходимлар тайёрлашнинг 4 ойлик курси ташкил этилган бўлиб, бу курсда 270 киши ўқир эди³¹.

Тошкент вилоятида 1925 йили совет мутахассисларини тайёрловчи 60 кишига мўлжалланган 8 ойлик курс очилди ва бу курснинг фаолияти учун ёрдам тариқасида 1200 сум маблағ ажратилди³². Шу йили яна Тошкентнинг эски шаҳарида маҳаллий миллат ишчиларидан, фирқа, совет, касаба уюшмаси ташкилотларига раҳ-

²³ Ўзбекистанская правда. 1932, 18 июля.

²⁴ Генштке В. Л., Петрова М. Выдвиженчество — эффективная форма привлечения рабочего класса к управлению. (На материалах УзССР конца 20 — начала 30-х годов). Общественные науки Узбекистана. 1986. № 2. С. 3.

²⁵ Самарқанд вилоят давлат архиви. 48-ф., 1-ё., 102-х., 100-в.

²⁶ Акилов К. А., Гулямова М. А. Советская интеллигенция Узбекистана. I китоби. Ташкент, 1978. С. 114.

²⁷ УзР МДА. Ф-95, 1-ё., 762-х., 57-в.

²⁸ Уша жойда, ф-95, 1-ё., 762-х., 66-в.

²⁹ Бухоро вилояти давлат архиви. 160-ф., 1-ё., 3-х., 239-в.

³⁰ Уша жойда, 160-ф., 1-ё., 3-х., 240-в.

³¹ Два года социалистического строительства в Узбекистане. (Отчет правительства УзССР IV съезду УзССР). Ташкент, 1931. С. 151.

³² Тошкент вилоят давлат архиви. 46-ф., 1-ё., 24-х., 19-в.

бар мутахассислар етиштириш учун мусулмон курслари очилди. Бу курсда: 1) совет қурилиши; 2) совет конституцияси; 3) меҳнат муҳофазаси; 4) тарих; 5) жуғрофия; 6) рус тили; 7) арифметика; 8) исломшунослик сингари фанлар ўрганилар эди³³.

Хоразм вилоятида ҳам 6 ойлик фирқа-совет ходимларини тайёрловчи курс ташкил қилинди. Бу курсни 60 талаба муваффақиятли тамомлади. Курсни тамомлаган талабалардан 30 киши фирқа-совет раҳбарлик ишларига кўтарилди, 10 киши олий ўқув юртига ишга кирди³⁴.

Шундай қилиб, раҳбарлик ишларига кўтариш бўйича ўқитиш курслари яна бошқа жойларда ҳам очилган бўлиб, уларда 111 талаба ўқир эди³⁵.

Бу йилларда совет ҳукумати ва фирқа ташкилотининг олиб борган фаолияти натижасида фирқа-совет аппаратлари кўтариш курсларини ўқиб тамомлаганлар иши ва деҳқонлар ҳисобидан мустаҳкамланиб борди.

1926 йил март—июль ойларига келиб Ўзбекистон бўйича биринчи марта пастдан юқорига кўтариш иши қандай олиб борилаётганлиги масаласи сарҳисоб қилинди. Сарҳисоб натижасида ишчи ва деҳқонларни раҳбарлик лавозимларга кўтариш асосан Фарғона, Тошкент, Самарқанд ва Зарафшон вилоятларида бошқа вилоятларга нисбатан яхшироқ олиб борилаётганлиги маълум бўлди. Буни эса келтирилган I-жадвалдан билди олиш мумкин³⁶.

I жадвал

Раҳбарлик ишларига кўтарилганлик ҳақида маълумот (1925)

Кўтарилганлар	Маълумоти				Миллати			Синфи		
	ўрта	қуён	кам са- водли	савод- сиз	европу- тиклар	махал- лий ми- лат	еврейлар	деҳқонлар	хизматчи- лар	ишчилар
106	8	49	45	4	72	34	3	10	25	71 Учта вилоят бўйича
24	7	20	—	—	16	8	—	2	2	20 Самар- қанд вило- яти бўйи- ча

I-жадвалдан кўриниб турибдики, кўтарилганлар ичида бирорта ҳам олий маълумоти йўқ. Маҳаллий миллат меҳнатқашларидан ҳаммаси бўлиб 42 киши, 1925 йилда 4 вилоят бўйича 130 киши раҳбарлик лавозимларига кўтарилган, булардан 91 киши ишчилар синфи вакилларидир. Бу жараён кейинги йилларда ҳам давом этди. Шу йилда ҳам фақат 3 вилоят бўйича раҳбарлик лавозимларига 250 киши жалб қилинган бўлиб (Тошкент, Самарқанд, Фарғона), уларнинг 90 фоизи ишчилар жумладан, 80 фоизи малакали ишчилардир³⁷. Бу маълумотлардан билинадикки, ишчилар синфининг ўсиши билан унинг фирқа-совет ташкилотларининг раҳбарлик ишларидаги салмоғи оша борган.

Шундай қилиб, Совет ҳукумати раҳбарлигида, Совет ҳокимиятининг биринчи йилларидан бошлаб, ер-сув ислоҳотини амалга ошириш йилларида ҳам кураш олиб борган, пастдан юқорига кўтарилган кишилар янги совет зёлиларининг шаклланишида алоҳида бир йўналиш бўлди. Бу йўналиш совет давлатининг социализм қурилиши ишига берилган юзлаб ташкилотчилар, талантли миллий ходимларни етиштириб берди.

Б. М. Бурхонов

³³ Туркестанский вестник профессионального движения. 1921, № 1.

³⁴ УзР МДА. 34-ф. 1-ё, 23-х, 24-в.

³⁵ Уша жойда, 96-ф. 1-ё, 36-х, 26-в.

³⁶ Уша жойда, 737-ф. 1-ё, 117-х, 1-в.

³⁷ Уша жойда, 736-ф. 1-ё, 326-х, 181-в.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О КНИГЕ Г. А. ХИДОЯТОВА «МОЯ РОДНАЯ ИСТОРИЯ»

Выпущенная в 1990 г. книга «Моя родная история»¹ принадлежит перу одного из известных историков республики, крупного специалиста в области новой и новей-

¹ Хидоятов Г. А. Моя родная история.— Ташкент: Укитувчи, 1990. 304 с., с ил. (рецензент — доктор исторических наук, профессор Р. Г. Мукминова).

шей истории народов Средней Азии проф. Г. А. Хидоятова. Она издана большим тиражом (21 тыс. экз.) и рассчитана на широкий круг читателей.

Книга состоит из семи глав (общий объем — более 27 изд. л.) и охватывает период от первобытно-общинного строя восточной 1916 г. в Средней Азии, направленного против колониальной политики царской России и ее туркестанской администрации.

Автор использовал довольно широкий круг научной литературы как дореволюционной, так и советских авторов (хотя книга не изобилует ссылками на использованную литературу). В работе нашли отражение (по фактическим материалам) основные достижения советской исторической науки, особенно по средневековому и колониальному периодам истории народов Средней Азии. Умело отобранный фактический материал и популярный стиль повествования делают книгу читаемой с интересом. Это — первая попытка популярного изложения дореволюционной истории народов Узбекистана в сжатой форме, в рамках одной книги. Безусловно, она представляет определенный интерес для широкого круга русскоязычного читателя, особенно тех, кого интересует историческое прошлое среднеазиатских народов.

Однако, несмотря на все свои достоинства, книга Г. А. Хидоятова не лишена ряда серьезных недостатков и порою грубых ошибок. Так, в структурном отношении книга состоит из двух разделов: I. Центральная Азия: Историко-географический очерк; II. Образование централизованных государств в Мавераннахре. Названия глав и параграфов даны автором произвольно. Часть их озаглавлена по географическим названиям (Бактрия, Парфия, Кангюй, Хорезм), часть — по этносу или по названиям династий (Эфталиты, Саманиды, Караханиды, Хорезмшахи, Шейбаниды, Аштарханиды и т. д.), по именам исторических личностей (Александр Македонский, Махмуд Газневидский, Султан Санджар, Чингисхан, Джалалетдин, Тимур и др.), по названиям государств (Кушанское государство, Тюркский каганат, Золотая орда, Хивинское ханство, Бухарский эмират, Кокандское ханство и пр.). Таким образом, в структуре книги не соблюден принцип научного подхода и уже поэтому она не отражает должным образом общую историческую панораму социально-экономического и политического развития древних этносов и народов Средней Азии. Как известно, объективное освещение поэтапного развития исторических событий, их научная интерпретация с соответствующими выводами во многих случаях зависят от архитектоники работы, четкости в научном отношении названий глав и их подразделов.

Первая глава книги («Эта прекрасная древность!»), посвященная периоду первобытно-общинного строя Средней Азии, по своему содержанию не отвечает ее названию. Автор ограничился здесь голым констатацией разрозненного археологического материала (с. 18—20), причем по устаревшей археологической периодизации, существовавшей до 60-х годов. Например, древнекаменный век (палеолит) автор делит на дошелье (2 млн. до 700 тыс. лет), древний шелье (700—300 тыс.), поздний и средний шелье (300—100 тыс.) и на мустьерский период (100—35 тыс. лет), тогда как этот огромный период становления человечества охватывает олдувайский (2 млн.—700 тыс.), ашельский (700—150 тыс.) и мустьерский (150—35 тыс. лет до н. э.) этапы развития. В последние 15—20 лет на территории Средней Азии и Казахстана открыты и исследованы десятки палеолитических памятников, в том числе позднеолдувайских (Кульдара, Арыстанды), которые дали возможность выявить не только следы проживания первобытных людей, но и зоны их расселения, палеоэкологическую ситуацию (особенно фауну и флору этих зон) в глубокой древности, тесно связанную с жизнедеятельностью древнейших обитателей Средней Азии.

В эпоху неолита (период формирования охотничье-рыболовецких племен в Средней Азии, по С. П. Толстову — носителей кельтеминарской культуры), как считает Г. А. Хидоятов, «Средняя Азия стала центром новой культуры, новой ступени развития человеческого общества» (с. 21). Однако, во-первых, неолит Средней Азии не охватывает 10—2 тыс. до н. э. (с. 20), а датируется V—III тыс. до н. э., т. е. он охватывает почти трехтысячелетнюю историю древнейших охотничье-рыболовецких племен. Во-вторых, Средняя Азия и тогда не была центром «новой культуры» и «новой ступени» развития человеческого общества. В этот период на Ближнем и Среднем Востоке и даже на юге Средней Азии существовали целые зоны высокой древнеземледельческой культуры и цивилизации. Культура охотничье-рыболовецких племен типа кельтеминарской была локальной культурой Средней Азии. Центрального Казахстана и Западной Сибири, ареал которой охватывал обширную территорию от Приуралья до южных границ Средней Азии, от Восточной Европы до Южной Сибири. Средняя Азия в тот период была в составе этого огромного региона и не выделялась как центр «новой культуры».

Бронзовый век на территории Узбекистана, по книге Г. А. Хидоятова, начался в «конце II и начале III тысячелетия до н. э.» (с. 21), тогда как он охватывает лишь II тыс. до н. э. и продолжительность его была всего 1000 лет. Весь археологический материал, приведенный в книге, перепутан и не дает читателю хотя бы силуэт тех коренных изменений, которые происходили в жизни первобытно-земледельческо-скотоводческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. Как известно, переход к земледелию, особенно орошаемому, привел к таким последствиям, как ко-

ренные изменения в способах ведения хозяйства, появление принципиально иного отношения к земле, рост оседлости населения, объема производства, возникновение регулярных излишков продукции, увеличение численности и плотности народонаселения, изменения в отношениях собственности, углубление общественного разделения труда, совершенствование системы управления, появление новых общественных институтов и т. п.

Автору следовало посвятить хотя бы несколько строк истории возникновения орошаемого земледелия на территории Узбекистана, первых земледельческих поселений и формирования древних оседло-земледельческих культур, ибо Средняя Азия является одним из древнейших очагов земледелия и вся история среднеазиатских народов тесно связана с этим исключительно важным видом производства. Возникновение орошаемого земледелия в речных долинах Средней Азии, динамика его развития, формирования древнеземледельческих культур досконально исследованы в фундаментальных работах советских ученых (С. П. Толстов, Я. Гулямов, А. Аскаров, В. М. Массон, Ю. А. Заднепровский, В. И. Сариниди и др.).

Страницы книги Г. А. Хидоятова, посвященные железному веку, т. е. разложению первобытно-общинного строя, становлению классового общества возникновению древних государств на территории Узбекистана, вообще не раскрывают сложную историческую панораму. Приведенный в виде примеров фактический материал слишком беден, изложен разрозненно, с большой путаницей и порою искажен (с. 22). Так, оросительная система длиной до 1 км, вопреки тому, что сказано в книге, характерна не для железного века, когда уже существовало классовое общество, а для бронзового века, периода возникновения орошения. Кстати, задолго до этого, еще в первой четверти III тыс. до н. э., магистральные каналы Гексюрского оазиса (юг Средней Азии) имели протяженность до 2,5 км. Другой пример, приведенный в книге «Моя родная история» — об Амударьинских шлюзах (с. 2—27), — не имеет никакого отношения к Амударьинскому бассейну. В тот период древним земледельцам и ирригаторам Средней Азии было еще не под силу (ни технически, ни по ирригационному опыту) обуздать такие большие многоводные реки, как Амударья, Сырдарья, Зарафшан и даже р. Чирчик. В истории водопользования и ирригационной техники Амударья была перекрыта таким сложным гидротехническим сооружением лишь в наше время, когда был построен Тахиташский гидроузел.

Что касается плотины со шлюзами для регулирования стока воды р. Акес, упомянутой еще в V в. до н. э. греческим историком Геродотом и предполагаемой Г. А. Хидоятовым на Амударье, то ее надо отнести к бассейну р. Теджен, что на основе большого фактического материала установлено еще в 50—60-х годах нашими археологами (Я. Гулямовым и В. М. Массоном).

В параграфах главы I «Свобода ценилась превыше всего» и «Александр Македонский», посвященных борьбе согдийцев и саков против ахеменидской и греческой колонизаций, исторические события V—IV вв. до н. э. иллюстрируются фрагментарными примерами «в тени» политической ситуации в Ахеменидской державе, не имеющей прямого отношения к истории Узбекистана.

Никак нельзя согласиться с мнением автора о том, что на территории Средней Азии Ахеменидами был построен ряд городов — Кирополь, Термез и др. (с. 33—41). Как показали археологические раскопки последних лет на городищах Старого Термеза и Шахристана (Ура-Тюбе), остатки материальной культуры времен Ахеменидов на этих памятниках пока еще не обнаружены. То же самое можно сказать об усиленной эллинизации Согда и Бактрии Александром Македонским (с. 42). На территории Узбекистана археологами до сих пор не выявлено ни одного эллинистического поселения с остатками греческой архитектуры и иной материальной культуры (как, скажем, городище Айханум в Афганистане). Описываемая автором эллинизация началась не в Согде, а в Бактрии и намного позже, и связана она с образованием Греко-Бактрийского государства. Поэтому на территории Средней Азии до сих пор не обнаружено ни одной ахеменидской монеты (так называемые «дарик»), хотя в книге необоснованно утверждается, якобы «в ряде мест найдены ахеменидские монеты» (с. 33).

Вторая глава книги названа «Азиатский способ производства (III в. до н. э.—VII в. н. э.)». Во-первых, такое название главы не уместно для популярного издания по гражданской истории народов Узбекистана. Оно подходит для специального исследования по истории экономического учения, развития экономической мысли Азиатского региона. Но раз уж глава названа так, автору следовало, хотя бы в сжатой форме, объяснить читателю суть азиатского способа производства, открытого и сформулированного еще в прошлом веке К. Марксом. Поскольку становление азиатского способа производства тесно переплетается с ирригационным земледелием, корни его формирования уходят в глубь веков, к периоду возникновения орошаемого хозяйства, т. е. бронзовому веку (II тыс. до н. э.). Из-за недостаточности источниковедческой базы уже более века в среде ученых ведутся споры об азиатском способе производства и до сих пор в науке отсутствует его конкретное научное определение. Поэтому хронология (III в. до н. э.—VII в. н. э.) по азиатскому способу производства, предложенная Г. А. Хидоятовым, является произвольной, не имеющей научного обоснования.

В последующих главах книги вся история Средней Азии рассматривается автором в тесной связи с политической ситуацией сопредельных и иных стран (Монголия, Китай, Иран, Месопотамия, Аравия, Малая Азия и др.). А в результате основного содержания глав, особенно параграфов: «Нашествие арабов» (с. 79—91), «Чингисхан» (с. 131—144), «Джалалатдин» (с. 144—147), «Тимур» (с. 155—166), «Золотая орда и Тимур» (с. 166—175), «Последние походы» (с. 175—182), — изложено много интересных деталей. Причем многие высказывания автора научно не аргументированы, порой ошибочны. Так, не отрицая мысль о древности происхождения тюрков (даже в эпоху гуинов), автор все же лишает (вплоть до XII в.) о «проникновении» тюрков в Среднюю Азию и об усилении «экспансии» тюркоязычных народов в Мавераннахр (с. 109), т. е. тюркоязычные народы представлены в книге как пришельцы извне. Во-первых, надо учесть, что название «тюрк» имеет не этническое, а политическое понятие. Во-вторых, тюркоязычные племена, как и многие кочевно-скотоводческие племена Средней Азии, входят в состав древнего коренного населения этого края. Предки тюрков всегда жили в степных и предгорных зонах Мавераннахра, еще задолго до образования «Тюркского каганата». В течение веков многие из них, волею судьбы покинув свои родные просторы, появлялись в различных зонах Центральной Азии, но уже под другими именами, образуя новые консолидации.

Несколько расплывчато дана социальная дифференциация раннесредневекового и средневекового общества Мавераннахра, в частности становление господства класса «дехкан». Автором не сказано ни слова о положении зависимых от них крестьян — «кадиваров» и свободных земледельцев — «кашаваров».

По утверждению Г. А. Хидятова, «арабы принесли с собой в Среднюю Азию феодализм и способствовали ускорению утверждения феодального способа производства» (с. 88). Во-первых, феодальный способ производства — как бы его ни называли — феодальным, феодально-крепостническим или феодально-крепостническо-общинным, прежде всего означает определенную ступень социально-экономического развития общества. Но любая общественно-политическая формация не экспортируется, а является результатом естественного развития общества. Во-вторых, становление раннесредневекового способа производства в Средней Азии началось еще задолго до экспансии Арабского халифата, в IV—V вв.

Ошибочно мнение автора и о том, что «здесь не было частной собственности» (с. 88). Если так, то как интерпретировать сообщение историка X в. Мухаммеда Наршахи о том, что эмиром Исмаилом был куплен за 10 тыс. дирхемов у бухарского землевладельца Хасана ибн Талута делинный массив — «Даштак», расположенный за городской стеной (История Бухары. 1966. С. 32).

Как известно, к приходу арабов Мавераннахр был разбит на 16 крупноземельладельческих, т. е. феодальных, владений с многочисленными «дехканскими» усадьбами, общинными и частновладельческими хозяйствами.

Особенно большая путаница допущена в характеристике формаций в монгольском обществе. Здесь автор усматривает и первобытный, и рабовладельческий, и феодальный строй одновременно (с. 131—138). Слишком расплывчаты суждения автора о характере феодального уклада в Средней Азии. Даже государство Шейбанидов определено в книге как отдельная стадия феодализма. Общественно-политическую, социальную структуру государства Шейбанидов, как подчеркивается в книге, можно назвать военно-бюрократическим, феодализмом (с. 206). По мнению Г. А. Хидятова, в период правления Саманидов и Караханидов в Мавераннахре, т. е. в IX—XII вв., создавались даже «условия для проявления ростков капиталистического способа производства» (с. 113) — это уже «новшество» в исторической науке, по которому можно судить о теоретическом уровне книги «Моя родная история».

Противоречива, порой негативна позиция автора и в отношении ислама и его течения — суфизма. Вся фактическая информация о суфизме почерпнута из работы акад. В. В. Бартольда «Ислам» (Бартольд В. В. Соч. Т. VI. С. 114—120), однако нет ни одной ссылки на нее. По утверждению Г. А. Хидятова, суфизм появился в Мавераннахре, точнее в Бухаре, чуть ли ни в IX в. и связан с именем Абу Хафсы, умершего в 832 г. Абу Хафса Кабир Бухари был известным исламским ученым-законоведом, но не суфием. Ранние суфийские общины появились действительно в IX в., но не в Мавераннахре, а в Египте и Балхе. В Мавераннахре суфизм проник гораздо позднее, широкое распространение получил с XIV в. и был связан с именем Бахавуддина Накшбанди.

В книге с большим усердием показывается реакционная, сущность ислама как догматическо-консервативной силы, противостоящей всякому прогрессу (с. 229, 243—246, 260). Ни слова не сказано о просветительной и благотворительной роли духовенства, о месте и значении ислама в духовной жизни народа. Здесь нет необходимости объяснять, почему по всему мусульманскому Востоку, в том числе в Средней Азии, во все времена после утверждения ислама труды мыслителей и ученых начинались с итением «аллаха». Известно немало примеров организаторской роли духовенства в политической истории народа. Так, Самарканд, до основания разрушенный Чингисханом в 1220 г., был заново остроен 50 тыс. самаркандцев, спасенных духовенством во главе с городским казем и шайхулисламом от массо-

вого истребления монголами. Многочисленные архитектурные памятники (мечети, медресе, мосты, караван-сарай, ханака и т. п.) были построены на вакуфные средства. Представителями духовных феодалов XVI в.—джуйбарскими шейхами были возведены десятки водных сооружений (водохранилища, мосты, каризы, сардобы) и освоены огромные массивы в речных долинах и степных зонах Средней Азии. Но, конечно, все эти созидательные мероприятия представителей духовенства были основаны на тяжелейшей эксплуатации и насилии, присущих всякому классовому обществу, в том числе феодализму.

Не отрицая экспансионистский характер завоевания Средней Азии царской Россией, автор все же предпочел назвать последнюю главу своего труда «Присоединение Средней Азии к России» (с. 266—304), где завоевательные действия царской военизированной описываются как «присоединение» тех или иных областей Средней Азии к Российской империи.

В книге Г. А. Хидоятова много повторений, опечаток, необоснованных толкований восточных терминов и эпитетов, неточных, порой ошибочных хронологических данных. К сожалению, в большинстве случаев ссылки на источники этих данных отсутствуют, а потому трудно проверить их достоверность. Эпоха мустье — средний палеолит датируется в книге тремя разными хронологическими рамками: 100—40; 100—35; 80—35 тыс. лет до н. э. (с. 18—19), тогда как этот период охватывает 150—55 тыс. лет до н. э. Стоянка Сель-Унгур датируется археологами не 700—40 тыс. лет до н. э., а 1 млн.—700 тыс. лет до н. э. и относится не к шельскому, а к ашельскому периоду. Размеры домов тазабгагъевцев (конец II тыс. до н. э.) составляли не 70 м в длину, а до 7 м (с. 2). В VI—V вв. до н. э. не было поселений окружностью до 35 км (с. 33). Кутейба был назначен наместником не в 708 г., а в 705 г. Его поход в Бухару начался не в 709 г., а в 706 г. Поход его на Хорезм совершен не в 713 г., а в 710—712 гг. В Хорезме Кутейба получил в качестве выкупа от хорезмшаха не «10 тыс. пленных вместе с имуществом», а 10 тыс. голов скота. После взятия Самарканда согдийцы выплатили не 200 тыс. дирхемов с 30 тыс. заложниками, а 2 млн. дирхемов и 3 тыс. заложников (с. 82—83). Восстание против арабов поднялось в Герате не в 772 г., а в 767 г. Так же ошибочны данные автора о том, что в 809 г. для борьбы с повстанцами в Мавераннахр прибыл сам халиф с 300 тыс. войском (с. 88). Султан Санжар правил не 61 год (с. 121), а всего 21 год (1097—1118). Бухара никогда не имела эпита «мать всех городов мусульман» (с. 141). Внуки Тимура Пир-Мухаммед и Абу-Бакр Мирза в книге фигурируют как сыновья Сахибкрана (с. 178—179). Второй сын его, Умар-Шайх, умерший в 1394 г., участвует, по автору, в 1402 г. в сражении с Баязидом под Анкарой (с. 178). Один из известных историков XV в. Хафиз Аbru представлен как две отдельные личности — Хафиз и Аbru. Один из влиятельных духовных феодалов XVI в., наставник Абдуллахана Ходжа Саъад назван Ходжа Саидом. Бухарский хан Абдулмумин был отравлен не в 1559 г., а в 1599 г. (с. 206). Бухара заплатила России контрибуцию в размере 500 тыс., а не 200 тыс. руб. зол. (с. 284).

Много неточностей в написании собственных имен и географических названий. Так, легендарная сакская героиня Тумарис названа Тамридой (с. 25); Ширак — Сираком (с. 27); Хурзад — Хурзадом (с. 83); Бумин — Туминем (с. 75); чл.-кор. АН СССР С. П. Толстов — академиком АН СССР (с. 20—24, 70); Аманкутан — Аман-Кусан (с. 19); Капчигай — Капчитай (с. 19); Насаф — Несер (с. 65); Кангиль — Кангуль (с. 163); Куксарай — Гек-Сарай (с. 173—175); Дилкуш — Дилкуш (с. 173); Балх — Балк (с. 145).

Афрасиаб как топоним появляется в XVII в., а в VI—IV вв. до н. э. на месте этого географического пункта был расположен древний Самарканд, который греки называли Маракандой (с. 65); г. Битянь был расположен не в долине Кашкадары, а в долине р. Ахангарон — современное городище Каянка (с. 86). Симург — не орел, а божество зороастрийского пантеона «Хумо» — богиня счастья (с. 30).

Автор рецензируемой книги совершенно далека от понимания местной исторической терминологии. Так, древнеиранское название «Сявзуси» переведено как «черноголовый», тогда как данное название происходит от слова «сиёкпушт», т. е. «чернокожий» (с. 21); «ках» — не жилище князей (с. 95), а крепостная часть цитадели; раннесредневековый термин «чакар» приведен в форме «шакир» и переведен как «слуга» или «воин» (с. 96), тогда как он означает «феодалное ополчение». Топоним «Каракорум» переведен как «черный лагерь» (с. 148), а «Кардахан» — «народный правитель» (с. 110). Между тем слово «кара» на древнетюркском языке имело смысл, кроме «черный» и «великий». Значит, «Каракорум» — «великий» или «большой» лагерь, а «Карахан» — «Великий хан». «Хагака» — не келья (с. 108), а «обитель» дервишей и путников. Термин «диз» означал не цитадель (с. 106), а крепость. Подушный налог «джузья» приведен в форме «джизия» (с. 174) или «джизья» (с. 203). Термин «СохибкIRON» приведен в форме «СахибкУрон» и переводится как «хозяин корана» (с. 159—161), тогда как это слово означает «счастливый обладатель мира», т. е. синоним термина «жахангир».

Большая путаница допущена автором в интерпретации социальных терминов. Например, описывая социальную структуру населения Мавераннахра IX—XII вв., автор приводит четыре категории населения: богатые — «бойлар», средние — «орта», бедняки — «чигайлар», немущие — «кара, аам, будун» и безземельные или малозе-

мельные крестьяне — «аккары» (с. 112). Во-первых, термин «бойлар», «орта», «кара», «аам» относятся к XIX — началу XX в. В IX—XII вв. крупные землевладельцы, т. е. богатые, назывались терминами «мукта» или «иктадор», а труженники-земледельцы — «барзекор». А термин «аккар» в Средней Азии не применялся, он характерен для Ирана.

Этот далеко не полный перечень искажений хронологических данных и местных исторических терминов свидетельствует о том, что автор книги «Моя родная история» отнесся безответственно не только к «родной истории», но и к собственному труду. Поэтому при ознакомлении с текстом книги от читателя требуются большая осторожность и критический подход к содержащейся в ней информации.

В настоящее время перед учеными-историками республики стоит ответственнейшая задача — достоверное освещение реальной истории народов Узбекистана с учетом серьезных недостатков и ошибок, допущенных почти во всех прежних изданиях, ибо еще не одно поколение будет изучать родную историю в основном по учебникам и трудам наших специалистов. Поэтому всем нам следует твердо помнить, что родная история не терпит искажений.

А. Р. Мухамеджанов

НОВАЯ КНИГА О ТИМУРЕ И НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ ЕЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

Для наших дней характерен и огромен быстрый, поистине всеобщий рост интереса к познанию далекого и недавнего прошлого своей страны, республики, края. Высок читательский спрос и на издания, освещающие жизнь и деятельность выдающихся исторических личностей. Это касается и такой яркой, своеобразной и незаурядной фигуры истории, как Тимур — создатель огромной империи, охватывавшей территорию от берегов Средиземного моря до Центральной Азии. Его поразительные и неоспоримые способности организатора, дипломата и победоносного полководца, феноменальные личностные качества продолжают привлекать к себе внимание, тем более, что с именем Тимура связано также становление и развитие сильного централизованного государства в Мавераннахре. В летописи мировой истории Тимур по праву запечатлен наряду с Александром Македонским, Чингисханом, Наполеоном и другими виднейшими военачальниками и политическими деятелями прошлого.

Обширен круг источников, проливающих свет на историю Тимура и его времени, огромна и многогранна научная и художественная литература, посвященная его делам и свершениям, от богатой фактами реалистической литературы до легендарно-мифической.

Под этим углом зрения следует приветствовать стремление знакомить широкого читателя с текстами не всегда доступных ему, а нередко ставших и библиографической редкостью, важнейших источников и основных научных публикаций, помогающих наиболее полному и правильному пониманию сложной и противоречивой личности Тимура.

Именно такая цель, надо полагать, стояла и перед издателями вышедшей недавно из печати обширной книги «Тамерлан»¹. В нее вошли полностью или частично, в извлечениях, тексты некоторых источников («Дневник похода Тимура в Индию» Гийас-ад-дина Али, «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура» Руи Гонсалеса де Клавихо и др.) и работ о Тимуре историков и других ученых (Архипий Вамбери, Т. Н. Грановский, Л. Лангле, В. В. Бартольд, Л. А. Зимин, А. Ю. Якубовский и др.). Получился своего рода хрестоматийный свод разновременных и равнохарактерных данных о Тимуре, свод, потребность в котором неоспорима.

Рассчитана эта хорошо задуманная книга на массовую читательскую аудиторию, о чем свидетельствует и ее тираж — 80 тыс. экз.² Однако при ближайшем рассмотрении приходится с чувством горечи, разочарования и досады констатировать, что перед нами не более чем одно из наспех изготовленных изданий, появляющихся сейчас на книжном рынке, возникающих, как накипь, на волне повышенного спроса на литературу о Тимуре и менее всего проникнутых действительной заботой о читателе, его интересах и запросах.

Вывод, что и говорить, суровый, но неизбежный.

Обратимся к фактам.

¹ Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния/Составление, обработка и подготовка текста Р. Рахманалиева. — М.: Гураш, 1992. 544 с.

² Цена договорная. В Ташкенте книга продавалась по 40 руб. за экземпляр. На титульном листе обозначено место издания (Москва). Однако из выходных данных в конце книги явствует, что издательство «Гураш» при участии издательства «Мектеп» расположено в Бишкеке (следует адрес) и здесь же на базе местного полиграфкомбината осуществлен выпуск книги.

Не очень рационален и оправдан сам способ подачи и расположения содержащихся в книге материалов: тексты источников, в том числе современных Тимуру, идут вперемежку с текстами работ ученых, включая публикации самого недавнего времени (причем без хронологической последовательности). Очевидно, было бы правильнее выделить тексты источников и тексты исследовательских работ в отдельные разделы книги.

Вызывает также удивление, что мы не находим в книге хотя бы кратких извлечений из таких важнейших первоисточников, как «Зафар-нама» (Книга побед) Низам ад-дина Шами, «Зафар нама-и Тимури» (Книга побед Тимура) Шараф ад-дина Али Иззиди (первая из них была закончена написанием в 1401—1402 гг., т. е. еще до смерти Тимура, вторая — в 1424—1425 гг.), сирийского араба Ибн Арабшаха, бывшего очевидцем захвата Дамаска Тимуром, и пытавшегося составить полную историю Тимура, автора «Всемирной истории» Ибн Халдуна, оставившего нам примечательный рассказ о встрече и беседе с Тимуром, и ряда других.

Не всегда разборчив составитель и при отборе переводов включаемых в книгу текстов источников. Например, так наз. «Автобиография Тимура» печатается в переводе, осуществленном Н. С. Лыкошиным и изданном в Ташкенте в 1894 г. С течением времени он был признан «тяжелым и устаревшим» и уступил место более совершенному переводу, изданному в 1934 г., но оставшемуся вне поля зрения составителя³.

То же можно констатировать и в отношении извлечений из текста «Дневника путешествия в Самарканд» («Истории Великого Тамерлана») Руи Гонсалеса де Клавихо. Они даются по добротному, но также уже устаревшему и не всегда точному переводу со старонспанского на русский под редакцией И. И. Срезневского (1881 г.). А ведь в 1990 г. вышел в свет новейший, выполненный по первому изданию сочинения Клавихо (Севиля, 1582 г.) перевод И. С. Мироковой с ее же предисловием и обильными комментариями⁴. Кстати, хотя бы частичное использование составителем этих комментариев очень помогло бы читателю сочинения де Клавихо.

И еще одна характерная деталь. Воспроизводя в подстрочных примечаниях предельно краткие ономографические (выходные) сведения о фигурирующих в книге изданиях текстов, составитель ни в одном случае не считал нужным указывать имена переводчиков, хотя они в обязательном и общепринятом порядке фигурировали на титульных листах выпускаемых в свет переводов (Ф. Брун, Л. А. Зимин, Н. С. Лыкошин, Н. И. Строулов, А. И. Павловский, А. А. Семенов, И. И. Срезневский и др.)⁵.

И что еще более важно, так это полное отсутствие в обозреваемой книге каких-либо идущих от составителя пояснений к публикуемым текстам и хотя бы самой краткой вступительной статьи, ориентирующей читателя в материалах книги (данные об авторах, о времени их жизни и т. п.). Читатель предоставлен здесь самому себе.

Печатается, например (с. 186—248), текст «Дневника похода Тимура в Индию» Гийас ад-дина Али, и опять там ни одного слова об авторе «Дневника» и времени его написания. А ведь нетрудно было бы осведомить читателя, что автором «дневника» был ученый-теолог Гийас ад-дин Али, что написан «Дневник» был между 1399 и 1403 гг. и, кстати сказать, по поручению самого Тимура. Не мешало бы информировать читателя, что панегирический характер «Дневника» не устранил его научной ценности. Богатством фактических сведений о военном искусстве Тимура, о структуре действовавшего при Тимуре института эмиров и баладуров и т. д.

На с. 345—351 печатается часть текста сочинения И. Шильдбергера (точнее Шильдбергер) с данными о Тимуре. И нигде ни одного слова составителя о Шильдбергере. Кто он? Кем был, когда жил и писал? Для читателя все это остается полнейшей загадкой⁶. Откуда же ему знать, что речь идет о барзекском дворянине и солдате Иоганне (Гансе, Иване) Шильдбергере (1381—1440 гг.). Плененный турками, он жил при дворе Баязида I, а после битвы под Анкарой (1402 г.) оказался пленником Тимура, служил в его войске, жил в Самарканде. Его перу и принадлежала известия в XV—XVI вв. широкое хождение в Западной Европе «удивительная история, как Шильдбергер из Мюнхена был уведен в плен и вернулся (в 1427 г.) обратно», состоящая из 60 «рассказов», из которых 10 посвяще-

³ Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире/Перевод с тюркского и джагатайского языков. Вступительная статья и комментарий В. А. Пенюка.— М.: Асадетия, 1934. 354 с. Существует также перевод А. В. Васильева и Г. Г. Балгимбаева (Оренбург, 1907).

⁴ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406)/Перевод со старонспанского.— М., 1990. 212 с.

⁵ Замежим попутно, что в некоторых случаях сами наименования публикуемых текстов идут не от их авторов, а от составителя. К примеру, нет работы И. Шильдбергера «О Тамерлане», а есть его «Путешествие по Европе, Азии и Африке», нет работы Фомы Мецельского «Тамерлан», а есть его «История Тимур-Ланка и его современников» и т. п.

⁶ Правда, наиболее внимательный читатель может заметить, что краткие и беглые данные о Шильдбергере (Шильдпергере) фигурируют у Грановского (С. 409).

ны пребыванию Шильдбергера в Средней Азии⁷. Акад. В. В. Бартольд отмечал, что «как источник для изучения политических событий этой эпохи, не исключая даже битв, в которых автор лично принимал участие, рассказ Шильдбергера не имеет почти никакого значения; в расказах о битвах приводятся совершенно фантастические данные... Интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он рассказывает как очевидец»⁸.

Страницы 352—358 содержат текст старорусской «повести полезной, из древних сказаний сложеной» о царе Тимур Аксаке... из восточной страны... из Самаркандской земли». И в данном случае составитель остается верным себе: ни слова об этом произведении, его особенностях и характере. А ведь как важно было бы напомнить читателю, что повесть эта составлялась с учетом проникавших на Русь устных, порой смутных и неточных сведений о Тимуре-завоевателе, откуда, в целом, ее полусказочный характер с элементами библейской традиции (завоевание Тимуром... «Ассирии и Вавилонского царства»).

А вот перед нами извлечения из текста Фомы Мецопского — «Тамерлан» (с. 359—371). Он переполнен лютой ненависти и злобы к Тимур и от начала до конца насыщен грозными проклятиями и самыми неслестными злостными в его адрес. Но и тут читателю предоставлено право вопросов и догадок: а кто же такой Фома Мецопский, что за автор, когда жил и писал и почему именно в этом духе и стиле? А ведь достаточно было бы нескольких строк, поясняющих, что речь идет об армянском летописце, повествующем в своей «Истории Тимур-Ланка и его предeminков» о походе Тимура на родину Фомы Армению. Сочинение Фомы Мецопского относится к числу тех враждебных Тимур турецких, арабских, армянских, грузинских и других источников, лейтмотив и красная нить которых — повествование о разрушительных последствиях походов Тимура и о ходе борьбы против него. И если бы составитель отметил эту сторону дела, то при чтении текста Фомы Мецопского все стало бы на свои места.

Полным молчанием обошел составитель и вопрос об источниковедческой надежности «Уложения Тимура».

Что касается текста из «Истории Бухары» Вамбери (с. 396—403)⁹, то ему предшествует (единственное во всей книге) обращенное к читателю (очевидно, в виде исключения) краткое пояснение составителя, из которого мы узнаем, что «профессор восточных языков и литературы... Герман (а уж в наши дни надо было бы точнее: Арминий) Вамбери... делает (?) довольно полный очерк личности Тимура», из которого составитель «заимствовал... характеристику Тимура — придерживаясь (?) подлинных выражений (?) Вамбери» (с. 396).

Час от часу не легче! Можно, значит, обратиться к переводу А. И. Павловского (хорошему или нет — это уже другой вопрос) и публиковать его, лишь «придерживаясь подлинных выражений Вамбери!» (курсив наш.—Б. Л.). Иными словами, внося в цитируемый перевод произвольные изменения составителя по столь же откровенному и ни к чему не обязывающему туманному принципу «придерживаясь выражений».

Незачем приумножать подобные примеры. Речь идет о том, что книга «Тамерлан» обрушивает на массового читателя широкий поток самой разнообразной и подчас крайне противоречивой информации, связанной с именем Тимура. Сама по себе возможность ознакомиться с этой информацией безусловно желательна и полезна. Но лишенная каких-либо, даже в предельном минимуме, комментариев к публикуемым текстам, эта информация неизбежно порождает у нескрупулезного читателя множество недоуменных, и не находящих ответа вопросов, оставляет его наедине с ними, не облегчает, а затрудняет правильное восприятие и понимание личности Тимура и связанных с его именем явлений и событий мировой истории конца XIV — начала XV в.

Это досадно. Возникает законный вопрос: неужели составитель рецензируемой книги не понимал значения остро необходимых читателю хотя бы самых кратких пояснений к публикуемым текстам? Трудно поверить в это. А без этих пояснений к чему же сводилась тогда роль составителя и как совместить откровенное пренебрежение элементарными интересами читателя с более чем искромуными утверждениями в аннотации книги (с. 4), что она «составлена с необходимой полнотой и обстоятельностью» и «способствует глубинному изучению «белых пятен» в исто-

⁷ Путешествие Ивана Шильдбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 г. по 1427 год/Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брунн/Записки Имп. Новороссийского университета. Год. I. Том I. Вып. 1.—2. Одесса, 1867. С. 1—156.

⁸ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России//Бартольд В. В. Сочинения. Том IX.—М., 1977. С. 280—281.

⁹ При этом следует ссылка: Вамбери Г. История Бухары/Перевод с англ.—СПб., 1873. А вот точное название книги: Вамбери Г. История Бухары или Трансоксиане с древнейших времен до настоящего: По восточным обнародованным и необнародованным рукописным источникам/Перевод А. И. Павловского. Том I.—СПб., 1873. 274 с.; Том II. 1873. 226 с. И здесь, как видим, та же картина: неточное название книги, отсутствие имени переводчика и даже указания на то, из какого именно тома составитель извлек публикуемый им текст.

рии Востока». В том же стиле звучит заявление о том, что «настоящая книга в своем роде Terra incognita для вас, дорогой читатель,— так познавайте, проникайтесь и вы получите истинное наслаждение». Ни больше и ни меньше!¹⁰

В дополнение ко всему начисто, без единого исключения и, что называется, одним росчерком пера составитель отбросил прочь научный аппарат, сопутствующий текстам публикаций Бартольда, Якубовского, Муминова и других ученых. Будем справедливы. Возможно, что к этому имелись основания и соображения, учитывая громоздкость и во многом узко специальный характер этих часто многочисленных примечаний, не рассчитанных на широкую читательскую аудиторию. Но при всяком положении элементарная этика и незыблемые нормы авторского права требовали от составителя хотя бы оговорить это обстоятельство.

Есть здесь еще и другая сторона дела. Публикуемые в книге тексты содержат в себе множество имен исторических персонажей и географических названий. Среди последних немало таких, которые без необходимых пояснений остаются неясными для читателя. Не каждый из них, к примеру, представляет себе, где искать на карте территорию Малой Индии, Султани, Зенджана, Рея, Гиляна, Ангоя, Шапургана, Систана, владений Амюля и Сары, течение реки Марг и т. д., и т. п.

И было бы, очевидно, целесообразным и крайне желательным сохранить ту, пусть самую незначительную часть научного аппарата и авторских комментариев, которая помогла бы рядовому читателю ориентироваться в персоналии и географических понятиях книги. Но это требовало, разумеется, не спешки, а дополнительного труда и времени, на которые составитель, судя по всему, не рассчитывал.

Удивляет, далее, и вызывает чувство протеста беззастенчиво произвольное обращение составителя с используемыми им текстами сочинений ученых.

Одним из примеров может служить публикация текста известной статьи В. В. Бартольда «О погребении Тимура». Полностью опущена пространная глава первая этой статьи. Оговорим, что составитель книги, рассчитанной на самого широкого читателя, безусловно, имел право ограничиваться, в необходимых случаях, воспроизведением не всего текста сочинения того или иного автора, а лишь наиболее существенных извлечений из текста. Но столь же очевидно, что при этом совершенно обязательным и общепринятым условием является указание составителем на то, что речь идет об извлечениях, а не о тексте в целом.

К чему приводит нарушение этого незыблемого правила, с особой наглядностью явствует публикация в рецензируемой книге текста работы И. М. Муминова «Роль и место амира Тимура в истории Средней Азии» (Ташкент, 1968).

Из 40 страниц текста брошюры И. М. Муминова составителем не только без каких-либо оговорок, но даже без элементарно принятых многоточий в местах, подвергшихся сокращению, полностью опущено содержание более 26 (двадцати шести!) страниц, в том числе весьма важных для понимания взглядов и концепций И. М. Муминова касательно оценки личности Тимура, его политики и деяний¹¹.

Комментарии излишни!

И еще об одной поучительной детали. Перед нами книга о Тимуре, каким всегда и было его собственное имя, с которым он вошел в историю. Под этим именем он фигурирует и в вошедших в содержание книги работах Бартольда, Якубовского, Зимина, Умнякова, Муминова, Пугаченковой, Ремпеля и других. И совершенно неясно, почему вопреки всему рецензируемая книга носит европеизированное название «Тамерлан» (от «Тимурленг»). Чем руководствовались составитель и издательство, предпочитая в наши дни замену общепринятого и точного имени Тимура его прозвищем в связи с его хромотой («Тимурленг», т. е. «Тимур-хромец»). В старой литературе фигурировали и другие обозначения имени Тимура (например, у Клавихо: Таморлан, Тамурбек; в последнем случае — искаженная подача имени Тимура и его тюркского титула *бег*, равнозначного арабскому *эмир*)¹².

И совсем анекдотически выглядит избранная составителем в качестве эпиграфа ко всей книге выдержка (цитата) из «Автобиографии Тимура», снабженная подписью: Тамерлан. Уже во всяком случае от самого Тимура такая подпись исходить, конечно, не могла. Составитель бездумно воспроизвел транскрипцию «Тамерлан», слепо следуя начертанию имени Тимура в 1894 г. в переводе «Автобиографии Тамерлана». Не отсюда ли и наименование всей книги — «Тамерлан», а не «Тимур»?

Столь же непонятно, почему на с. 544 книга «Тамерлан» отнесена к разряду «историко-художественных изданий» (!).

Заключает книгу небезынтересное для читателя приложение: «Родословная Тимура», со смылкой: «Шакарим Худайберды-улы. Родословная тюрков, казахов,

¹⁰ Тем более, что, как гласит та же аннотация, составителю «при подготовке издания удалось отойти от марксистской ортодоксальности». В чем, где, когда? Что в книге принадлежит перу составителя для обоснования такого рода утверждения?

¹¹ Правда, некоторые места в тексте брошюры И. М. Муминова опущены составителем, очевидно, во избежание повторений ранее цитированных в книге «Тамерлан» извлечений из так наз. «Уложений Тимур», «Дневника Клавихо и др., но и в этом случае составитель был безусловно обязан как-либо оговорить это обстоятельство.

¹² Бартольд В. В. *Бетл*//Сочинения. Том V.—М., 1968. С. 502.

киргизов. Династия ханов.—Алма-Ата, 1990. С. 90—94». Но и здесь составитель остался верен себе, не потрудившись объяснить читателю, кто такой автор «Родословной», к какому времени относится его сочинение и какова точность этой родословной Тимура.

Подведем итоги.

Само по себе желание собрать воедино и переиздать публикации о Тимуре полезно и нужно. Но то, что сделано составителем, во многом заслуживает осуждения. Это небрежно, на скорую руку подготовленное издание. А якобы «полная и обстоятельная» работа составителя на самом деле ограничилась (такова неприглядная правда и реальная действительность) не более чем подбором и механическим соединением «под одной крышей» некоторых источников и научных публикаций без соблюдения элементарных историографических и источниковедческих принципов и методов подготовки изданий подобного рода.

Как видим, явное и серьезные издержки и просчеты, допущенные составителем и издательством и неминуемо снижающие качественный уровень книги.

Можно, конечно, утешать себя тем, что, как говорится, на безрыбье и рак рыба, и что лучше хоть это, чем совсем ничего (а надо признать, что в какой-то, очень скромной мере это все же действительно так). Но это поистине слабое утешение, хотя уже одно то, что массовый читатель наших дней познакомится, что ни говори, благодаря книге «Тамерлан», с работами о Тимуре В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, И. М. Муминова и других ученых, заслуживает, конечно, одобрения.

Очень не хотелось бы при этом ставить под сомнение субъективно благие намерения составителя и издательства «Гураш». Но даже если они и были убеждены в полезности задуманного предприятия, это, конечно, не освобождает их от ответственности за научно качественную сторону дела, а нас, по печальной необходимости, от того, чтобы назвать вещи своими именами.

Рецензируемая книга — поучительный и в наши дни, к сожалению, уже далеко не единственный пример того, как книжный рынок повсеместно наводняется скороспелыми изданиями, явно рассчитанными прежде всего на их высокую доходность. Тут, естественно, важнее всего вовремя использовать благоприятную в этом отношении рыночную конъюнктуру, не опоздать, не упустить момента, использовать в своих эгоистических интересах закономерно высокий спрос потребителя на историческую литературу.

Здесь, впрочем, следует, пользуясь случаем, сделать упрек и в адрес наших специалистов: историков, историографов, источниковедов. Не призывая их к излишней торопливости, надо все же констатировать, что с их стороны далеко не всегда проявляется достаточно инициативы, усилий, чтобы удовлетворять назревшие запросы читательской аудитории, подготавливая и выпуская в свет доброкачественные пособия к изучению истории. Средней Азии, в том числе истории Тимура и Тимуридов и их эпохи, и тем самым предотвращать появление на книжном рынке изданий коммерческого характера.

Б. В. Лукин

НОВЫЕ КНИГИ

А. А. ГАФУРОВ. ПРОГРАММНО-УПРАВЛЯЕМЫЕ И АДАПТИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ В ОБЩЕСТВЕ

(Ташкент: НПО Кибернетика АН Республики Узбекистан, 1991. 52 с.)

В предложенной вниманию читателя брошюре автор развивает идеи, изложенные им ранее, в брошюре «К анализу моделей иерархической стационарной и самонастраивающейся систем управления»¹. В них изложена концепция математического моделирования социально-экономических процессов.

В работе представлено формализованное описание функционирования человеческого общества в виде программно-управляемых и адаптивных систем с применением категорий кибернетики. Это позволило автору провести анализ общественных процессов с точки зрения основных движущих мотивов труда: административного, экономического и морально-этического. На основе проведенного анализа проф. А. А. Гафуров разработал математическую модель эволюции мотивов, при помощи которой сделана попытка сформулировать фундаментальные законы развития общества.

По концепции автора, первоначально общество функционировало под действием мотивов насилия и принуждения, которые он обобщенно назвал административ-

¹ Гафуров А. А. К анализу моделей иерархической стационарной и самонастраивающейся систем управления.—Ташкент: НПО «Кибернетика» АН Республики Узбекистан, 1990. 36 с.

ным мотивом. Максимальное его значение автор устанавливает близким к единице. В дальнейшем, по мере развития общества, его значение уменьшается. В противоположность ему растут от нуля до единицы значения добровольных мотивов — экономического и нравственного. На определенном этапе общественного развития, когда суммарное выражение добровольных мотивов становится больше административного, создаются благоприятные условия для перехода к обществу свободы и демократии.

Результаты математического моделирования позволяют автору рассматриваемой концепции оценить социально-политическую обстановку в республиках бывшего Союза, выявить серию ошибок, допущенных бывшим политическим руководством.

Модель, разработанная А. А. Гафуровым, показывает, что первоначально необходимо было провести демилитаризацию экономики, затем ее деидеологизацию и только затем демонтировать командно-административную систему, осуществляя этот процесс поэтапно, по мере создания и упрочения структуры демократической экономики.

Псевдодемократия спасти общество не может. Она вызывает, как правило, обратный процесс, вакханалию, разграбление народного добра. Из кризиса общество может вывести только твердая власть, опирающаяся на глубокую ответственность перед обществом. Это подтверждает нынешняя политическая обстановка в Узбекистане, которую характеризуют гражданский мир, стабильность, консолидация прогрессивных сил, межнациональное согласие.

Работа рассчитана на политологов, экономистов, психологов, специалистов, занимающихся системными исследованиями, а также работников органов государственного управления.

Л. М. Белявский

ХРОНИКА

ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ

В 1991 г. мировая общественность отмечала 200-летие Конституций Франции и Польши, принятых на заре становления буржуазной демократии. Французская и польская Конституции 1791 г., как и принятая в 1787 г. Конституция США, оказали большое влияние на развитие мировой конституционной мысли.

Конституционные идеи этих первых основных законов имеют непреходящее значение: они были восприняты и получили свое дальнейшее развитие в конституциях многих стран мира. Обращение к историческому опыту конституционного строительства зарубежных стран весьма актуально для конституционной теории и практики республик, входивших ранее в состав СССР и вступивших ныне на путь самостоятельного государственного развития.

Большую работу по изучению и обобщению истории, теории и практики конституционализма осуществляет Международная ассоциация конституционного права (МАКП), созданная в Белграде (Югославия) в сентябре 1981 г. с целью координирования мировых научных исследований в области конституционного права.

МАКП ежегодно издает «Информационный бюллетень», который рассылается национальным ассоциациям, отдельным гражданам, а также факультетам права, университетам и научным институтам более чем 120 стран мира. Под эгидой МАКП проведено несколько международных научных встреч и три всемирных конгресса, основными темами которых были «Современная Конституция» (Белград, 1983 г.), «Новое конституционное право» (Париж, 1987 г.), «Конституционное развитие накануне III тысячелетия» (Варшава, 1991 г.).

В работе III Всемирного конгресса, проходившего в сентябре 1991 г., принял участие и представитель Узбекистана — автор этих строк. На форум собралось много выдающихся ученых-конституционалистов, активно обсуждавших такие проблемы, как «Конституция и коммуникация», «Конституция и научно-технический прогресс», «Конституция — шаг к экономическому и социальному прогрессу», «Конституция и требования демократии», «Укрепление конституционализма в западных странах», «Конституция и законность», «Конституция и требование местной автономии».

Пленарное заседание открылось докладом чл.-кор. АН СССР Б. Н. Топорнича «Развитие конституционных систем в Восточной Европе».

Обсуждение актуальных проблем современного конституционного развития продолжалось в научных секциях. Острые дискуссии развернулись вокруг процессов, происходящих на востоке Европы, где идет бурный и противоречивый процесс становления новых демократических институтов, перехода от тоталитарного режима к демократическому правовому государству.

С докладами выступали ученые многих ведущих университетов мира: Александр Гижтор, Ян Бажкевич (Польша), Мишель Тропер (Франция), Юги Хигучи (Япония), Педро Крус Виллалон (Испания), Сальвадор Мариа Лосада (Аргентина).

на), Абдулфаттах Амор (Тунис), Франсуа Люшар, Мишель Лесаж (Франция), Джузеппе де Верготини (Италия), Атила Рац (Венгрия), Хайнц Шаффер (Австрия), Майкл Розенфельд, Луи Хенкин (США), Иван Кристан, Павел Никонович (Югославия) и др.

Большой интерес вызвал доклад профессора Токийского университета Такахаши Казуки «Укрепление конституционализма в западных странах». Он рассмотрел следующие проблемы: 1) укрепление конституционализма и его взаимосвязь с практикой реализации Конституции; 2) ослабление конституционализма, что, по мнению проф. Казуки, находится в тесной зависимости от длительного пребывания у власти одного и того же правительства, в связи с чем нужен механизм, обеспечивающий смену правительства конституционным путем; 3) взаимодействие религии и государственных институтов в плане укрепления конституционализма. В заключение проф. Казуки обосновал роль суда в защите и укреплении конституционализма, назвав его «бастионом конституционализма».

Привлек внимание также доклад профессора Оснежского университета (Югославия) Звонимира Лаука «Взаимосвязь между свободой, экономической эффективностью и политической демократией в Конституциях», подчеркнувшего, что именно экономические и демократические процессы при их эффективном взаимодействии выступают необходимым условием для перехода к современному обществу.

Особое внимание делегатов нашей страны привлек доклад японского исследователя Акио Коморида «Некоторые аспекты конституционного развития в Советском Союзе и некоторых восточноевропейских странах», в котором были рассмотрены такие проблемы, как: 1) осуществление революционных по своей сути преобразований государственного и общественного строя СССР путем эволюционного развития, эволюционных изменений государственного устройства в рамках Конституции; 2) процесс развития нашего государства как федеративного государства. Особенность этого процесса, с точки зрения ученого, заключается в том, что развитие федерации сопряжено с ростом национального самосознания в различных регионах страны, что в ряде случаев приводит к выходу из федерации некоторых ее субъектов, появлению новых государств, провозглашающих свой суверенитет. Проф. Коморида подробно остановился на трудностях перехода от тоталитарного государства к демократическому.

Проведение этого конгресса позволило нам установить контакты с ведущими учеными-конституционалистами многих стран и, в частности, заложить основы для дальнейшего сотрудничества Ташкентского государственного юридического института с юридическими факультетами Варшавского и Люблинского университетов.

Надо и впредь всемерно расширять плодотворные связи с правовыми центрами других стран, укреплять сотрудничество с Международной ассоциацией конституционного права, глубже изучать мировой опыт теории и практики конституционализма.

В частности, представляется целесообразным провести в нашей республике с участием представителей других стран конференцию, посвященную проблемам конституционного строительства.

А. З. Мухамеджанов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР «ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО И ПОЛИТИКА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ»

25—28 мая 1991 г. в Ташкенте состоялся международный семинар «Инвестиционное право и политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе», организаторами которого выступили Институт философии и права АН Узбекистана, Содружество «Юристы за сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (СЮСАТР) и Ташкентский государственный экономический университет. В семинаре приняли участие видные ученые-юристы, экономисты, предприниматели из Пакистана, США, Казахстана, Киргизии, России и других стран.

Программа семинара включала восемь сессий, охвативших разнообразные правовые вопросы инвестиций, а также экономических факторов их обеспечения.

Заседание семинара открыл ректор ТГЭУ проф. С. С. Гулямов. Затем он выступил с докладом «Инвестиционная политика Узбекистана: проблемы и перспективы». Он подчеркнул, что республика имеет благоприятные предпосылки для развития активной инвестиционной политики.

Приветствия в адрес участников семинара огласили также президент СЮСАТР, проф. Р. А. Тузмухамедов, директор Института государства и права АН Казахстана, проф. М. К. Сулейменов, старший адвокат Верховного суда Пакистана, проф. М. Билал и др.

С докладом, посвященным инвестиционному праву Узбекистана, выступил доктор юр. наук А. Х. Саидов (Ташкент). Он отметил, что правовое регулирование отношений с участием иностранных инвесторов в Узбекистане приобретает особое

значение. Деятельность иностранных инвесторов регулируется нормами законов «Об иностранных инвестициях в Республике Узбекистан», «О предприятиях», «О собственности» и ряда других законодательных актов, которые определяют правовые, экономические, организационные основы и порядок осуществления инвестиций на территории Узбекистана. А. Х. Саидов подчеркнул приоритетные отрасли экономики, нуждающиеся в привлечении иностранных инвестиций, и остановился на проблемах правового регулирования деятельности юридических лиц с участием иностранного капитала, гарантиях защиты интересов инвесторов, вопросах совершенствования инвестиционного права в Узбекистане, механизма защиты прав инвесторов от какого-либо вмешательства извне и т. д.

Проф. Р. А. Тузмухамедов (Москва) охарактеризовал в своем выступлении проблемы инвестиционного права республики Средней Азии и Казахстана. Он отметил особенности норм инвестиционного права различных государств, выделил их положительные и схожие черты и подчеркнул необходимость проведения сравнительных исследований с целью совершенствования законодательства республик и их инвестиционной политики.

Проф. М. К. Сулейменов (Алма-Ата) поднял проблемы инвестиционного права в Казахстане. Он отметил, что там принимаются определенные меры по созданию условий для привлечения иностранных инвесторов в экономику республики, в том числе по совершенствованию соответствующих законодательных актов Казахстана.

Канд. юр. наук М. Б. Усманов (Ташкент) остановился на правовых проблемах землепользования иностранных инвесторов в Узбекистане. Их землепользование носит специфический характер и эти отношения следует урегулировать отдельными нормами, которые должны найти отражение в Законе «О земле в Узбекистане».

Канд. юр. наук Ш. Ф. Хакимов (Ташкент) заострил свое внимание на проблемах правового статуса предприятий с участием иностранного капитала, охватывающих вопросы образования, функционирования и реорганизации предприятий; указал на необходимость комплексного исследования правового режима уставного фонда предприятий, а также правомочий его учредителей и отметил недостатки законодательства, регулирующего деятельность совместных предприятий.

Инвестиционному праву Пакистана был посвящен доклад ст. адвоката Верховного суда Пакистана, проф. Б. Билала (Карачи). Он познакомил присутствующих с практикой и методами осуществления инвестиций в экономике Пакистана, рассказал о мерах, принятых правительством этой страны по преодолению экономического кризиса, и о нынешней ситуации в области инвестиционной политики в Пакистане.

Правовые проблемы научно-технического прогресса как объекта инвестиционной политики осветил в своем выступлении канд. юр. наук О. Окилов (Ташкент). Он отметил необходимость закрепления в законодательном порядке форм и методов государственного руководства научно-техническим прогрессом, а также компетенции и задач государственных органов по вопросам управления и содействия развитию науки и техники.

Канд. юр. наук Э. Мусаев (Ташкент) остановился на правовых вопросах создания инвестиционных фондов и бирж инвестиций в Узбекистане, учредителями которой могут выступить инвестиционный фонд, а также ряд министерств, консорциумов, банков и других организаций.

О проблемах совместных предприятий как формы осуществления иностранных инвестиций в республике говорилось в выступлении Б. Б. Самарходжаева (Ташкент). Он заметил ряд моментов, касающихся правового регулирования создания и деятельности СП в Узбекистане. Канд. юр. наук Ш. Ш. Рузинзаров (Ташкент) затронул проблемы совершенствования правового регулирования отношений предприятий с участием иностранных инвесторов в сельском хозяйстве. Ф. М. Насимов (Ташкент) отметил необходимость четкого правового решения одного из наиболее важных вопросов для иностранного инвестора и принимающего государства — свободного перемещения капитала и релативации получаемых доходов с территории одного государства на территорию другого.

Правовым аспектам инвестиций в сфере железнодорожного транспорта было посвящено выступление К. Рашидова (Ташкент). Он подчеркнул, что в рамках инвестиционной политики требуется и решение правовых вопросов, связанных со страхованием инвестиций в железнодорожном транспорте.

На практических вопросах осуществления инвестиций остановился бизнесмен из США Фарух-Хан. Он говорил о стремлении предпринимателей сотрудничать с государствами Азиатского региона и в этой связи отметил недостатки ряда норм действующего законодательства, высказав свое мнение о путях его совершенствования.

Законодательству КНР в области инвестиционной политики был посвящен доклад А. Н. Кошкина (Ташкент). По словам докладчика, эффективность инвестиционной политики КНР напрямую зависела от системы преференций и льгот для зарубежных инвесторов. Такие льготы были установлены рядом принятых в Китае нормативных актов. Опыт решения этих вопросов в КНР представляет интерес и для нашей республики.

В выступлениях других участников семинара был затронут ряд иных аспектов обсуждаемой проблемы.

Работа Международного семинара «Инвестиционное право и политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе» наглядно показала актуальность данной проблемы, важность решения ее сообща и необходимость проведения в этих целях систематических встреч ученых и практиков на международном уровне.

Ш. Хакимов

ЎЗБЕКИСТОН—ФРАНЦИЯ ҲУҚУҚШУНОС ОЛИМЛАРИНИНГ БИРИНЧИ ХАЛҚАРО УЧРАШУВИ

Шу йилнинг июнь ойида республикаимизнинг ҳуқуқшунос олимлари Франция-лик ҳамкасблари билан учрашиб, қонунларни такомиллаштириш хусусида тажриба алмашдилар. Ушбу учрашувда Қозоғистон, Туркманистон, Россиядан ҳам вакиллар қатнашдилар. Учрашув асосан учта мавзуга бағишланиб, унда «Қиёсий ҳуқуқшунослик ва хорижий давлатлар ҳуқуқий тажрибасидан фойдаланиш», «Хусусийлаштиришнинг ҳуқуқий масалалари», «Суд корпусини шакллантириш ва судьялар карьераси» муаммоларига оид масалаларда маърузалар тингланди ва муҳокама қилинди.

Биринчи масала бўйича «Қиёсий ҳуқуқшунослик ва хорижий давлатлар ҳуқуқий тажрибасидан фойдаланиш» мавзусида 2 та Париж университетининг профессори Тьер Катала маъруза қилди. Унинг фикрига қўра, бошқа халқлар тўплаган тажриба миллий қончиликни ислоҳот қилишда катта фойда берадиган туғанмас манбадир. Бу йўналишда Франция, Ўзбекистон, Қозоғистон ва бошқа мамлакатлар ўртасида яқиндан ҳамкорлик ўрнатилиши лозимлиги тўғрисида алоҳида фикр билдирилди.

Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Фалсафа ва ҳуқуқ институти-нинг директори, ҳуқуқшунослик фанлари доктори, профессор А. Х. Сандов шу мавзу хусусида маъруза қилиб, қонун чиқарувчининг қиёсий ҳуқуқдан фойдаланиши масаласига асосий эътиборни қаратади. Маърузада қиёсий ҳуқуқшуносликнинг қонун ижоди самарали восита эканлиги ва бунинг ёрдамида ҳуқуқий тартибтотни такомиллаштириш мумкин деган гоя илгари сурилди.

Профессор М. М. Файзиевнинг маърузаси қиёсий ҳуқуқшуносликнинг методологик муаммоларига бағишланди. У қиёслашнинг асосий принциплари, шакллари, белгиларига, тартибига асосий эътиборни қаратади.

Ҳуқуқшунослик фанлари номзодлари Л. Каримова, О. Оқйўлов, С. Гафоровларнинг маърузаларида ҳам қиёсий ҳуқуқшуносликнинг республикаимиз қонунларини такомиллаштиришдаги ролига алоҳида тўхталиб ўтилди.

Ўзбекистон-Франция ҳуқуқшунос олимлари учрашувида муҳокама этилган иккинчи асосий мавзу «Миллийлаштириш ва хусусийлаштиришнинг ҳуқуқий жиҳатлари»га бағишланди.

Бу мавзу хусусида асосий маърузани Франция ҳукуматининг фуқаролик ишлари бўйича маслаҳатчиси, профессор Мишель Бернар қилди. Унинг таъкидлашича, хусусийлаштириш муаммоси нафақат Франция учун, балки МДҚ мамлакатлари учун жуда муҳимдир. Шунинг алоҳида айтиш керакки, — деди у, — хусусийлаштириш давлат — режа ҳўжалигини бозор иқтисодиётига айлантиришдаги асосий воситалардан биридир.

Ҳуқуқшунослик фанлари доктори, профессор Х. Р. Раҳмонқулов шу мавзуда маъруза қилиб, бизнинг республикаимиз сиёсий ва иқтисодий мустақилликка эришди, энди унинг ижтимоий-иқтисодий асоси бозор муносабатлари бўлади, деди. Унинг фикрига қўра, бозор иқтисодиётининг асосини хусусий мулкчилик ташкил этади, ёхуд хусусий мулксиз ҳақиқий бозор муносабатлари йўқдир.

Қозоғистон Фанлар академияси Давлат ва ҳуқуқ институтининг директори, ҳуқуқшунослик фанлари доктори, профессор М. К. Сулейменовнинг маърузаси «Қозоғистонда хусусийлаштиришни ҳуқуқий тартибга солиш» муаммосига бағишланди. У ўз нутқида Қозоғистонда хусусийлаштиришни амалга оширишнинг ўзига хос миллий, жўғрофий хусусиятлари, табиий объектлари, хусусан, ерга нисбатан хусусийлаштиришнинг ўзига хос қийинчиликлари, Қозоғистонда хусусийлаштиришга оид қабул қилинган қонунлар, уларни бу муносабатларни тартибга солишдаги камчиликларини масалаларига алоҳида эътиборни қаратади.

Сўзга чиққан нотиклар, жумладан, ҳуқуқшунослик фанлари доктори И. Жалилов, ҳуқуқшунослик фанлари номзодлари Ш. Н. Рўзиназаров, М. Б. Усмонов, Ш. Хакимов ва И. А. Черкашина каби олимларимизнинг нутқларида қишлоқ ҳўжалигида хусусийлаштиришнинг ҳуқуқий муаммолари хусусида фикрлар билдирилди.

Халқаро учрашувдаги учинчи масала: «Суд корпусини шакллантириш ва судьялар карьераси» мавзусида Париж университетининг профессори Пьер Безар маъруза қилди. Унинг фикрича, қиёсий ҳуқуқшуносликнинг ижодини қонун, суд тўғрисидаги қончиликни шакллантиришда ҳам қўллаш мумкин. Лекин Евроосиё

мамлакатлари суд амалиётида қиссий ҳуқуқшуносликни қўллаш чеклангандир. Пьер Безар Францияда судлар фаолиятини тартибга солувчи қонунлар тўғрисида гапириб, унинг ижобий томонларини ҳуқуқий давлат қуриш йўлига ўтган Оснэ минтақаси мамлакатлари ўрганиши мақсадга мувофиқ бўлур эди деган фикрни билдирди.

Учрашувдаги учинчи масала бўйича проф. Ш. Ш. Шораҳмедов маъруза қилди. Маърузада республикамизда суд корпусини ташкил қилиш, суд ҳокимиятини тўғри белгилаш, суд тизимини тўғри ташкил этиш масалаларига тўхталиб ўтилди.

«Ўзбекистон Республикасида суд ислоҳотининг асосий жиҳатлари» мавзусида ҳуқуқшунослик фанлари доктори, профессор Г. А. Абдумажидов сўзга чиқди. Асосий эътибор республикамизда жиноятчиликнинг йилдан-йилга ўсиб бораётганлиги, бунинг асосий сабабларидан бири суд тизимидаги камчилликларга қаратилди. Шунинг учун суд тизимида катта ислоҳот ўтказилиши лозимлиги ўқтирилди.

Ҳуқуқшунослик фанлари доктори Э. Х. Норбўтаевнинг маърузаси «Жиноят ҳуқуқи фани ва Ўзбекистон Республикаси янги жиноят қонунчилигини ишлаб чиқишда чет давлатлар қонун ижод қилиш тажрибасидан фойдаланиш йўллари» мавзусига бағишланди.

Учрашув илмий муаммоларни муҳокама қилиш билангина чекланиб қолмасдан, балки амалиёт вакиллари, давлат идоралари ходимлари билан мунозаралар қилишга ҳам бой бўлди. Чунончи, учрашув қатнашчилари Ўзбекистон Республикаси Олий Кенгашида бўлишиб, унинг қўмита раислари Э. Х. Халилов ва Э. Н. Хўжаев қабулида бўлдилар. Бундан ташқари уларни Ўзбекистон Республикаси Олий Судининг раиси У. М. Мингбоев, Адлия вазири М. Б. Малико, Тошкент вилояти Қиррай ноҳияси халқ судининг раиси Д. Иброҳимов қабул қилди. Ушбу амалий учрашувларда қизғин мунозаралар ва фикр алмашинувлари бўлиб ўтди. Меҳмонларга Давлат ҳокимияти ва ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари тизими ва уларнинг иш фаолияти тўғрисида маълумотлар берилди.

Хулоса қилиб шунини айтиш мумкинки, мазкур учрашув Ўзбекистонда ҳуқуқшунослик фанининг ривожига, ҳуқуқ тизимини такомиллаштиришга, қонунлар ишлаб чиқиш жараёнида ҳаржий мамлакатлар тажрибаси ижобий томонларидан ўрганиш асосида уни бизда қўллаш имкониятини яратди, ҳуқуқшуносликнинг турли соҳаларидаги муаммоларни ҳал этишда муҳим амалий аҳамият касб этди.

М. Б. Усмонов

ОЛИЙ УҚУВ ЮРТЛАРИ УҚИТУВЧИЛАРИНИНГ ИЛМИЙ-УСЛУБИЙ АНЖУМАНИ

Мустақил Ўзбекистон Республикаси ўз давлат эркинлигига эришгандан кейин, унинг ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий истиқболларининг барча жабҳаларини мустаҳкамлаш катта амалий аҳамиятга эгадир. Бунинг учун мустақил Ўзбекистон Республикаси халқи фаол ишлаши ва ижтимоий ҳаётда бирдам, ҳамжихат бўлишига кўп нарса боғлиқ. Бу масалаларни ҳаётга тўғри татибдиқ этиш ҳар бир фуқародан ўзи яшаётган даврни, ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий кураш жараёнларида тарихимизни чуқур, ҳолсизона ўрганиши кераклиги муҳим муаммога айланди.

Шу мақсадда 1992 йил 13—14 май кунлари ТошДДА Ўзбекистон Республикасининг мустақиллигига бағишланган Тошкент олий ўқув юртларида «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўқитишнинг муҳим муаммоларига оид илмий-услубий анжуман» бўлиб ўтди. Унда «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўрганишда олий ўқув юртлари олдида турган долзарб муаммолар: мустақил республикамизнинг ижтимоий-сиёсий тарихидаги оқимлар, ҳаракатлар, гуруҳлар ва сиёсий фирқаларнинг босиб ўтган тарихини ҳолсизона архив материалларидан фойдаланган ҳолда, рўзнома, ойнома-ларда ва чет элларда кейинги йилларда чоп этилаётган тарихимизга оид кам ўрганилган адабиётларни чуқур ўрганиш мустақил давлатимизнинг тарихчи олимлари олдида турган асосий масалалардан бири эканлиги таъкидланди.

Анжуман очилиш кuni Ўзбекистон олий ўқув юртларида «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўрганишдаги асосий муаммолар» юзасидан — Тошкент Электротехника алоқа институтининг тарих фанлари доктори А. Г. Абдунабиевнинг «Ўзбекистон сиёсий тарихини такомиллаштириш концепцияси ҳақида», дорилфунун қошидаги ўқитувчилар малакасини ошириш институтининг тарих фанлари докторлари К. Н. Норматовнинг «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўқитишда МОИ вазифалари», Ш. Ш. Шароповнинг «Туркистонда сиёсий фирқа ва ҳаракатлар» мавзусидаги маърузалари тингланди. Шундан кейин анжуман иштирокчилари икки кун мобайнида учта гуруҳга бўлиниб: 1. «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўқитишнинг назарий ва методологик йўналишлари»; 2. «Ўзбекистон сиёсий тарихининг манбаси ва тарихшунослиги тўғрисида»; 3. «Ўзбекистон сиёсий тарихини ўқитишда олий ўқув юртларининг хусусиятлари ва ўқитиш шакллари» ҳисобга олиш тўғрисида маърузалар ва қўшимча ахборотлар тингланди. Шулардан, масалан, проф. А. Т. Азизхоновнинг «Ўзбекистон Республикасининг мустақиллиги муаммолари», тарих фанлари номзоди

С. Холбошевнинг «Ўзбекистон ижтимоий-сиёсий тарихи курси, уни ўрганиш объекти ва предмети», доцентлардан Э. Тоғаев, А. Алимов ва тарих фаълари номзоди С. Орифхўжаевнинг «Ўзбекистон сиёсий тарихида 1920—30-йиллардаги сиёсий қатагонликларнинг ечим» юзасидан ва Ўзбекистон сиёсий тарихига оид 44 та мавзу тингланди.

Илмий-методик конференция қатнашчилари шу вақтгача «Ўзбекистон сиёсий тарихи»ни бир ёқлама ўрганилиб келинганлигини, бунда марказнинг яқка ҳокимликдаги бошқариш усуллари охири очиб ташлаш билан бирга, ютуқларимизни ҳам қайтадан таҳлил этиб ўрганишимизни таъкидладилар. Эндиликда мустақил Ўзбекистон тарихчилари олдида турган тарихимиздаги кам ўрганилган мавзулар: Чор Россиясининг XIX асрнинг иккинчи ярмидаги боқинчилик сиёсатининг мақсадлари; жадиҳчилик ҳаракатининг ижтимоий-сиёсий моҳияти, XX аср бошларида ўлкамиздаги халқ ҳаракатлари, сиёсий қатагонликлар, саноатлаштириш, коллективлаштириш, ўлкада мухассислар масаласи ва маданий, иқтисодий масалаларини ҳал этишдаги муаммоларни тезроқ ҳолисона ёритиб беришга катта эътибор қаратдилар.

Анжуманда Тошкент шаҳар ва вилоятларининг институтларидаги ўқитувчилар ўзларининг ахборотлари билан фикр алмашдилар. Анжуман арафасида барча конференция қатнашчиларига Ўзбекистон сиёсий тарихини ўрганишга бағишланган тезислар алоҳида китоб қилиб тарқатилди.

Конференция охирида «Ўзбекистон сиёсий тарихи» фанини ўқитиш масалаларига бағишланган илмий-методик анжуман иштирокчилари тавсиянома қабул қилдилар. Тавсияномада «Ўзбекистон сиёсий тарихи»ни ўқитиш ва ўрганиш соҳасида бирмунча маъқул ишлар қилинганлиги таъкидланиб, келгусида янги фан юзасидан дарсликлар ва ўқув-методик қўлланмалар тайёрлашга алоҳида аҳамият бериш кафедраларининг асосий вазифаси эканлигини эътиборга олиб, шу соҳадаги мақолаларни чоп этишга эришиш зарур деб кўрсатилди.

«Ўзбекистон сиёсий тарихи» фани бўйича талабалар учун бу фanning хрестоматиясини ва кўргазма қўролларни хариталарни тезроқ тайёрлаш, уларни чоп этишга эришиш соҳасида вазирликдан имкониятлар талаб қилиш вақти келди деб ҳисобланди. Шу билан бирга «Ўзбекистон сиёсий тарихи»га доир барча архив ҳужжатларини таплаш ва уни ўзбек тилида кўп нусхада чоп этиш ишларига киришни кераклиги таъкидланди.

Ш. Шаропов, С. Орифхўжаев

ЕШ ОЛИМЛАР АНЖУМАНИ

25 апрель куни Ўзбекистон Республикаси Фанлар академиясининг Тарих институтида ёш олимларнинг илмий-назарий анжумани бўлиб ўтди. Анъанавий конференция «Мустақил Ўзбекистон демократия, фан, маданий тараққиёт йўлида» шиори остида ўтди. Анжумани Ўз ФА муҳбир аъзоси Ҳайдар Пўлатов очиб, ёш олимлар олдида турган долзарб илмий муаммолар тўғрисида қисқача маъруза қилди. Шундан сўнг йилгилик кун тартибидagi илмий маърузаларга навбат берилди. Анжуман ишида биринчи бўлиб аспирант Н. Ҳақбердиевнинг «Мустақил Ўзбекистон иқтисодиётини ривожлантириш муаммолари» мавзусидаги илмий маърузаси тингланди. Маърузада республикамизни иқтисодий ниқироздан чиқиш йўллари юзасидан қандай чора-тадбирлар кўриш зарурлиги тўғрисида бир мунча ажойиб фикрлар билдирилди. Хусусан, у катта муаммолардан бири минтақаларда ёшларни иш билан таъминлаш аҳолининг миллий хусусиятини, урф-одат, анъаналарини ҳисобга олган ҳолда янги, кенг маҳсулот турларини ишлаб чиқариш ўзининг самардорлигини беришини баён қилди. Шунингдек, ёш олимнинг оилавий иқтисодиётни ривожлантиришининг афзалликлари тўғрисидаги қатор таклифлари тингловчиларнинг мунозарасига сабаб бўлди.

«Авесто»да умуминсоний қадриятларнинг улуғланиши» мавзусидаги аспирант С. Эшонқулловнинг маърузаси ҳам анжуман иштирокчиларида жонли таассурот қолдирди.

Ҳозирги даврда республикамизни олдинги, етук давлатлар қаторига кириб боришида кибернетика, компьютер техникаси, замонавий автоматика, робот машиналарининг ривожини зудлик билан йўлга қўйиш зарурдир. Ана шу муаммо юзасидан аспирант С. Муҳиддиновнинг «Кибернетика фанининг тараққиёти ва унинг фалсафий масалалари» номи маърузаси алоҳида аҳамиятга эга. Еш изланувчан Ш. Мўминовнинг «Информатика ва ҳисоблаш техникасининг фалсафий муаммолари» маърузаси юқорида номи зикр қилинган аспирант маърузасига монанд илмий чиқиш бўлиб, жиддий мунозараларга туртки бўлди.

Маълумки, фалсафий дунёқарашнинг шаклланишида табиий фанларнинг тутган ўрни беқийс катта. Ана шу масалага оид аспирант К. Яғудаевнинг «Мия ва онг» ва Р. Умаровнинг «Математиканиннг фалсафий муаммолари» мавзусидаги илмий чиқишлари тингловчиларда яхши таассурот қолдирди.

Жамият тараққисетида фаннинг тутган ўрни беқиёсдир. Лекин сир эмаски, илм-фан тараққисети айни бир пайтда экология жумбоғини жамият олдига умум-башарий муаммо қилиб қўйди. Бу муҳит «хавф-хатарларини» бартараф қилиш чоратadbирлари юзасидан аспирант Д. Норгитовнинг «Фан тараққисетининг умумбашарий муаммолари» мавзусидаги маърузаси ўз мазмунига кўра тингловчилар томонидан юқори баҳоланди.

Умуман ёш олимларнинг анъанавий анжумани юқори илмий-назарий савияда ўтди, улар республикамизнинг юксалиши йўлида қаттиқ бел боғлаган ҳолда қатор илмий жумбоқларни ҳал қилишга тайёр эканликларини намойиш қилдилар.

М. Абборов, М. Толипов

МУНДАРИЖА

К. А. Ҳасанжонов, А. М. Қодиров Г. С. Шомирзаева. Республикада ташқи иқтисодий алоқаларни ривожлантириш стратегияси ва уни амалга ошириш механизми	3
О. Ш. Номозов. Ҳозирги вақтда бозорнинг институционал структураси	7
М. Х. Раҳмонқулов. Бозор шароитида шартнома вазифалари ҳақида	15
И. А. Қаримов. Ҳуқуқий давлатда шахс	21
Г. П. Саркисянц. Ҳакамлик амалиётидаги умумлаштириш услубий масаласига доир	26
С. С. Қомилова, Л. Б. Сидиқова. Маданий меросимизда инсон муаммоси	31
<u>Л. И. Ремпель.</u> Ислом ва санъат	36
И. Абдуллаев. Бобораҳим Машраб (Таваллудининг 350 йиллигига)	42

Илмий ахборот

А. Б. Қурбонниёзов. Ишчи кучи ва ундан экологик танглик ҳудуди шароитида фойдаланиш (Қорақалпоғистон мисолида)	50
А. Я. Мирзақулов. Ўзбекистоннинг хорижий мамлакатлар билан илмий алоқалари (60-йиллар)	52
Б. М. Бурҳонов. Ўзбекистон бошқарув ташкилотларига меҳнаткаш омма вакиллари раҳбарлик ишларига кўтаришнинг тарихига доир (1917—1925 йиллар)	56

Танқид ва тақриз

А. Р. Муҳаммаджонов. Г. А. Ҳидоятнинг «Моя родная история» («Жонажон тарихим») китоби ҳақида	61
Б. В. Лунин. Темур ҳақида янги китоб ва унинг китобхонларининг ушлаган орзулари	66

Янги китоблар

Л. М. Белявский. А. А. Фафуров. Жамиятда дастурий бошқариладиган ва соддалаштирилган тизимлар	70
---	----

Хабарлар

А. З. Муҳаммаджонов. Конституцияшуносларнинг жаҳон анжумани	71
Ш. Ҳақимов. «Осиё-Тинч океани минтақасида маблағ ажратиш ҳуқуқлари ва сисъати» халқаро семинари	72
М. Б. Усмонов. Ўзбекистон — Франция ҳуқуқшунос олимларининг биринчи халқаро учрашуви	74
Ш. Шаронов, С. Орифхўжаев. Олий ўқув юртлари ўқитувчиларининг илмий-услубий анжумани	75
М. Абборов, М. Толицов. Еш олимлар анжумани	76

СОДЕРЖАНИЕ

К. А. Хасанджанов, А. М. Кадыров, Г. С. Шамирзаева. Стратегия развития внешнеэкономических связей республики и механизм ее реализации	3
О. Ш. Намазов. Институциональная структура современного рынка	7
М. Х. Рахманкулов. О функциях договора в условиях рынка	15
И. А. Каримов. Личность в правовом государстве	21
Г. П. Саркисянц. К вопросу о методике обобщения судебной практики	26
С. С. Камилова, Л. Б. Сидькова. Проблема человека в нашем культурном наследии	31
<u>Л. И. Ремпель.</u> Ислам и искусство	36
И. Абдуллаев. Бабарахим Машраб (К 350-летию со дня рождения)	42

Научные сообщения

А. Б. Курбаниязов. Трудовой потенциал и его использование в условиях зоны экологической напряженности (На примере Каракалпакии)	50
А. Я. Мирзакулов. Научные связи Узбекистана с зарубежными странами (60-е годы)	52
Б. М. Бурханов. К истории привлечения представителей трудящихся к руководящей работе в органах управления Узбекистана (1917—1925)	56

Критика и библиография

А. Р. Мухамеджанов. О книге Г. А. Хидоятова «Моя родная история»	61
Б. В. Лунин. Новая книга о Тимуре и несбывшиеся надежды ее читателей	66

Новые книги

Л. М. Белявский. А. А. Гафуров. Программно-управляемые и адаптированные системы в обществе	70
--	----

Хроника

А. З. Мухамеджанов. Всемирный форум конституционалистов	71
Ш. Хакимов. Международный семинар «Инвестиционное право и политика в Азиатско-Тихоокеанском регионе»	72
М. Б. Усманов. Первая международная встреча ученых-правоведов Узбекистана и Франции	74
Ш. Ш. Шаропов, С. Арифходжаев. Научно-методическая конференция преподавателей вузов	75
М. Абрамов, М. Талипов. Конференция молодых ученых	76

НАШИ АВТОРЫ

- Хасанджанов К. А.— член-корреспондент УзАСХН, председатель СОПСА АН РУз.
Абдуллаев И.— доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз.
Кадыров А. М.— доктор экономических наук, зав. отделом СОПСА АН РУз.
Камилова С. С.— доктор философских наук, зав. кафедрой истории философии и логики ТГПИ им. Низами.
Насыров Р. Н.— доктор философских наук, зав. кафедрой социально-экономических и политических дисциплин ТАСИ.
Ремпель Л. И.— доктор искусствоведения.
Саркисянц Г. П.— доктор юридических наук, зав. кафедрой уголовного процесса ТГЮИ.
Каримов И. А.— кандидат исторических наук, зав. кафедрой политологии ТГАУ.
Курбаниязов А. Б.— кандидат экономических наук, управляющий Госстраха Республики Каракалпакстан.
Рахманкулов М. Х.— кандидат юридических наук, зам. ректора Университета мировой экономики и дипломатии.
Шамирзаева Г. С.— кандидат экономических наук, докторант СОПСА АН РУз.
Бурханов Б. М.— аспирант Института истории АН РУз.
Мирзакулов — аспирант ФерГУ.
Намазов А. Ш.— аспирант Института экономики АН РУз.
Сидыкова Л. Б.— аспирант ТГПИ им. Низами.

ПОПРАВКА

В № 7—8 журнала за 1992 г. на с. 55, строка 19 снизу, следует читать:
6 000 000 тонна... (далее — по тексту).

